

Д.Н. Маслюженко ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Д.Н. Маслюженко

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

МОНОГРАФИЯ

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет

Д.Н.МАСЛЮЖЕНКО

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В
СРЕДНИЕ ВЕКА**

Монография

Курган 2008

УДК 94(57)
ББК 63 (235.55)4

М 31

Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века.: Монография. - Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. - 168 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Ю.А.Сорокин, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета;

В.А.Никитин, кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Курганского филиала УрЮИ МВД России.

Научный редактор:

В.В.Меншиков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета.

Монография посвящена исследованию этнополитической истории лесостепного Притоболья в эпоху средневековья. На основе значительного комплекса источников реконструируются основные этапы становления местных политических структур. Особое внимание уделяется истории династии Шибанидов, представители которой являлись в позднее средневековье лидерами таких постзолотоордынских объединений как Тюменское и Сибирское ханства, анализируются основные направления их внешней и внутренней политики, в частности вопрос взаимоотношений с Русским государством.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей Сибири до начала русской колонизации.

ISBN 978-5-86328-900-7

© Маслюженко Д.Н., 2008

© Курганский государственный университет, 2008

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время общим местом становится фраза о том, что период средневековья является одним из наиболее крупных «белых» пятен в истории лесостепного Притоболья. При этом исследователи осознают, что без этого этапа невозможно как понять судьбу населения региона, формировавшегося на протяжении предыдущих тысячелетий, так и осознать причины чрезвычайно растянувшегося по времени включения этой территории в состав Российского государства в конце XVI - XVII веке.

Отметим, что отдельным аспектом этой темы является реконструкция основных моментов функционирования Тюменского и Сибирского ханств как одного из компонентов постзолотоордынского мира Евразии. В последнее время история отдельных политий и их внешней политики на позднесредневековом пространстве были подробно реконструированы исследователями, особенно это характерно для работ А.И.Исина, В.В.Трепавлова и И.В.Зайцева, связанных с историей Казахского и Астраханского ханств и Ногайской Орды. Изучение собственно средневековой истории региона было начато еще Г.Ф.Миллером, а также отдельными авторами XIX - начала XX столетия (П.Небольсин, А.Оксенов, И.Н.Юшков, А.Абрамцев, А.Дмитриев), хотя в большинстве случаев их интерес касался, прежде всего, русской политики в Сибири и особенно похода Ермака. Эти тенденции в целом характерны и для исследователей советского периода, в частности В.А.Оборина и Р.Г.Скрынникова, хотя уже в работах З.Я.Бояршиновой делается попытка реконструкции внутренней канвы внешнеполитической деятельности сибирских правителей. Во многом сохраняют свое значение в этом отношении работы С.В.Бахрушина. Однако в целом местная государственность, которая в период средневековья была на периферии исторического процесса, и теперь оказывается в подобных условиях, однако отдельные работы Т.И.Султанова, А.Г.Нестерова, Г.Файзрахманова, Д.М.Исхакова и ряда других авторов начинают заполнять этот пробел.

Мы не будем определять точные географические границы региона, поскольку в отличие от современности средневековое население не было ограничено таковыми. В результате в зависимости от изменений экологических или внешнеполитических условий исследуемый нами регион может увеличиваться или уменьшаться, как некий пульсатор или сердце. Хотя в целом к центральной части этого региона относится средняя (лесостепная) часть бассейна р. Тобол, которая находится между ее притоками - реками Исеть на севере и Уй на юге. Тобол является своеобразной меридиональной границей в регионе, а распространение степного разнотравья играет роль широтной. К востоку от реки находится более 3 тысяч озер, расположенных почти до Ишима и обеспечивающих особые требования к заселению региона. Южное Зауралье для нас определяется во

многим как особая историческая область («страна Ибир-Сибир» (XIII-XVI вв.)), специфика которой заключается в расположении в особой контактной зоне между степью и лесом. Однако такие связи были не только между севером и югом, хотя возможно они более заметны, но и между востоком и западом, ведь этот регион является составной частью Урало-Иртышского междуречья, на территории которого народы были тесно связаны на протяжении последних тысячелетий. Часто уловить эти «параллельные» связи гораздо сложнее, но без них невозможно понять, например, миграции протомагьярских племен в раннее средневековье.

Также необходимо оговорится, что мы понимаем под «средневековьем», особенно применительно к исследуемому региону, осознавая при этом, что сам подобный «хронотоп» скопирован с истории Европы, и, используя его, мы стремимся подчеркнуть единство неких макропроцессов на территории Евразии. Вопрос этот отнюдь не праздный, поскольку и традиционные рамки средневековой истории Западной Европы в промежутке между V-XV вв. в последние десятилетия, под влиянием работ авторов Школы Анналов, и особенно Жака Ле Гоффа, сменяются концепцией «Долгого средневековья», завершающегося только к XIX веку (Гуревич, 1992, с.366-368). А ведь это изменение относится к региону, хорошо представленному в исторических источниках. К тому же, хронология его в силу доминирования европейской исторической традиции считалась своеобразным идеалом и калькировалась для территорий достаточно отдаленных. Дело здесь в том, с чьей точки зрения оценивать данный этап: ведь взгляд интеллектуала или представителя церкви на эти события будет одним, в то время как «бесмолвствующее большинство» (по А.Я.Гуревичу) этих изменений просто не заметило, поскольку они мало повлияли на их повседневную жизнь.

В данном случае нам кажется бесспорным тот факт, что начало этого этапа в исследуемом нами регионе необходимо искать в IV веке, когда единый массив саргатской культурно-исторической общности раннего железного века распался в результате миграции части населения в составе гуннского союза на запад. В долгосрочной перспективе это привело к изменению внешнеполитического окружения региона, к началу доминирования в соседних степях новых тюркоязычных групп, а в лесостепном Притоболье - к складыванию бакальской культуры. При этом культура доминирующих в степи этносов значительно влияла на властные полномочия и идеологию местной знати. Именно степные связи, а также кризисы государственности у кочевников Восточного Дешта, обуславливали взлеты и падения местных объединений.

Однако найти верхние рамки этого периода оказалось гораздо сложнее. Изначально нам казалось, что поход Ермака и разгром им Кучума как канонический пример, известный всем еще со школьной скамьи, вполне подходил под таковые, поскольку после этого начинается период постепенного нарастания русской доминанты и включения зауральского населения в состав Русского государства. В то же время в знакомой нам сибирской медиэвистике попытка построения единой средневековой хронологии предпринималась только Б.А.Кониковым, который относил события интересующего нас времени к т.н. «третьему

переходному периоду (конец XVI-первая половина XVII в.)», после которого только начинается позднее средневековье (Коников, 1991, с.144-145). Та мифологизированная реальность, с которой мы столкнулись при изучении этой темы, оказалась гораздо богаче по своему характеру, а по накалу страстей не уступала истории европейских стран. Хотя автор в данной работе и остановил свое изложение на начале похода Ермака, на самом деле он осознает, что для автохтонного населения, в том числе входившего в улус Кучума или его наследников Кучумовичей, «их средневековье» еще продолжалось, по крайней мере, вплоть до второй половины XVII века. Тем самым, если мы взглянем на эти события с точки зрения закономерностей русской истории, то интересующая нас дата будет одна, а с точки зрения Сибири - абсолютно другая. Так возникает вопрос: существовало ли Сибирское ханство при наследниках Кучума на протяжении первой половины XVII века? Осознавали ли себя члены военных отрядов Кучумовичей как часть той же политики или это была абсолютно бесперспективная война, связанная лишь с их личной преданностью ханам и огланам? Каким был их внешнеполитический статус? Хотя сама титулатура и ее периодическое признание русскими царями скорее говорит о них как правителях отдельного улуса. К большому сожалению, невозможно узнать, что происходило в сознании и как отражалась на уровне менталитета вся противоречивость положения этих людей, потерявших свои земли перед действительно серьезным противником. Сами попытки возрождения данной политики в середине XVII века наводят на мысль не просто о некоем противодействии русской политике, но и о живости идеи независимой государственности в умах автохтонного населения юга Западной Сибири.

Немаловажной причиной слабой изученности средневековой истории лесостепного Притоболья является ограниченность источниковой базы. В археологическом плане этот этап представлен более чем 50-ю памятниками, в том числе пятью могильниками, которые можно понять только в контексте всей археологической карты юга Западной Сибири. Для ее воссоздания в последние годы многое сделали такие археологи как К.В.Сальников, В.А.Могильников, Л.В.Викторова, Б.Б.Овчинникова, Т.М.Потемкина, С.Г.Боталов, Н.П.Матвеева, В.М.Морозов и многие другие. Однако большинство памятников исследуемого региона, за исключением исследуемых в последние годы Усть-Утяжского-4 и Большого Бакальского городищ, изучены либо в ходе разведок, либо небольшими раскопками, не покрывающими всю площадь памятника. Тем самым само количество памятников и качество их исследования и публикации резко контрастирует с археологическими разработками предыдущих эпох.

Письменные памятники, затрагивающие тему нашего исследования, создавались в иных регионах, в основном в Средней Азии (особенно авторами из окружения шибанидских или тукатимуридских правителей) и России, а иногда и в Западной Европе в качестве материалов путешественников и дипломатов. Чаще всего они освещают лишь те события, которые тем или иным образом связаны с историей соседних политических объединений. По этой причине нам зачастую хорошо знакома внешнеполитическая деятельность местного лидера, но абсо-

лютно неизвестны ее последствия для внутренней жизни объединения. Следует согласиться с мнением С.А.Плетневой, высказанной ею по аналогичному поводу относительно ранней половецкой истории: «... современников не волновали события, происходившие внутри степных объединений. Первые упоминания появляются, естественно, тогда, когда сложившееся объединение начинает искать выхода накопленной энергии» (Плетнева, 1990, с.41). В крайнем случае, в источниках содержатся некие «чудеса», удивившие информаторов, или же они несут следы ограниченного доступа к информации. Это особенно заметно на материалах записок иностранных послов XVI века, получавших большинство известий о Сибири из рук русских дипломатов, стремившихся представить все в нужном для московской идеологии свете.

В то же время такие крупные этнополитические объединения позднего средневековья как Сибирское княжество Тайбугидов и в особенности Тюменское и Сибирское ханства Шибанидов в отличие от южных политий под руководством представителей той же династии, не создали своей летописной традиции. Конечно, нельзя при этом отрицать, что отдельные легенды и родословия сибирских татар и особенно представителей мусульманской элиты, записанные Н.Ф.Катановым и рядом современных авторов, или башкирские шеджере являются важными источниками для изучения этнополитической истории региона. Однако хронологический охват описываемых ими событий чрезвычайно невелик, а зачастую эти известия, своеобразно преломленные в сознании рассказчика, не согласуются с описанными в других источниках. В частности, это видно из дискуссий о походе Шейбани-хана в Сибирь и его роли в исламизации местного населения. Предполагается, что отдельные легенды, особенно рассказанные кем-то из окружения тайбугидских беков, могли войти в состав «Сибирских летописей», однако и в таком случае перед нами встает проблема политической окраски этих сообщений, а также об их трансформации под влиянием христианского сознания летописца.

В этом отношении чрезвычайно важными для нас источниками являются документы переписки, которая была предпринята тюменскими и сибирскими правителями, в частности через ногайских союзников, с московскими государями. Большое количество этих грамот и писем было опубликовано за последние два столетия, что позволяет воссоздать фон истории сибирской государственности XV-XVI веков сквозь призму внешнеполитических связей. Однако значительная часть документов ногайских и сибирских книг была утрачена в пожарах Смутного времени, в результате такая чрезвычайно важная их часть как переписка Тайбугидов с Иваном IV о подданстве дошла до нас только в пересказе авторов «Патриаршьей, или Никоновской, летописи». Ведь при этом сама генеалогия данного княжеского рода реконструируется авторами именно по данным русских летописцев и некоторым оговоркам в грамоте к Кучуму от 1598 года.

Представленные здесь размышления не должны наводить читателя на мысль о том, что все в нашей истории обстоит так плохо. Наоборот перекрестная про-

верка информации, полученной из разных источников, приводит к весьма любопытным выводам. Это, например, видно из истории прихода к власти в Искре хана Кучума, которого в последнее время представляют то узурпатором и уничтожителем местной независимости, поработителем сибирского населения, то наоборот борцом с русскими завоевателями. Причем обе эти точки зрения в большей степени являются элементами идеологии, но при этом сам Кучум как историческая личность был потерян на фоне исторического мифа о походе Ермака и его последствиях.

Завершая это небольшое введение, автор благодарит за огромную помощь и долготерпение на протяжении написания вначале диссертационного исследования, а затем и этой работы свою супругу Е.А. Рябинину; за постоянные доброжелательные советы, в том числе в отношении ссылок, и помощь в подборе историографии и источников своего научного руководителя В.В.Менщикова (г. Курган), оппонентов на защите кандидатской диссертации В.П.Костюкова (г. Челябинск) и Ю.А.Сорокина (г. Омск), без которых моя диссертация вряд ли бы переросла в монографию, а также всех своих коллег из г.г. Москва, Казань, Тюмень, Уфа, Челябинск и многих других. Отдельное спасибо руководителю археологической лаборатории Курганского госуниверситета и моему другу С.Н.Шилову и тем людям, которые в разное время входили в состав творческого коллектива этой лаборатории и создавали ее неповторимую атмосферу. И, в конечном итоге, всем преподавателям исторического факультета того же университета, с которыми я имею честь работать.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИБИРИ (ДО НАЧАЛА XV ВЕКА)

Сибирские политические объединения позднего средневековья формировались на основе длительного развития местных этнополитических структур. По сути, основные закономерности их существования невозможно понять без учета специфического облика населения западносибирской лесостепи, а также влияния на историю региона Монгольской империи и Золотой Орды в ходе формирования улуса Шибана. Следует понимать, что политики, подобные Тюменскому или Сибирскому ханству, в равной степени черпали основные идеи как в местном опыте, так и в длительных традициях степной государственности, высший пик которой был достигнут при Чингис-хане и его потомках. Само оформление этих объединений началось именно в ходе распада единого монгольского мира, который, по мнению ряда исследователей, можно называть «первой мир-системой». Тюменское и Сибирское ханство, а также Сибирское княжество, были не только наследниками постзолотоордынского времени, но и впитали в себя те специфические особенности этногенеза, который характеризовал лесостепь Западной Сибири. В этой главе мы попытаемся рассмотреть некоторые из подобных предпосылок.

1.1. Формирование облика населения лесостепи Западной Сибири в эпоху средневековья (на примере бакальской культуры)

История Сибирского ханства не может быть оторвана от предыдущих этапов становления этнополитической и культурной карты лесостепной части Западной Сибири. Связано это, прежде всего, с формированием специфического этнического облика населения этого позднесредневекового объединения. В данном случае мы попытаемся представить процесс культурогенеза на примере одной археологической проблемы: дискуссии о хронологии и периодизации бакальской археологической культуры, и взглянем на нее сквозь призму основных закономерностей развития культуры в широком понимании этого термина, присущем гуманитарным дисциплинам.

Бакальская археологическая культура была выделена К.В. Сальниковым по материалам работ в пойме р. Исеть, причем автор дважды пересматривал ее хронологию, первоначально датировав ее в рамках IV-VIII вв., позднее сузив до IV-VI вв. (Сальников, 1956, с. 212-214; Сальников, 1961, с. 37-48). В 1964 году Т.М. Потемкина опубликовала материалы раскопок Большого Бакальского городища, которое было предложено датировать IX-XI веками (Потемкина, 1964, с. 257-258). Проведенные в то же время исследования Малого Бакальского городища и еще

ряда близких памятников позволили уточнить хронологию всей бакальской культуры, основные комплексы которой расположены на территории Тоболо-Исетского междуречья. Для бакальской культуры были установлены даты в рамках IX - XIV-XV веков (Могильников, 1987, с. 182), хотя в последних работах он и относил начало процесс бакальского культурогенеза к VI-VII вв. (Могильников, 1996, с. 9). Б.Б. Овчинникова, связав бакальскую культуру с сылвенской этнокультурной областью, предложила разделить весь период ее функционирования на два этапа: IX-XIII и XIII-XV веков (Овчинникова, 1987, с. 134). Дискуссия о хронологии, а следовательно, и периодизации данной культуры не прекратилась до сих пор. Так, ряд авторов в последние годы предлагают вернуться к периодизации, предложенной еще К.В. Сальниковым (Борзунов и др., 1992, с. 267; Морозов, Боталов, 2001, с. 135-137), связывая происхождение памятников бакальской культуры с кризисом саргатской культуры раннего железного века в ходе событий Великого переселения народов. Аргументы этой группы исследователей не лишены определенных оснований, о чем уже приходилось писать автору данной статьи (Маслюженко, 2005, с. 172-175; также см. Рафикова, 2007, с. 99-107). В то же время без крупномасштабных раскопок бакальских памятников Присетья окончательно решить вопрос об их датировке невозможно, особенно с учетом чрезвычайно малого количества датируемых вещей, обнаруженных при исследовании городищ и поселений.

Однако перед тем как обратиться к решению поставленной задачи, необходимо определиться с терминами. Прежде всего, с нашей точки зрения, археологическая культура есть лишь внешнее, опредмеченное выражение жизнедеятельности определенной общности людей, синхронно проживающей на одной территории. При этом можно исходить из представления в целом о культуре как о способе адаптации человека и человеческих сообществ к окружающей их действительности, призванной отличить «свой мир» от «мира чужого». Часто подобные элементы культуры отражаются не только на материальном мире, с которым имеет дело археология, но и на духовном уровне, чаще всего недоступном для нашего исследования. Эволюция материального оформления культуры может являться признаком не только внутренних изменений, в том числе социальной структуры и этнического состава, но и отражать некоторые внешние, в частности миграционные, процессы. Такую культуру можно, пусть и в идеальном плане, отождествить с человеком, а следовательно, этапы ее функционирования могли бы быть сходными с периодами жизни. Период детства - это становление культуры, где идет процесс накопления присущих и характеризующих ее будущее состояние признаков, причем они могут быть получены из разрозненных источников. Период взросления - классический этап любой культурной общности, когда все ее признаки проявляются в полной мере. И, наконец, период старения и умирания весьма схож с первым, только он, напротив, характеризуется не накоплением, а разложением элементов, часть из которых могут еще длительное время проявляться в соседних, отнюдь не во всех случаях наследственных, группах населения. Подобный подход к пониманию термина «культу-

ра» заставляет автора данной работы склониться к точке зрения тех исследователей, которые выступают за удревнение памятников бакальской культуры. При этом необходимо учесть, что эпонимные для бакальской культуры городища могут быть не характерны для раннего этапа бытования этой группы населения. В связи с этим возникает несколько вопросов: датировка периода формирования культуры, причины оформления комплекса городищ как наиболее ярких памятников бакальцев, а также сущность процесса разложения культуры, связанного с понятием «тюркизация». Все это поднимает проблему о дате окончания функционирования бакальской культуры, ведь теоретически сложно допустить, чтобы одна и та же этническая группа, фактически не изменяя внешнего облика культуры, существовала более тысячи лет, особенно в условиях постоянных этнополитических коллизий эпохи средневековья.

Говоря здесь об уподоблении «археологической культуры» и «этнической группы», мы осознаем всю дискуссионность данной проблемы (Аникович, 1981 с.19), особенно с учетом того, что для средневековой истории эти понятия выступают в качестве скорее «инструмента исследования», чем живой реалии (подробнее см.: Яблонский, 2007, с.38-42). В то же время, по определению А.П.Садохина, «этнос - исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» (Садохин, 2001, с.252). В этом отношении «археологическая культура» вполне может быть одним из признаков некоего единства на этническом уровне (Мельникова, 1996, с.38).

В последнее время количество аргументов в пользу возврата к хронологии, предложенной К.В.Сальниковым, стабильно увеличивается. Существенными факторами при рассмотрении первой проблемы следует считать близость строительных и керамических традиций саргатской и бакальской культур (Овсянников, 1997, с.16; Овчинникова, 1986, с.133-141; Лебедев А., 1995, с.128). Вряд ли подобное сходство было бы возможно при значительном хронологическом промежутке между культурами, даже с учетом возможности существования отдельных позднесаргатских групп населения Тоболо-Исетье еще в V века (Матвеева, 2007, с.71). В то же время особой проблемой здесь является возможность появления схожих традиций в материальной культуре не в результате прямого наследования, а в ходе адаптации к схожим условиям обитания (подробнее см.: Савинов, Бобров, 2007, с.48-51). К тому же предположение о длительном сохранении населения саргатской культуры в лесостепи поддерживается отнюдь не всеми исследователями. Например, А.П.Зыков в одной из работ предположил, что уже в IV веке происходит смена саргатского населения бакальскими, кушнаренковскими и кашинскими группами (Зыков, 2002, с.48). Значительные праургорские группы носителей этой культуры на протяжении IV века покидают свою «родину», расселяясь на Среднем Урале, в Приуралье и Прикамье (Белавин, 1998, с.10-11). По всей видимости, отдельные западносибирские племена также

входят в состав формирующейся гуннской орды и уходят в западный поход (Корякова, 1996, с.322). Все это не может ни привести к частичному запустению ранее густонаселенной лесостепной полосы Западной Сибири. В то же время, очевидно, что к миграциям было способно отнюдь не все население, и отдельные группы могли сохраняться на старом месте, что достаточно часто фиксируется на материалах средневековой истории (Фодор, 2007, с.154). В рассматриваемом нами случае в пользу этого свидетельствует продолжение традиций резной орнаментации, присущей для местного гороховского и саргатского населения, и наиболее ярко воплотившейся в материалах бакальской культуры. В то же время уменьшение населения приводит к появлению и расселению здесь новых племен из тайги (Белавин, 2002, с.44; Морозов, Боталов, 2001, с.137). С.Ф.Кокшаров и А.П.Зыков в этом отношении отмечают, что «...на месте остались лишь самые слабые, которые не могли остановить массовую миграцию в опустевшую лесостепь таежного населения до низовий Ишима и Тобола на западе. Местное население было ассимилировано...» (Кокшаров, Зыков, 1995, с.18).

В.М. Морозов и В.Д. Викторова считают, что на ряде памятников в среднем течении Исети раннебакальская керамика с резной орнаментацией залегает в одном слое с гребенчатой туманского и кашинско-прыговского типов, что отражает процесс инфильтрации групп таежного населения в лесостепь в V-VI вв. (Викторова, Морозов, 1993, с.178). В последующих работах В.М.Морозов напрямую увязывал появление памятников бакальской культуры с миграцией лесного населения Приобья на юго-юго-запад, начиная с IV века, и их участием в формировании кушнарниковских комплексов (Морозов, Боталов, 2001, с.137; Морозов, 2003, с.166). В.А. Могильников обосновал гипотезу о том, что позднесаргатские памятники IV-V вв. непосредственно переходят в раннебакальские VI-VII веков. К ним автор относит материалы Перейминского и Козловского могильников и Логиновского городища, расположенные в северной части лесостепной зоны Прииртышья и Приишимья (Могильников, 1990, с.189). Таким образом, памятники раннебакальской культуры (или, точнее, те комплексы, в которых в той или иной степени проявились признаки присущие бакальской культуре) в географическом плане были разбросаны по всей лесостепи от Тобола-Исетья до Иртыша и Ишима, причем они связаны с кочевыми или полукочевыми группами населения. При этом необходимо учитывать, что сходство материала ряда памятников может быть в равной степени связано с тем, что они частично сформировались на единой саргатской основе (Васильев, Могильников, 1981, с.59-60). Таким образом, в северной лесостепи шел процесс этнообразования угорского мира, который в Южном Зауралье может связываться с раннебакальскими памятниками, отражающих смешения оставшихся групп саргатского населения и пришлых с юга степных и с севера лесных угорских групп. Усиление таежного влияния связано не только с возможным запустением Южного Зауралья в результате событий Великого переселения народов, но и с продолжавшимся до V века увлажнением и заболачиванием лесной зоны (Корякова, 1993, рис.9). Кроме того, по мнению Ж.-Н. Бирабена, именно на V век приходится окончание первого

общемирового демографического взрыва, начало которого совпадает с эпохой Великого переселения народов (данные по: Крадин, 2002, с.252). Следует отметить, что с III в. начинается улучшение климатической экологической ситуации в Приишимье, степном и лесостепном Зауралье, хотя в степной части Северного Казахстана продолжается период аридизации. По всей видимости, для юга Западной Сибири вторая половина I тыс. н.э. характеризовалась холодным климатом, при котором для территории региона были характерны степные ландшафты с кустарниковой березкой (Таиров, 2003, с.26 и далее), удобные для освоения кочевниками. В целом на протяжении эпохи средневековья для зауральского ландшафта был характерен лесостепной облик, но с меньшим значением широколиственных пород деревьев и большей долей сухих степей (Якимов и др., 2007, с.32).

Вероятную северную волну проникновения можно, в частности, связать с группами населения, для которых была характерна гребенчатая и шнуровая орнаментация сосудов (т.н. «кашинско-прыговские комплексы», хотя их внутренняя хронология на современном уровне исследований не может быть уточнена (Ковригин, Шарапова, 1998, с.67-73)). Шнуро-гребенчатая орнаментация керамики, по мнению В.Д. Викторовой и В.М. Морозова, являлась признаком южных лесных и северных лесостепных скотоводческих культур (Викторова, Морозов, 1993, с.174-180). Памятники с подобными комплексами в пределах исследуемой территории в основном концентрируются по Исети, более широко они распространены в северной части лесостепного Притоболья. Еще В.Н.Чернецов связывал подобные орнаментальные традиции с протомансийскими группами (Чернецов, 1957, с.180). Однако на данный момент небольшой объем раскопанных памятников не позволяет определить закономерности взаимоотношений этих групп с носителями резной орнаментации, характерной для бакальского населения. Можно предположить, что проникновение таежных групп на юг в лесостепь являлась одной из стабильных черт развития региона в раннее средневековье. По всей видимости, смешение племен с резной традицией и отдельных таежных групп с т.н. «ковровым орнаментом» прослеживается в частности на материалах Логиновского городища VI-VII вв. (Генинг, Евдокимов, 1969, с.124-125).

К тому же проблема этнической характеристики населения интересующего нас региона в период раннего средневековья напрямую связана с дискуссией о мадьярской прародине, в том виде как ее сформулировали венгерские исследователи П.Вереш и И.Фодор (Егоров, 1987, с.50). В последнее время традиционно в качестве таковой называют южную лесостепь Западной Сибири (The Cambridge History, 1990, p.242-243), то есть тот же регион, где формируются бакальские памятники раннего этапа. Автохтонность этой группы населения для лесостепи Южного Зауралья уже указывалась исследователями (Боталов, 1988, с.130). Хотя, скорее всего, более верно в этническом плане эту группу лесостепного населения Южного Зауралья и прилегающих территорий называть протомадьярской. В то же время археологическое наполнение данной группы населения для этого региона в целом неясно. Видимо, здесь с большой долей вероятности могут быть допущены наименования культур Южного Урала, генезис которых связы-

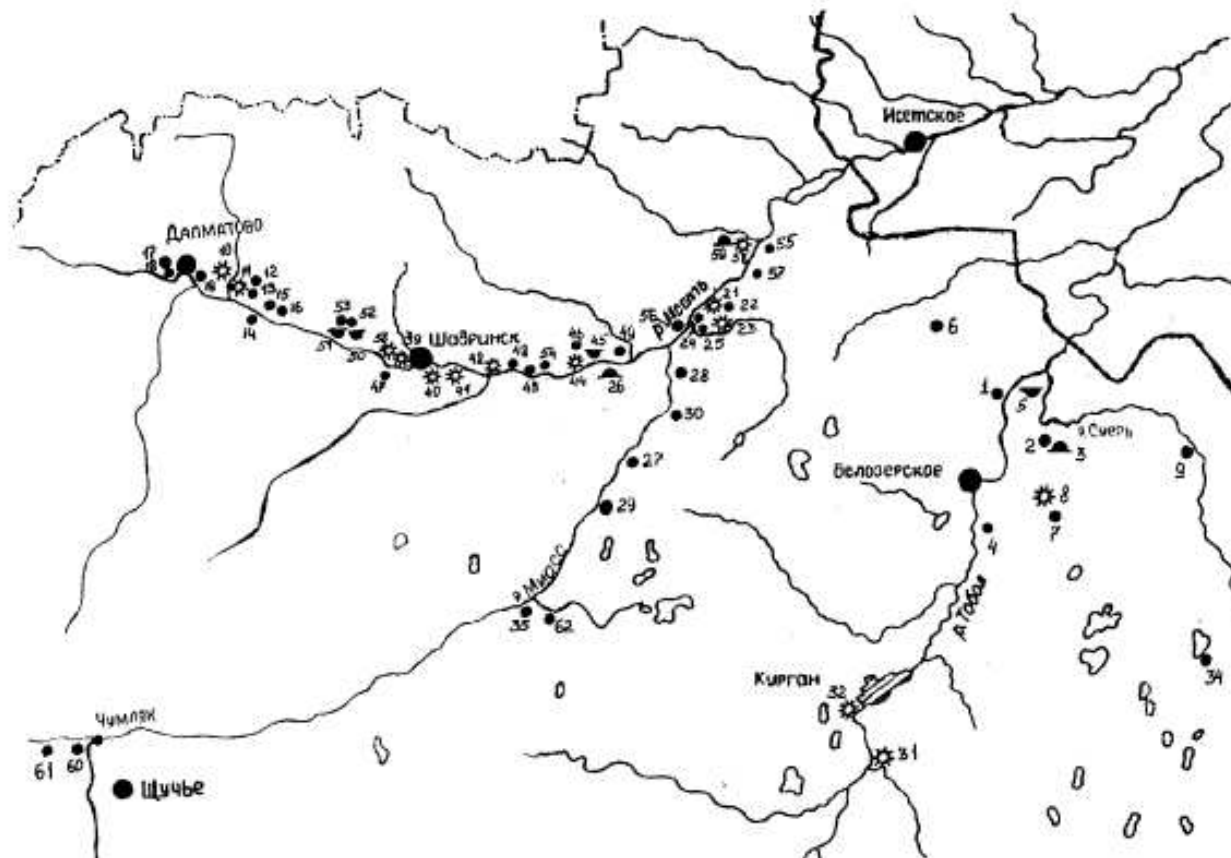
вается с лесостепью Западной Сибири, в частности кушнаренковская и караякуповская (Могильников, 1971, с. 153-156; Могильников, 1996, с. 8-9). В этой же среде необходимо искать и часть носителей раннебакальских традиций, что, кстати, потенциально снимает вопрос об отсутствии погребальных комплексов данной культуры как растворенных в массиве протомадьярских памятников.

Период функционирования в южной лесостепи протомадьярских групп населения совпадает с эпохой владычества в степи I и II Тюркского каганатов. В письменных и археологических источниках почти нет данных о взаимоотношениях тюркских каганов с лесостепным населением Южного Зауралья. Несмотря на это, С.Г. Кляшторный считает, что северные границы Тюркского каганата проходили по среднему течению Тобола, почти до самой границы с тайгой (Кляшторный, 2002, с. 224). Косвенно эту точку зрения подтверждают материалы «селенташских памятников», в частности курганов с усами, зауральской степи, отражающие проникновение тюркского населения Хакасии (Боталов, 2002, с. 12-14; Боталов, 2003-а, с. 17 и далее). Тесные связи угорских племен лесостепи с отдельными тюркскими группами также подтверждается влиянием последних на комплекс вооружения кушнаренковской культуры (Овсянников, 1997, с. 16), а также находками в курганах «селенташского типа» керамики, близкой к кушнаренковскому и караякуповскому кругу (Боталов, 1995, с. 7).

Для элиты «племен» Южного Зауралья жизненно важным было сохранение своего положения в торговых отношениях со Средней Азией, особенно в условиях степной стабилизации после завоеваний первых каганов и стремления тюркских кочевников к контролю над рынками пушнины (Культура, 1997, с. 144). Однако доминирование на значительном отрезке Великого шелкового пути между Зауральем и среднеазиатскими рынками переходит к иной группе населения, что вызывает необходимость урегулирования обстановки. Для лесостепных групп такая ситуация не была абсолютно новой, по сути, это повторение событий, связанных с доминированием сакских и хуннских групп и принятием элементов их культуры лесостепной элитой. Н.А. Тадина считает, что Тюркский каганат поддерживал политику проникновения отдельных тюркских родов по речным долинам с юга вплоть до кромки тайги (Тадина, 1984, с. 56). К тому же северные земли могли быть местом для коллективов, не согласных с политикой степных властителей.

Дестабилизация степей в конце VI века в ходе междоусобных войн и усиление давления на лесостепь, а также разгром угорского восстания в 598 г. (Халикова, 1976, с. 52) привели к началу миграции зауральского населения на территорию Южного Приуралья (Кызласов, 2001, с. 123). На Южном Урале в конце VI - начале VII в. формируются мадьярские памятники кушнаренковского типа (Иванов, 1990, с. 16), тесно связанные происхождением с южноугорскими группами лесостепи Южного Зауралья и оказавшиеся вовлеченными в процессы тюркизации. Доказательством связи их происхождения с лесостепью Южного Зауралья может являться сходство орнаментальных традиций на посуде (Могильников, 1993, с. 170-171). Кроме того, подобная керамика найдена на ряде памятни-

КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Поселенческие памятники начала эпохи средневековья с неопределенной культурной принадлежностью: 6. Местонахождение у с. Першино (Першинская курганная группа);

11. Городище Нижне-Суварышское III из комплекса 1; 12. Поселение Нижне-Суварышское XXX из комплекса 1; 13. Поселение Нижне-Суварышское IV из комплекса 2; 14. Поселение Нижне-Суварышское I; 18. Поселение Верхнеярское IX; 55. Поселение Барино II

Могильники и местонахождения раннего средневековья: 5. Могильник Усть-Суерка IV; 32. Чернавское-1; 49. Местонахождение у с. Юлдус; 59. Айдаровская (Усть-Терсюкская II) курганная группа

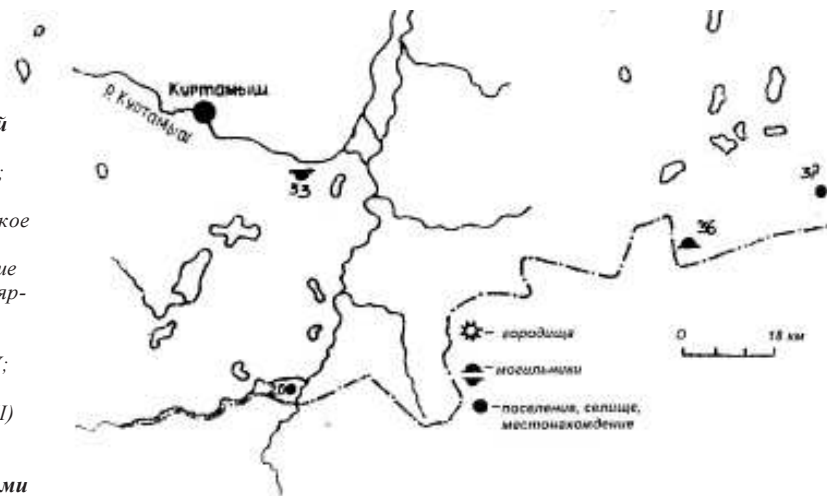
Поселенческие памятники бакальской культуры с сопутствующими инोकультурными комплексами: 1. Селище Речкино-1; 2. Поселение

Гладунино-3; 7. Поселение Боровое; 8. Городище-2 у с. Боровое (урочище Чайка); 9. Поселение Суерь I; 10. Суварышское городище (городище «Борок»); 16. Нижнеярское III селище; 17. Поселение Верхнеярское IV; 21. «Папское» (Малое Мехонское) городище; 22. «Папское» поселение; 23. Мурзинское городище; 24. Мурзинское I поселение; 25. Поселение Мурзино II (Мурзинские дюны); 27. Поселение Дачный-2; 28. Поселение Ваденниково III; 30. Вяткинское селище; 31. Усть-Утякское I городище «Змеиная горка»; 38. Мыльниковское Большое городище; 39. Мыльниковское Малое городище; 40. Большое Бакальское городище; 41. Малое Бакальское городище; 42. Полевское городище; 43. Кокоринская I стоянка; 44. Прыговское городище и селище; 47. Тюриковское селище; 48. Дюнная стоянка и поселение Бабарыкино I-II; 52. Воробьевское селище; 54. Кокоринская I стоянка; 58. Усть-Терсюкское городище; 60. Поселение Хохлова Мельница; 61. Поселение Белоярское-VI

Могильники местонахождения X-XIII вв.: 20. Песчаные выдувы у Озерного; 26. Могильник Нечунаево I; 33. могильник Грызаново I; 36. Могильник «Калмацкие могилки»; 45. Прыговский III грунтовый могильник «Козырь»; 50. Погребения на Замараевском селище; 51. Замараевский I могильник

Поселенческие памятники и могильники позднего средневековья: 3. Могильник Гладунино-1; 15. Нижнеярское I селище; 19. Поселение Индеево; 29. Барсуковская стоянка («Татарский бор»); 46. Ильтяковская I стоянка; 53. Сухринское II селище; 56. Дюнные стоянки у д. Могилевой

Поселения, относимые в целом к эпохе средневековья: 4. Поселение-1 у с. Нижне-Тобольное (Савин-2); 34. Поселение Арлагуль I; 35. поселение Варлаково IV; 37. Поселение Хохлово-1; 57. Поселение Коршуново I; 62. Поселение Кочегарово I

ков Зауралья (например, городища Старо-Лыбаевское, Большое Бакальское, Коловское, Усть-Утяк-1, «курганы с усами») (Матвеева, 2007, с.63-75). Скорее всего, кушнарниковскую группу следует соотносить с весьма близкими материалами потчевашских и кинтусовских памятников южной части западносибирской тайги (Могильников, 1987, с.184 и далее). Можно предположить, что отдельные группы носителей этой культуры оставались на юге Западной Сибири и, скорее всего, переселение не было одномоментным. Так, Е.П.Казаков предположил, что отдельные группы кушнарниковцев могли оказаться в Приуралье еще в середине VI века, непосредственно в ходе становления Первого Тюркского каганата (Казаков, 2002, с.56). По крайней мере, факторы, способствовавшие дальнейшей миграции, существовали и позднее. Так, например, Л.Н.Гумилев считал, что сибирские племена поддерживали племенной союз дулу, входивший в состав Западного Тюркского каганата (Гумилев, 1993, с.160). Если принять это предположение, то поражение данного союза во внутренней борьбе, а затем и разгром каганата Китаем в середине VII века, также должны были вызвать ответную реакцию сибирского населения (Барынина, Иванов, 1998, с. 37-39). Очевидно, что подобный выход был характерен не только для протокушнарниковских племен, но и, например, для петрогромских групп Среднего Зауралья, небольшие группы представителей которых на протяжении VI-VIII веков мигрируют в Приуралье (Пастушенко, 2004, с.116).

Вероятно, что уход протокушнарниковских групп на запад, в Башкирию, привел к оседанию части раннебакальских групп на территории городищ по Исети и Тоболу, наиболее южным из которых являлось Усть-Утякское. Суммарно эти городища образовывали достаточно стабильную систему укреплений на южной границе угорского мира (подробнее см.: Маслюженко, Кайдалов, 2002, с.25-37). Появление подобных памятников в большинстве случаев тесно связано с особенностями внешнеполитических связей, а точнее, с их обострением, вплоть до частых военных конфликтов. По всей видимости, ситуация была аналогичной событиям начала раннего железного века. Как пишет В.А. Борзунов, «закономерной реакцией лесостепных коллективов на возрастающую агрессивность степных племен явилась активизация строительства пограничных “крепостей”» (Борзунов, 2002, с. 93). Подобному предположению не противоречат и данные радиоуглеродного датирования материалов Красногорского и Коловского городищ, что определило бакальские слои как в общем относящиеся к периоду VI-VIII и веков (Матвеева и др., 2007, с.83, 98).

Рассмотрение проблемы появления бакальских городищ с точки зрения этнополитической обстановки в лесостепи приводит к мысли о необходимости удревнить часть городищ и отнести раннюю дату существования собственно бакальской культуры к концу VI в., то есть к эпохе становления Первого Тюркского каганата. Связано это явление с усилением давления на пограничные регионы и наложившим на эти события «смутным временем» в северной степи и лесостепи. Как кажется, бакальское население Южного Зауралья на раннем этапе сформировалось как полиэтничное: протомадьяры Прииртышья и Прииши-

мья, часть местных угорских «постсаргатских» групп и мигрантов из тайги. Любопытен тот факт, что практически синхронные процессы по развитию фортификации происходили в Нижнем Приобье (Кокшаров, Зыков, 1995, с.18). Отметим, что в целом раннесредневековые городища Южного и Среднего Зауралья отличаются гораздо более сложными системами укреплений, чем их северные соседи, при этом дальнейшая эволюция и модернизация фортификации в лесостепной части шли по линии укрупнения или увеличения количества их отдельных элементов (Яковлев, 1994, с.482-484).

Гипотетически, на основе аналогов из более поздних этнографических источников по угорскому миру, можно предположить, что на территории городища постоянно проживала лишь небольшая группа населения (окружение местного «князя» или «богатыря») (Головнев, 1995, с.143-144; Патканов, 1999, с.37 и далее). Рядовое население обитало на территории окружающего селища, что особенно хорошо видно по материалам раскопок Усть-Терсюкского городища, а городище использовало в случае нападения. Размеры некоторых городищ говорят о том, что их территория была предназначена для проживания больших по численности групп, чем это видно по культурному слою. Так, в частности, на Большом Мыльниковском городище, площадь которого около 3000 кв.м, потенциально могло проживать до 1000 человек (аналогичные подсчеты по другим территориям см.: Крадин, 2002-а, с.86). В целом подобные городища в условиях средневековых миграций и перманентной агрессии соседних групп свидетельствуют о военизации быта местного населения и необходимости формирования военных отрядов на основе сочетания «народного ополчения» и небольшого слоя профессиональных воинов. Возможно, каждое городище с прилегающей к нему территорией представляло простое вожжество, однако в отсутствие письменных источников нам неизвестно, стремились ли лидеры подобных объединений к формированию более сложных структур.

Синхронность бакальских комплексов с погребальными памятниками, которые могут быть идентифицированы как протомадьярские, залегание в одной ландшафтной зоне и ряд других факторов наводят на мысль, что городища могли быть оборонительными центрами смешанного угорского и протомадьярского населения Южного Зауралья. Так, в частности, проведенный В.В.Овсянниковым статистический анализ показал значительную близость саргатских и караякуповских традиций строительства, причем наиболее близкие к ним сохраняются и в бакальских городищах, а также схожесть комплекса вооружения у носителей караякуповской и потчевашской культур (Овсянников, 1997, с.12-18). Сходство систем укреплений находит свое объяснение в возможном влиянии протомадьярских групп на возрождение строительных традиций населения Южного Зауралья. По мнению В. А. Могильникова, близкие к ним «перейминские комплексы» как тупиковая ветвь развития угорского массива были полностью ассимилированы уграми бакальской культуры (Могильников, 1993, с.170). В русле принятой точки зрения следует отметить, что наблюдается совместное залегание групп керамики на городищах, а также сходство керамических традиций (по Г.И. Мат-

веевой) караякуповской и бакальской культур (Мажитов, 1977, с.74). Обе традиции восходят к единому саргатскому корню (Расторопов, 1993, с.149). Все эти данные подтверждают значительную близость происхождения бакальской и зауральского варианта караякуповской культур.

В этой связи любопытными являются еще два момента. Это, во-первых, совместное залегание бакальской и потчевашской керамики в одном из слоев Усть-Терсюкского городища (Гарустович, 1992, с.21), а во-вторых, обнаружение бакальской керамики на Красноярском городище (Кызыл-Тура?) на правом берегу Иртыша на территории потчевашской культуры*. Таким образом, после ухода «кушнарниковцев» из лесостепи формируется некий союз, в состав которого входят бакальские, караякуповские и потчевашские группы. При этом абсолютно не ясно, что стоит за этим объединением, территория которого охватывала значительную часть южной лесостепи Западной Сибири. Отметим, что, несмотря на схожесть происхождения кушнарниковской и караякуповской культур, принципиальное отличие между ними идет по линии образа жизни и хозяйства, где первые, скорее всего, вели подвижный кочевой или полукочевой образ жизни, а вторые отличались прочной оседлостью (Матвеева Г., 2007, с.79).

Известно, что основой хозяйства у «бакальцев» было скотоводство с большой долей лошади в стаде (Могильников, 1987, с.182). По материалам Большого Бакальского городища значительную роль играло и разведение овец (Потемкина, Матвеева, 1997, с.40). Н.Н. Крадин отмечает, что овцы наиболее неприхотливы к пастбищным условиям, могут пастись на подножном корму круглый год, легко переносят перекочевки и отсутствие воды, быстро восстанавливают вес и воспроизводятся (Крадин, 1992, с.68-69). Интересно, что подобный же состав стада с преобладанием лошади и овцы и при этом подсобным характером охоты и земледелия в хозяйстве характерен для кочевников (Тортика и др., 1994, с.54-55), он, в частности, фиксируется у кыпчаков Приишимья (История Казахской ССР, 1979, с. 57-60). В.М.Морозов также считает, что бакальское население продолжило «традиции скотоводов саргатской культуры» (Морозов, 2003, с.166). При этом очевидно, что хорошо укрепленные городища, в слое которых обнаружены следы литейного производства и кости свиньи, свидетельствуют о значительной степени оседлости. Скорее всего, хозяйство бакальцев действительно было схоже с саргатским и в значительной мере основывалось на полукочевом или отгонном скотоводстве (Корякова, Сергеев, 1987, с.95-97), которое при надлежащих внешних условиях могло трансформироваться в кочевое, как это произошло в ходе включения саргатов в состав гуннской орды. Н.П. Матвеева также считает, что памятники бакальской культуры были оставлены населением, ведущим полукочевой образ жизни. Данное предположение основано не только на данных остеологии, но и на специфическом типе легких, переносных жилищ, характерных для бакальских поселений (Матвеева, электронный вариант).

* Устное сообщение Е.М.Данченко на Научно-практическом семинаре по проблемам изучения бакальской культуры, состоявшемся в г.Шадринск 4-5.11.2007 г.

Очевидно, что южноугорское прамадьярское население продолжало поддерживать со степным населением традиционные военные и торговые контакты, необходимые для существования сибирского ответвления Великого шелкового пути. Свидетельством этого может быть нахождение ряда среднеазиатских вещей раннего средневековья в лесостепи (Матвеева, 1995, с.95-96). В частности, среди них обращают на себя внимание серебряный сасанидский сосуд из с. Юлдус Шадринского района (Шляхова, 1977, с.287-292) и недавно обнаруженный разведкой Курганского госуниверситета под руководством С.Н.Шилова клад зеркал из «белой бронзы», аналоги которых найдены в степных памятниках V-VI веков. Скорее всего, в отношениях с Тюркскими каганатами автохтонное прамадьярское население могло вновь выступить в качестве посредника в торговле мехом со среднеазиатскими купцами. Так, Т.В.Барынина считает, что именно караякуповские племена являлись звеном в торговле между Согдом и Прикамьем, особенно с середины VII века (Барынина, 2001, с.35). Отряды угров входят в состав войск каганата, что отразилось в преобладании у них легкой конницы при снижении процента тяжеловооруженных воинов, характерных для угров (Мажитов, 1981-в, с.77). Возможно, часть этих среднеазиатских изделий попали на север не в качестве товара, а в качестве добычи (Казаков, электронный вариант).

Процессы тесного соприкосновения угорского и тюркского миров нашли свое отражение в материалах погребальных комплексов. Одним из значительных в этом отношении могильников, в частности по богатому инвентарю, позволяющему сделать определенные выводы о процессе этнических взаимодействий, является Усть-Суерское-4 (Шилов, Маслюженко, 2004, с.102).

Он находится на запаханном краю первой надпойменной террасы правого берега реки Тобол в 80 км к северу от г. Кургана. В погребениях 1 и 3 было погребено по одному субъекту, вытянуто на спине, головой на запад. Материал из этих погребений довольно разнообразен и имеет широкие аналогии в Западной Сибири и на Южном Урале. Наибольшее количество аналогов инвентарю, в частности поясной гарнитуре, фиксируется у древних тюрков Саяно-Алтая в VI-VII вв. (Овчинникова, 1990, с.34, рис.23-21), в памятниках караякуповской и турбаслинской культур на Южном Урале и в Приуралье (Мажитов, 1981-а, с.118, рис.15-75), в релкинских древностях Среднего Приобья (Могильников, 1987, с.225, с.345, табл. ХСVII-63, 73), в среде тюркоязычных кочевников Казахстана и Средней Азии (Могильников, 1981, с.38, с.125, рис.20-25), а также в могильниках потчевашской культуры на р. Ишим (Генинг, Зданович, 1986, с.126, рис.2). В целом все они датируются концом VI-VII веком и подчеркивают, что группа, оставившая этот могильник, входила в единый угорский мир, расположенный от степей Южного Зауралья до лесов Приобья, который чрезвычайно тесно связан с тюркоязычными кочевниками. Западная ориентировка умерших в целом характерна для населения караякуповской и кушнаренокской культур (Иванов, 1990, с.23).

Погребение 2 интерпретировать гораздо сложнее. С одной стороны, для него также характерна вытянутая поза умерших, ориентированных головой на запад; с другой стороны, в отличие от комплексов могил 1 и 3 здесь в одной яме погре-

бено 3 человека. При этом инвентарь представлен только тремя костями ног лошади в изголовье, что сближает могилу с особенностями погребального обряда упомянутых выше групп (Иванов, 1990, с.23, 29), а также не показательными бронзовыми перстнями и браслетами, аналоги которых автору неизвестны, по крайней мере, вплоть до середины VIII века. Коллективный характер погребения вообще не характерен для этого периода.

В целом материалы могильника отражают многокомпонентность и широкие связи тех групп населения, которые проживали в это время в лесостепи. Особенно примечательным в этом отношении является почти равное количество изделий релкинского и тюркского облика, что отражает доминирование южных и северных связей.

Расцвет Второго Тюркского каганата и стабилизация степей не были продолжительными, уже в середине VIII века вновь начинается кризис степной государственности. В Южном Зауралье проблемы отношений со степью вставали не менее остро. Зауральские кочевники-мадьяры, чутко реагирующие на новую дестабилизацию обстановки, мигрировали в среду этнически близкого населения, обитающего в схожем вмещающем ландшафте. Это приводит к появлению в Южном Приуралье комплексов караякуповской культуры (История Башкортостана, 1996, с.81). Власть одного из наследников тюркского государства - Уйгурского каганата не была настолько стабильной. По всей видимости, в этот период начинаются внутренние войны в степях. В результате этого, по данным исследователей, происходит проникновение хакасских (кыргызских) племен в начале Приобье (Троицкая, 2002, с.94), а затем к IX веку вплоть до степей Южного Зауралья (Боталов, 1996, с.155). Эти миграции и могли послужить непосредственной причиной усиления миграции в Приуралье караякуповских племен (Иванов, 2002, с.208). Большинство авторов указывает, что со второй половины VIII века присутствие тюркоязычных кочевников в лесостепи становится постоянным и все более заметным на археологическом материале (Могильников, 1995, с.50; Троицкая, 2002, с.92-95), а их влияние на местные угорские группы подпадает под понятие «тюркизации», хотя смысл этого термина не совсем ясен. Его понимание может варьироваться от принятия уграми отдельных черт культуры до полной ассимиляции и изменения этнической карты региона.

Впрочем, своеобразный пик влияния тюркских групп на лесостепь следует связывать не столько с кыргызами, сколько с формированием Кимакского каганата и в частности одной из его групп - кыпчаков. По предположению Д.Г.Савинова, последние передвигаются к Южному Уралу уже в конце VIII века (Савинов, 1994, с.71), что может быть подтверждено и письменными источниками. Так, Рашид ад-Дин пишет о том, что кыпчаки распространили свою власть на мадждар, башкурт и другие народы, которыми правили в течение трех веков до прихода войск Чингис-хана (Рашид ад-Дин, 1952, с.73-84). Предполагается, что в археологическом плане это продвижение фиксируется в форме передвижения тюркизированного угорского или самодийского населения сrostкинской культуры на запад (Савинов, 1994, с.87-90; Боталов, 2003-б, с.143). Более активное

распространение их власти приходится на период IX-X вв., после гибели Уйгурского каганата в 844 году и вхождения кыпчаков в состав Кимакского каганата. По крайней мере, компилятор XII века ал-Идриси, ссылаясь на более ранние материалы, указывает, что страна кыпчаков локализуется в междуречье Иртыша и Тобола (Кумеков, 1987, с.14-15). Источники фиксируют в середине X века две область кыпчаков в качестве особых внутри Кимакского каганата и локализуют одну из них в предгорьях Урала и междуречье Тобола и Ишима (Савинов, 1979, с.60). При этом инфильтрация кимаков в Прииртышье из степей Монголии происходит не ранее IX века, в то время как кыпчаки были местным населением (Ахинжанов, 1983, с.119-121).

Присутствие тюркоязычных народов в интересующем нас регионе подтверждается письменными источниками. В частности, Рашид ад-Дин писал о тюрках, которые «обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и кыпчака... Ибира и Сибира» (Рашид ад-Дин, 1952, с.73). Под последним топонимом ряд авторов понимают лесостепную часть Западной Сибири, в том числе бассейн реки Иртыш и его притоков (Бояршинова, 1960, с.38-39). Весьма интересна трактовка данного сюжета в легенде о происхождении кыпчаков в изложении Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази-хана (Кононов, 1958, с.43-44; Рашид ад-Дин, 1952, с.73-84), где их прародина связывается с областью ит-бараков. Один из беков Огуз-хана выступил в поход, взяв с собой жену. Сам он погиб в битве, а его жена спаслась и родила сына в гнилом дуплистом дереве. (По Рашид ад-Дину, поражение потерпел сам Огуз-хан от ит-бараков, а сын родился у простого воина). Хан усыновил его и дал имя Кыпчак. После того как он стал джигитом, Урусы, Олаки, Маджары и Башкурты возмутились. Огуз-хан дал Кыпчаку много илей и нукеров, послал его в эти края. После подавления сопротивления Кыпчак царствовал на Итиле, Тине и Яике триста лет со времен Огуз-хана до Чингисхана. Поэтому эти места получили название Дешт-и Кыпчак. Д.Г. Савинов считает, что под ит-бараками следует понимать угорские племена Западной Сибири, соответственно, именно в этом регионе следует искать родину кыпчаков (Савинов, 1979, с. 59). Дополнительным фактором в пользу такой интерпретации является сообщение Рашид ад-Дина в «Огуз-наме» о том, что «страна мрака» находится непосредственно за ит-бараками (Рашид ад-Дин, 1987, с.37). Под этой «страной» исследователи понимают в целом сибирские «народы севера», иногда включая в их состав «Югру» (Белавин, 2000, с.33-35). По мнению Л.Н.Гумилева, кыпчаки в силу своего расположения в это время оказались в явно лучших условиях, чем степные группы, на территории обитания которых в X веке началась сильная засуха, приведшая к превращению степей в полупустыню и пустыню (Якимов и др., 2007, с.27).

Отсутствие письменных данных не позволяет нам с достаточной степенью уверенности говорить о каких-либо закономерностях взаимоотношений местных угорских (прамадьярских) этносов и кыпчаков. С.Г.Боталов, в частности, на основании материалов Синеглазовских курганов, предполагает, что в лесостепи в начале IX века складывается некая этнокультурная общность кыпчаков и мадь-

яр (Боталов, 2000, с.83-86). Однако, учитывая предложенные выше причины миграций караякуповской культуры, данное предположение можно поставить под сомнение. На наш взгляд, отношения этих двух групп были достаточно разнообразны, могли варьироваться от открытых столкновений до взаимной ассимиляции и зависели от множества конкретных местных условий. В данном случае резонно предположить, что по Исети сохранялись комплексы городищ бакальской культуры, в то время как городища на более южной территории, в частности Усть-Утяжское, были постепенно заброшены. По мнению автора раскопок этого памятника А.И.Кайдалова, данный памятник относится к более раннему времени, о чем свидетельствует как отсутствие в его керамической коллекции третьего (по Т.М.Потемкиной) типа бакальской, так и юдинской посуды (Кайдалов и др., 2006, с.26-27).

На протяжении IX века основной массив мажарских племен уходит с Южного Урала и в ходе хорошо известных переселений через «Леведию и Ателькузу» оседает на территории современной Венгрии (Мажитов, 2007, с.71 и далее). Эти миграции были связаны с конфликтами в Казахстане и Прикаспии между печенегами и, возможно, входившими в их состав башкирами и кимако-кыпчакскими группами, которые привели к отступлению печенегов и башкир в Поволжье и Приуралье (История Башкортостана, 1996, с.92). Еще Р.Г.Кузеев предположил, что на Южный Урал и, возможно, в Зауралье в основном переселялись древнебашкирские племена (Кузеев Р.Г., 1971, с.25), хотя их вхождение в состав печенегов и не позволяет выделить характерную для них археологическую культуру (Иванов, 1990, с.43). Принятие этого предположения позволило автору сделать предположение об определенной роли этих племен в трансформации бакальской культуры (Маслюженко, Рябинина, 2007, с.169-173). При этом очевиден сложный характер формирования башкирского этноса в результате миграций степного населения вплоть до XVI века в Приуралье и их смешения с местными угорскими группами (Кузеев и др., 1982, с.26-32; Антонов, 2001, с.36-43). Хотя отдельные группы древнебашкирских племен действительно находились в Приуралье, где их в 922 году застал арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан, описавший их как «худших из тюрок» (ибн Фадлан, 1992, с.26-27). Е.П.Казаков предполагает, что конфронтация мажар и печенегов привела не только к вытеснению первых из региона, но и к значительной трансформации всей этнокультурной карты Урало-Поволжского региона, предполагая, что без поддержки мажар приуральские угры не могли сопротивляться набегам печенегов (Казаков, 2007-б, с.118-119). Если настолько сильные столкновения происходили в Приуралье, то возникает вопрос о том, почему следов подобных событий не заметно в Притоболье? Резонно предположить, что находящиеся значительно севернее угорские городища по Исети оказались, с одной стороны, на периферии кочевых интересов, а, с другой стороны, представляли достаточно мощную оборонительную линию. Хотя более южные городища по Тоболу, как указано выше, были покинуты.

К тому же, видимо, не все мажарское население покидает Южный Урал, как

и Южное Зауралье, поскольку предполагается, в частности, их участие в этногенезе сибирских татар в XVI веке (Томилов, 1995, с.25). Недаром именно к X-XI векам относится расцвет упоминаний в арабских географических сочинениях этнонимов, которые гипотетически можно связать с угорским миром. Сюжет этот чрезвычайно привлекателен для исследователей, хотя бы в силу отсутствия письменных источников по истории Южного Зауралья в период раннего средневековья. В результате было высказано предположение о возможности проведения аналогии между реальными мадьярскими племенами и упоминаемыми в восточных письменных источниках «маджуджами и яджуджами» (Боталов, 1994, с.19). Среди интересующих нас в этом отношении авторов следует упоминать Селлама ат-Тарджумана (в пересказе ибн Хордадбеха (около 847 года)), ал-Истахри и ал-Фаргани в первой половине - середине X в., Гардизи XI в., ал-Идриси в XII в., ал-Гарнати в середине XII в., Казвини в XIII веке. Зачастую для этой группы источников характерна прямая компиляция более ранней информации. Так, например, ал-Идриси при создании своего сочинения пользовался не дошедшими до наших дней записками сына кимаковского хакана Джанаха, жившего на рубеже X-XI вв. (Кумек, 1987, с.15).

Впервые рассматриваемые «этнонимы» упоминаются в связи с путешествием Саллама ат-Тарджумана, который был отправлен на поиски «маджуджей» в связи с тем, что они могут выйти из-за стены, построенной Александром, и напасть на цивилизованный мир. Исследователи резонно указывают на то, что «рассказ об этой экспедиции, возглавляемой Саддамом ат-Тарджуманом («переводчиком»), был приведен ибн Хордадбехом со слов самого путешественника, а затем заимствован и пересказан последующими арабскими географами... в более или менее подробных вариантах» (Хордадбех, 1986).

При этом отметим, что ибн Хордадбех в основном тексте «Книги путей и стран», описывая тюркские народы, современные ему, перечисляет их: «Страна тюрок-тугузгузов (ал-атрак ат-тугузгуз) самая обширная из тюркских стран. Граничат они с ас-Сином, ат-Туббатом и карлуками. [Затем идут] кимаки (ал-кимаки), тузы (ал-гузз), чигили (ал-джигир), тюргеши (ат-туркаш), аскиши (эдкеши, аскиш), кыпчаки (хифшах), киргизы (хирхиз), которые имеют мускус, карлуки (ал-харлух) и халаджи (ал-халадж) [обитающие] по ту сторону реки...» (Ибн Хордадбех, 1986). Как мы видим, вышеперечисленные народы вполне реальны и искомые нами народы здесь не упоминаются, хотя они и встречены у того же автора, но уже в абсолютно другом контексте, в последнем параграфе этой книги, посвященном поискам стены, построенной Зу-л-Карнайном для защиты от «маджуджей». Средневековое население жило в состоянии стабильных эсхатологических настроений, которые были характерны как для христианского, так и для мусульманского населения. Ощущение грядущего конца света было реальностью, и все события его окружающие воспринимались таким же образом, в силу нерасчленности мира реального и сверхъестественного в сознании (Борисов, 2004, с.14-15). Обращает на себя внимание, что среди специалистов по генезису мадьяр и, в частности, филологов подобное соотнесение двух народов не

рассматривается в качестве возможного (подробнее см.: Шушарин, 1971, с.87 и далее; Левицкий, 1978, с.56-60).

В то же время дальнейшая цепочка может логически выстраиваться следующим образом. Однажды попав в географический трактат, информация начинает дублироваться в последующих источниках. В качестве первоисточника выступает рассказ ат-Тарджумана, который по какой-то причине сам ибн Хордабех не стал вставлять в основное описание. Обратимся к источникам подобных представлений в среде ранних арабских и среднеазиатских авторов, ведь все они относят расселение маджудж, яджудж к крайнему северу, в последнем «седьмом поясе», как это было принято со времен Птолемея. При этом исследователи отмечают, что с самими этими названиями в Средней Азии познакомились лишь посредством священной книги Коран в процессе исламизации региона (Калинина, 1988, с.132-136). В то же время, в Коран они попали из Библии как народ Гог и Магог Апокалипсиса из «Откровения Иоанна Богослова», оказавшего значительное влияние на средневековую эсхатологию.

Уже в X веке отнюдь не все географы четко отделяли представления о «народах гог и магог» и реальный известный им этноним «маджар». Так, ал-Истахри пишет, что за кимаками на севере была земля Яджудж, число которых точно неизвестно (ал-Истахри, 1973, с.25). Однако чуть позднее анонимный автор Худуд ал-алам в конце X века пишет о том, что страны севера необитаемы (Худуд ал-алам, 1973, с.41). Ал-Гарнати упоминает о походе Зу-л-Карнайна на «маджудж» через Булгар как о слухах или сказках, зато сообщает об их переселении в Булгар и Башкирию (ал-Гарнати, 1971, с.130). Отметим, что в географических трактатах ал-Истахри IX века и ал-Идриси XII века страна Маджуджей («земля Йаджудж») локализуется в северных областях, за страной саклабов и Булгаром, когда пересечешь «пределы кимаков» (Истахри, 1973, с.11; Кумеков, 1972, с.68). Позднее Казвини вновь пишет о стране Яджудж и Маджудж: «... Джейхун (Амударья), прежде впадавший в Восточное (Аральское) море, расположенное против страны Яджудж и Маджудж...» (Берг, 1949, с.270). Это лишь некоторые из имеющихся сообщений, но уже они показывают всю сложность проведения прямых аналогий.

В связи с этим заметим, что народы эти не были четко локализованы, они всегда находились на краю Ойкумены, как бы она ни расширялась. Так, Р.Хенниг считал, что это были собирательные имена для всех малоизвестных народов севера (Хенниг, 1961, с.183). В то же время резонно заметить, что ряд фрагментов этих текстов, в частности их переселение по ал-Гарнати, чрезвычайно схоже с реальными перипетиями ранней истории венгров. Можно предположить, что совпадение сакрального и действительного этнонима привело к появлению среди прочих, явно мифологических описаний, отдельных реалий жизни населения лесостепи Западной Сибири, причем в основном все сообщения относятся к X - началу XI века.

Считается, что значительный отток лесостепного угорского населения на протяжении VIII-IX веков привел к «новому этапу переселения... лесного зауральского угорского населения» (Боталов, 2003-б, с.144). На археологических материалах это фиксируется в виде значительного увеличения в памятниках на

территории бакальской культуры по Исети керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией, характерной для памятников молчановского типа и юдинской культуры (Матвеева и др., 2007, с.83; Гарустович, 1991, с.21; Морозов, Ковригин, 1999, с.65-71). К тому же времени относится и проникновение в лесостепное При-тоболье кинтусовского населения (Боталов, 1996, с.157). С точки зрения этногенеза, первые связаны с группами манси, формирующимися в районах горного Урала, лесного Зауралья и междуречья Туры и Тавды, а последние - с северными хантами Нижнего Приобья (Могильников, 1987, с.164).

Скорее всего, именно миграция племен гребенчато-шнуровой орнаментации приводит к формированию по Исети специфических погребальных памятников (типа погребений на Замараевском селище и могильника «Козырь» у Прыговского городища). Для погребального обряда этих могильников характерна вытянутая поза погребенных, ориентированных в основном головой на запад или юго-запад, тело умершего может быть завернуто в бересту, заложено жердями или использована обкладка стен из досок, в редких случаях костяк засыпан углем. Инвентарь таких памятников не богат и представлен в основном наконечниками стрел, костяными и железными украшениями, а также сосудами, в том числе орнаментированными «гребенкой» (Сальников, 1946, с.15-18; Сергеев, 1993, с.18-20; Иванов, 1991, с.10-11). В целом описанный обряд схож с исследованными севернее могильниками юдинской культуры (Могильников, 1987, с.169), за исключением более бедного инвентаря. Определенное сходство имеется и с материалами Пылаевского грунтового могильника, который отражает процесс взаимодействия «юдинцев» с группами лесостепных коневодов Урала (Кутаков, Старков, 1997, с.137-138).

По всей видимости, эта волна миграции лесных угров была достаточно массовой, поскольку с середины X века подобная керамика фиксироваться и в Приуралье, где на ее базе формируются постпетрогромская (предчияликская) и чияликская культура (Казаков, 2007-а, с.51-65; Гарустович, 1998, с.4-24). В этом отношении интерес представляет точка зрения А.М.Белавина, который предположил, что постпетрогромские группы приуральского населения можно рассматривать в качестве бакальских и юдинских (Белавин, 2002, с.44). Таким образом, речь идет именно об очередной миграции лесостепного зауральского населения по уже знакомому маршруту в Южное Приуралье. Скорее всего, миграция зауральских угров X века была не последней, поскольку новая волна переселений собственно чияликских племен появляется в Прикамье и Приуралье уже в XIII веке (Казаков, 1987, с.25).

По всей видимости, значительную роль в миграциях X века сыграло не только кочевое давление на лесостепь, в частности со стороны кыпчаков, но и сложные процессы на севере Западной Сибири. Лесные угры Предуралья под давлением финской (древние коми) миграции усиливают угорский элемент в лесной зоне Нижнего и Среднего Приобья, что в свою очередь приводит к выталкиванию местных племен на юг в лесостепь и к дальнейшему переселению в Южное Предуралье (Белавин, 2002, с.50-52). В результате этого фактически заканчивается формирование известных нам границ угорского мира.

В дальнейшем на протяжении первых веков второго тысячелетия роль тюркоязычных кочевников в формировании этнической карты региона постоянно увеличивается. Так, во второй половине XI века кимаки, уступившие гегемонию в степи кыпчакам, отступают на север по Иртышу (Матвеев, 2007, с.97). В этот период Кимакский каганат раскалывается под давлением племен, бегущих из Монголии на Иртыш, под давлением киданей (Савинов, 1994, с.133), причем кыпчаки в дозолотоордынское время в Южном Зауралье доходят до широты современного г. Челябинска (Иванов, 1988, с.69). Д.Г. Савинов считает, что причиной распространения территории кыпчаков к западу было усиление военного давления в Казахстане тюркских племен, бегущих из Монголии (Савинов, 1994, с.133), что по времени, в частности, совпадает с переселением многочисленного племени найманов на восточный берег Иртыша (Савинов, 1984, с.118). Существует предположение о том, что в конце XI- XII вв. территория верховьев Иртыша, а также земли по Ишиму подчиняются найманам, которые выделяются в отдельный мощный союз и собирают дань с многих соседей, вплоть до Тобола (Бояршинова, 1960, с.81). Возможно, отдельные следы миграции найман, правда в сильно трансформированном виде, нашли свое отражение в Сибирских летописях. Так, сообщается, что Он-Сом-хан, правивший, судя по синхронизации с Чингис-ханом, во второй половине XII века, поссорился со своим братом Мунчаком, покинул родовой улус на Ишиме и ушел на север. В дальнейшем его власть настолько усилилась, что он подчинил себе все земли в Тоболо-Иртышском междуречье (Пигнатти В.Н., 1915, с.2-3).

Увеличение степного влияния подтверждается и недавно исследованным могильником «Калмацкие могилки» в озерном крае Тоболо-Ишимского междуречья (подробнее см.: Маслоуженко, Шилов, 2005, с.304-309). На небольшом поле могильника было расположено более 50 небольших курганов, средний диаметр которых не превышал 12-14 м, а высота - 20 до 50 см. Визуальное наблюдение показало, что часть курганов окружено ровиками. Раскопки двух разрушенных комплексов показали, что в них находится одна узкая безынвентарная могила глубиной до 1 м, в которой был захоронен один человек, вытянуто на спине. Скорее всего, могильник датируется периодом XI-XII веков и связан с кыпчаками. При этом отметим точку зрения В.П.Костюкова, который пишет: «Все известные погребения XI-XII вв., действительно, совершены по языческому обряду. Но их крайне мало, что само по себе является загадкой, особенно на фоне многочисленности погребений XIII-XIV веков. ... некрополи кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака XI-XII веков должны локализоваться преимущественно в его южной полосе, а немногочисленные погребения северной полосы степи, видимо, следует отнести на счет аутсайдеров, в силу разных причин вынужденных искать убежище и восстанавливать силы на степной периферии». Далее автор указывает, что малочисленность погребений этого периода может быть мнимой, поскольку часть комплексов растворена среди более поздних и традиционных трактуемых как раннемусульманские (Костюков, 2003, с.120).

Все это еще раз ставит перед нами проблему тюркизации угорского мира, а

как следствие и судьбы бакальского населения. Возникает вопрос о том, что, если сместить дату формирования этой культуры к началу средневековья, но при этом конец ее функционирования все же продолжить датировать XV веком, то мы получим случай существования на одной территории некой группы населения со схожей материальной культурой на протяжении почти тысячи лет. В условиях постоянных миграций, которые, как было показано выше, были доминантой средневековой истории региона, это вряд ли было возможно. Скорее всего, определить хронологию начальных этапов тюркизации практически невозможно, хотя бы в силу постоянства этого процесса в фронтальном пространстве бакальской культуры. Согласимся здесь с позицией Н.П.Матвеевой и Т.Н.Рафиковой, которые пишут о перманентности этого процесса для лесостепного населения на протяжении всего средневековья (Матвеева, Рафикова, 2007, с.64-67). Очевидно, что контакты с различными группами тюркоязычных nomadов было одной из внешних доминант, предопределявших историю зауральских угров на протяжении всей эпохи средневековья. В то же время рассмотренные выше материалы позволяют говорить о том, что усиление степного давления на север приводило лишь к трем последствиям: миграция лесостепного населения на запад, укрепление части групп в городищах по Исети и принятие внешних признаков, характерных для тюркской культуры, однако кардинальной смены населения или его трансформации не происходило. Недаром Е.П.Казаков пишет, что кочевой образ жизни тюрков привязывал их к степи, «... и в примыкающей к лесной зоне территории угорское население Западной Сибири, несмотря на сильное воздействие тюрков, долгое время сохраняло свою специфику» (Казаков, 2002, с.57).

Нельзя не отметить, что в большинстве работ интересующие нас явления сводятся к нескольким стереотипным фразам, расположенным в их заключительной части. Некоторые из них необходимо привести полностью. Так, В.А.Могильников пишет: «... процесс инфильтрации тюркских элементов приводит к постепенной тюркизации угорского населения по Исети и Ишиму к середине II тысячелетия н.э. Усилению процесса тюркизации способствовали монгольские завоевания и образование Золотой Орды, вызвавшие отток больших масс тюркоязычного населения из степей Казахстана на север, в лесостепь и южные районы тайги, что привело в конечном итоге к образованию различных групп сибирских татар» (Могильников, 1987, с.183). Практически вторит ему Б.Б.Овчинникова: «Накануне монгольского нашествия происходит тюркизация отдельных угорских племен. Позднее западно-сибирская группа населения сылвенской этнокультурной области вошла в состав Сибирского Ханства» (Овчинникова 1987, с.141). Обобщая имеющиеся материалы, можно предположить, что поздний этап бакальской культуры, переход к которому осуществился благодаря тюркизации, отличается следующими признаками: значительно уменьшается количество городищ, особенно в основной зоне обитания на реке Исеть и в среднем течении Тобола; возрастает доля сосудов типа чаш, как правило, слабоорнаментированных; в наземных жилищах появляются печи-чувалы.

При этом тюркизация по самому смыслу данного термина не может заклю-

чатся лишь в принятии внешней атрибутики или даже лингвистических заимствованиях, необходимых местной элите в рамках идеологической системы. В данном случае это чрезвычайно сложный процесс этнообразования отдельных групп сибирских татар в результате смешения двух этнических групп, которое обязательно предполагает их длительное проживание на одной или близких территориях. Причем, по нашему мнению, одна из групп должна быть гораздо сильнее и агрессивнее, поскольку в ином случае этносы в борьбе за свое единство стремятся сохранить культуру, в том числе материальную, как один из признаков и инструментов самоидентификации. Как показывают этнографические исследования на территории юга Западной Сибири, даже это не ведет к обязательной ассимиляции одной группы другой, несмотря на отдельные культурные заимствования (Томилов, 1980, с.23). Предварительно можно предположить, что в некоторых случаях эволюция предметной сферы как материальное выражение археологической культуры на самом деле является кажущейся и свидетельствует не столько об этнических процессах, сколько о прямой смене одной группой другой. Так, например, характерная для последнего этапа бакальской культуры керамика (тип 3 по Т.М.Потемкиной в виде открытых плоскодонных чаш) может рассматриваться не только в качестве трансформации собственно бакальских традиций. Она чрезвычайно схожа, например, с тюркскими древностями Новосибирского Приобья X-XIV вв. (Адамов, 2002, с.14-15). Такие элементы орнамента как пояски круглых ямок или решетка часто встречаются в материальной культуре западносибирских народов, в частности в тюркских памятниках кимако-кыпчакского времени (Могильников, 1992, с.133)

Таким образом, в начале II тысячелетия н.э. бакальские коллективы оказались под давлением с севера племен, связанных с хантами и манси, а с юга - кыпчакских племен, также, если принять указанную выше точку зрения Р.Г.Кузеева, то и башкир (Боталов, 2003-б, с.144). В этих условиях сомнительно выживание бакальцев в качестве полностью самостоятельных коллективов, и уже в этот период происходит их постепенное растворение, причем, скорее всего, среди лесных угорских коллективов, чему не противоречат и материалы археологии (Матвеева и др., 2007, с.83). Сохранение бакальских орнаментальных традиций в керамических коллекциях городищ Сибирского ханства может быть связано с распространенностью подобных элементов среди широкого круга культур Западной Сибири. Одновременно с этим этнографы отмечают, что в Притоболье и Прииртышье процесс тюркизации хантов завершился лишь в XVIII веке, до того наблюдается их чересполосное проживание с тюркоязычными племенами (Сokolova, 1982, с.143), что напрямую связано с проблемой незавершенности этногенеза сибирских татар вплоть до новейшего времени.

Завершая наш обзор проблем раннесредневековой истории региона, отметим, что длительное совместное проживание мадьярских и древнебашкирских племен, их совместная ассимиляция в ходе образования башкирского этноса оставила следы в исторических источниках. Так, еще путешественники XIII века путали венгров и башкир, отмечая, в частности, что их язык один и тот же (под-

робнее см.: Иванов, Сиротин, электронный вариант). Подобная традиция отождествления башкир и мадьяр встречается еще в источниках X века у ал-Балхи и ал-Масуди (Шушарин, 1971, с.89). Напомним, что в цитированной выше работе Рашид ад-Дина башкурты и мадьяры также отмечаются вместе. Е.П.Казаков считает, что в значительной степени эта проблема может быть связана также с проблемой локализации страны «паскатира», которую предполагается связывать с носителями чияликской культуры, керамика которой схожа с юдинской (Казаков, 2001, с.160). Тем самым, в единый угорский мир увязывается Приуралье и Зауралье накануне монгольского завоевания. При этом один из специалистов по лингвистике В.В.Напольских отмечает, что, несмотря на длительную традицию подобного отождествления в исторических источниках, реальных заимствований в башкирском языке из любого угорского нет, основу сближения башкирских и мадьярских групп следует искать в единых тюркских корнях их этногенеза (Напольских, 1997, с.66-67).

Отдельной проблемой в этом контексте может быть формирование т.н. «иштякской этнической общности» (Исхаков, 2002-в, с.27- 29). По мнению этого автора, этноним «иштяк» в равной степени применялся как к сибирским уграм, так и зауральским башкирам, что говорит об их длительном совместном проживании в одном регионе и значительном взаимном влиянии друг на друга, а позднее бытовал как родовое название некоторых групп тобольских татар, в частности башкир, обитавших в Южном Зауралье вплоть до междуречья Исети и Миасса, часто путали с уграми и в более позднее время (Кузеев, 1968, с.246). Это может быть подтверждено значительными заимствованиями среди этих групп населения в материальной культуре (Суслова, 2002, с.36).

Таким образом, уже на протяжении первой четверти II тысячелетия н.э. угромадьярское население бакальской культуры входит в состав «иштякской» общности, отдельными элементами которой могли быть также западные башкиры и кыпчаки или близкие к ним племена. Достаточно прямолинейно об этом пишет и В.А.Оборин (История Урала, 1989, с.133). Однако наиболее значительные изменения, которые затронули территорию лесостепного Притоболья, должны проследиваться не в начале II тысячелетия н.э., а в XIII веке и напрямую связываться с массовыми, но не одномоментными подвижками степного населения в результате монгольских завоеваний и последовавших за ними событий.

1.2. Джучи и Джучиды в истории южной лесостепи Западной Сибири 1220-1230-х гг.

В отличие от летописной традиции оседлых государств, дающей относительно полную картину монгольских завоеваний на их территории, у нас нет точных сведений о времени проникновения монгольских войск в южную лесостепь Западной Сибири. Одновременно с этим фактически отсутствуют археологические материалы, которые могли бы дать однозначные свидетельства о сопротивлении местного населения монголам или их мирном подчинении. Последова-

тельность интересующих нас событий реконструируется лишь по косвенным данным и некоторым оговоркам письменных источников.

В начале XIII века в Монголии сформировалась коалиция племен (найманы, меркиты, кереиты, ойраты и некоторые другие), противостоящая стремлению Чингис-хана сплотить степи под властью монгольских племен. В результате военных действий союз был разгромлен в 1204 году (Храпачевский, 2004, с.113-116; Груссе, 2005, т.1, с.233-234). Рашид ад-Дин в связи с последствиями этих событий в «Сборнике летописей» пишет: «Государь меркитов Тухта-Буки укрылся в местности Ирдыш, на рубеже области найманов» (Рашид ад-Дин, 1952-б, с.151). Вслед за ними ушел и их союзник Кучлук, сын Таян-хана найманского, и его дядя Буюрук-хан (Березин, 1888, с.13; Юань-ши, 2004, с.456). В 1205 году войска под руководством самого Чингис-хана разгромили объединенные силы Тохтоа-беки и Кучлука на берегу Иртыша (Храпачевский, 2004, с.117; Сокровенное сказание, 2002, с.93). Р.Груссе в этом отношении поддерживает Б.Владимирцова и относит поход к 1208 году (Груссе, 2005, т.1, с.234), что может быть частично основано на сообщении официальной хроники династии Юань (Юань-ши, 2004, с.457), но логика событий склоняет нас в пользу первой даты. По сообщению, содержащемуся в «Сокровенном сказании», после этого «меркитские, Тохтоаевы сыновья Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие меркиты, взяли направление в сторону канглинцев (т.е. канглов. - Д.М.) и кипчаудов» (Козин, 1941, с.151; Кычанов, 1995, с.130). Вслед за ними был отправлен Субедей-баатур (Сокровенное сказание, 2002, с.94). В результате этого бывшие противники Чингис-хана оказываются на непосредственной территории кыпчаков и канглов западнее Иртыша, которые пока еще не были втянуты в борьбу. Помогая меркитам и найманам, племена Дешта показали себя потенциальными врагами Чингис-хана, что и сыграло определяющую роль в дальнейших событиях.

Проживание в этих областях кыпчаков и особенно канглов подтверждается и более поздними путешественниками. Так, в середине XIII века Плано Карпини и Рубрук в своих записках указывают, что после пересечения р. Яик они проехали через область канглов (Плано Карпини, 1997, с.74; Рубрук, 1997, с.121). Косвенные данные позволили сделать вывод об организации в начале XIII века самостоятельного объединения канглов, которое могло располагаться в междуречье Яика и верховьев Тобола, хотя Махмуд Кашгари пишет о канглах как о части кыпчакского союза (Ожерезов, 2002, с.373).

Логическим продолжением политики по уничтожению племен, противодействовавших объединению степей под рукой Чингис-хана, был северный поход (Тоган, 2001, с.155). В год Зайца (1207 г.) Джучи был послан с войском правой руки к лесным народам, причем проводником у него был лидер ойратов Худухабеки. Отдельные исследователи предполагают, что территория «лесных народов» - это земли, лежащие к северу от монгольских степей. Незадолго до этого Чингис-хан повелел Хорчи установить власть Монгольского Улуса «по всем кочевьям вплоть до прииртышских лесных народов», запретить свободные передвижения и самовольные переходы (вероятно, для эффективного сбора дани).

При этом указывается, что поход был спровоцирован сопротивлением кыргызов и их кыштымов монгольским наместникам и датируется 1206 г. (Верхотуров, электронный вариант; Угдыжеков, 1995, с.195-196; такой же точки зрения на датировку придерживался Р.Груссе, 2000, с.140). В результате Джучи подчинил ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов и подступил к тумен-киргизам, которые присоединились добровольно. После этого в источнике указывается, что «Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиан, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги» (Козин, 1941, с.174). Как правило, в подобных описаниях народы перечисляются в определенном порядке, согласно их географическому положению. В данном случае сделаем допущение о том, что, скорее всего, в качестве такового порядка было выбрано направление с востока на запад, то есть от наиболее близких народов к дальним. В таком случае наибольший интерес для нас имеют два названия: «Шибир», с которого начинается список, и «Бачжиги», которыми заканчивается. Относительно последнего этнонима в известной нам литературе предположение было высказано только И.Тоган, которая сравнила этот народ с башкортами (баджигитами), возможно обитавшими на западе лесостепной части Западной Сибири (Тоган, 2001, с.150)

Этноним «Шибир», используемый часто как топоним, гораздо чаще встречается в различных вариантах транскрипции в исторических сочинениях и представляет широкую почву для реконструкций. Отметим, что существуют две точки зрения на проблему генезиса данного понятия. Первая из них восходит к С.К. Патканову, считавшему, что его можно считать однокоренным с этнонимом «савиры» как прообразом топонима «Сибирь», раннесредневековым племенем, принявшим участие в событиях Великого переселения народов и, возможно, связанным происхождением с носителями саргатской археологической общности (Бояршинова, 1960, с.41-43; Патканов, 1999, с.10-18). Если это так, то под «народом / страной Шибир» следует понимать территорию обитания савиров между Уральскими горами и р. Иртыш (Буданова В.П., 2000, с.325), причем, согласно легендарным данным, часть их смешалась в дальнейшем с кыпчаками (Расторопов А.В., 1993, с.72).

Однако В.И. Сергеев считает, что этот топоним связан с монгольским словом «сибири» - «мокрые, болотные места, сырая равнина с березняком» (Сергеев, 1976, с.6 и далее), которая являлась крайним пределом в завоеваниях и была похожа на условия Тоболо-Ишимского междуречья. В позднесредневековой истории именно в треугольнике рек Тобол, Ишим и Иртыш образуется Сибирское княжество Тайбугидов и затем Сибирское ханство Кучума со столицей в г. Искер (Сибирь). По некоторым данным, страна Сибирь занимала территорию между Тюменским ханством и Ногайской Ордой, то есть как раз где-то в среднем При-тоболье, но в основном восточнее Тобола (Кычанов, 1995, с.310). На протяжении монгольской эпохи у всех арабских авторов относительно наиболее северных регионов сложилась устойчивая пара топонимов: «области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман» (Золотая Орда в источниках, 2003, с. 106; Белавин, 2000,

с.31-35). В этом отношении названия «Сибирь и Ибирь» выступают своеобразной заменой ранее использовавшейся пары «маджары и башкурты» или «маджудж и яджудж». Как нам кажется, эти понятия обозначали одну и ту же территорию расселения. После русского завоевания наименование крупнейшего этнополитического объединения - Сибирского ханства - постепенно было распространено на всю территорию региона в современном его понимании.

В результате с определенной долей условности указанные оговорки в источниках о подчинении упомянутых народов позволяют нам отнести начало зависимости ряда групп населения Тоболо-Ишимского междуречья от Монгольской империи к последствиям похода Джучи в 1207 году. Данных о сопротивлении местных племен у нас нет, что может быть связано как с отсутствием такового в реальности, так и с недостатком археологических материалов. При этом нельзя не отметить точку зрения Д.Верхотурцева, который считает, что рассматриваемый поход Джучи вообще затронул лишь владения кыргызов (Верхотурцев, электронный вариант). И.Тоган предполагает, что подчинение этих народов могло продолжаться вплоть до 1217 года (Тоган, 2001, с.155).

Вероятно, к последствиям этих и чуть более поздних событий, связанных уже с периодом жизни старшего сына Джучи - хана Бату, следует отнести еще одно: усиление давления кочевников на лесостепь, которое и могло привести к завершению трансформации бакальской культуры, о которой мы говорили в предыдущей главе. Ряд авторов считает, что на основе смешения угров и тюркоязычных кочевников начинается сложение различных групп сибирских татар, которые и становятся основным населением Южного Зауралья в XIII в. (Матвеева, 1995, с.99; Томилов, 1980, с.4-6). Хотя в последнее время доминирует точка зрения в целом о более поздней дате формирования данной группы татар (подробнее см.: Исхаков, 2006, с.10 и далее). В частности, эта точка зрения поддерживается и в археологической литературе на примере туралинской группы памятников на р. Туре, появление которой относят только в XIV веке (Могильников, 1987, с.177).

Косвенное подтверждение усиления степного натиска на север имеется в Есиповской летописи, где сообщается, что Чингис-хан отправил Тайбугу, сына своего убитого противника Он-сома (чаще всего идентифицируемого с Ванханом керайтским), с большим войском на завоевание чуди по Оби и Иртышу (ПСРЛ, 1987, с.46). Г.Ф.Миллер со ссылкой на «ведомости» тобольского воеводы П.И.Годунова указывает, что это событие произошло после подчинения Чингисханом Бухары (Миллер, 2005, с.186). В ряде текстов подчеркивается, что изначальные владения указанных правителей были на Ишиме (Ремезов, 1989, с.551).

В данном случае неизвестно, идет ли речь об отдельном походе, или это легендарное отражение более позднего похода Джучи, в ходе которого кыпчаки отступили к иштякам. Для нас важна сама тенденция, говорящая о нескольких принципиальных моментах. Прежде всего, это сама возможность в правление Чингис-хана монгольского завоевания территории Тоболо-Ишимского междуречья с одновременной миграцией на север приишимских кочевников, приведших к необратимым последствиям для автохтонного населения. В данном слу-

чае мы не можем сделать однозначного вывода о превалирующей роли прямого монгольского завоевания или усиления миграции кочевников, желающих уйти на периферию степного мира, в трансформации местных племен.

«Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство». Так Чингис-хан встретил своего сына Джучи после возвращения из похода 1207 года. Тогда же Джучи получил удел в 9000 юрт (Сокровенное сказание, 2002, с. 123-124). Известно, что при выделении улусов Чингизидам в 1207 - 1208 гг. во владения старшего сына были включены земли от Алтая до Урала с центром на Иртыше (Хара-Даван, 1996, с.224). Р.Ю.Почекаев при этом отмечает, что Джучи получил больший по численности юрт, чем мать Чингис-хана и его младший брат, что подчеркивало значение этого улуса в системе прочих владений рода Борджигин (Почекаев, электронный вариант).

Дальнейшие события, коснувшиеся населения исследуемого региона, были связаны с монгольским завоеванием государства Хорезм-шахов в 1219-1220 гг. При этом мы не знаем, что происходило на юге Западной Сибири в период 1207-1219 годов. Исходя из предыдущих событий, можно предположить, что юридически рассматриваемая территория входила в состав улуса Джучи, однако о фактическом положении дел нам ничего неизвестно. В то же время отсутствие информации может быть интерпретировано в пользу того, что население Тоболо-Ишимского междуречья лояльно отнеслось к смене политической власти, которая, скорее всего, заключалась в сборе ясака или иных повинностей. Можно предположить, что сохранялась и местная социальная иерархия, как это происходило и на других территориях, вошедших в состав Монгольской империи, в силу нехватки людей для ее бюрократического аппарата при назначении на места лояльных наместников из имперской аристократии, как это было характерно для суперсложных кочевых вожеств. Последующие события говорят о том, что собственно монгольских военных сил в регионе не было, и, следовательно, сама исследуемая территория могла выступать в качестве одной из буферных зон, формировавшихся на периферии кочевых этнополитических объединений (например, Егоров, 1985, с.31). К тому же монгольские военачальники Чингис-хана, ведущие активные завоевания на нескольких направлениях, не могли тратить силы на столь незначительный в экономическом и политическом плане регион.

С.М. Ахинжанов указывает, что в 1216 году «в Южное Зауралье, в местность между реками Кумак и Джарлы, вышла армия хорезмшаха Мухаммеда, отправившаяся истреблять племена мятежного оттарского наместника Кадыр-хана Туркестанского, сына Йакафана Йемекского. Здесь она столкнулась с монгольским корпусом Джучи и Субедея, с той же целью преследовавших непокорных меркитов, укрывшихся в глубине владений кыпчаков» (цит.: Костюков, 2006-б, с.445; Тизенгаузен, 1941, с.14). В 1218-1219 гг. монгольский корпус совершил еще один поход на территорию Сибири с целью подавления восстания лесных народов (Jackson, 2001, p.18; Тоған, 2001, с.155). Отметим, что по своей датировке этот

поход совпадает с приведенными выше легендарными данными «Сибирских летописей» о походе Тайбуги. Подобные же карательные походы, по данным исследователей, сам Джучи с отдельной тьмой совершал и позднее, например в 1219 году против кыпчаков (Хара-Даван, 1996, с.181), в рамках подавления их сопротивления в Средней Азии. Ясно, что именно кыпчаки на южных границах исследуемого региона были наиболее значительными противниками монголов. В отличие от оседлых угрозязычных народов, кыпчаки стали ими в силу того, что занимали ту же экологическую и экономическую нишу, что и монгольские племена. Кстати, отметим, что Джучи захватил среди прочих городов Сыгнак (столицу среднеазиатских кыпчаков и дальнейший камень преткновения между потоками сыновей Джучи Орды и Шибана) (Абулгази, 1906, с.88).

Анонимный автор «Сокровенного сказания» сообщает, что в 1220 г., после завоевания государства Хорезмшахов, Субедей-багатур был отправлен «в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат...» и ряд других (Козин, 1941, с.188-189). А.Ф. Яминов предполагает, что Джучи ходил на кыпчаков на встречу Субедею и Джэбэ (Яминов, 1995, с.187), возвращавшимся из похода. Причем, по мнению Ш.Б. Чимитдоржиева, после битвы на Калке часть монгольских отрядов в качестве постоянного контингента оставались в Приволжье и особенно Приуралье (Чимитдоржиев, 1992, с.70). Скорее всего, подобных походов в Восточную часть Дешта в этот период было несколько, по крайней мере, существует предположение о длительном сопротивлении сибирских народов до 1221 года, причем Джучи руководил его подавлением одновременно со среднеазиатским походом (Тоган, 2001, с.156). Плано Карпини указывает, что «одного из своих сыновей, по имени Тоссука (Джучи. - Д.М.)... он послал с войском против команов, которых тот победил в продолжительной борьбе» (Плано Карпини, 1997, с.45-46). Относительно этого сюжета существует любопытная точка зрения, высказанная А.Г. Юрченко на основе анализа донесений брата Бенедикта Поляка, спутника Плано Карпини, и «Истории татар» брата Ц. Де Бридиа. Он считает, что события, связанные с походами Джучи на север, должны трактоваться не с точки зрения реальной истории, а при помощи реконструкции мифологической картины мира, нашедшей отражение в письменных источниках. Одним из оснований для подобного вывода послужило мнение о том, что Джучи вообще не принимал участия в этих походах, «ведь он умер за много лет до начала западных походов» (Юрченко, 2002, с.122). Однако в целом это не соответствует действительности, поскольку Джучи умирает незадолго до отца, т.е. около 1227 года, когда северные страны были уже подчинены.

И.Тоган на основании информации Джузджани в «Насириных разрядах» предполагает, что завоеванием Дешта вместе с Джучи руководил Чагатай (Тоган, 2001, с.167), однако, скорее всего, деятельность последнего в основном замыкалась в Хорезме и Туркестане. Так, по данным Абу-л-Гази, «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил...попавших...в руки кыпчаков; те

из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, с.44). Как уже указывалось выше, скорее всего, под ними могло подразумеваться угорское население или близкие к ним башкирские группы. Приведенный выше текст в любом случае свидетельствует о том, что кыпчаки бежали на север, в лесостепь. Скорее всего, разгром был настолько силен, что даже спустя несколько десятилетий проезжавший в этих местах Плано Карпини отмечает: «в этой земле (кангитов. - Д.М.), а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле, подобно навозу... Их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» (Плано Карпини, 1997, с.74). Гильом де Рубрук пишет, что «... по все той земле, и еще дальше жили канглы, какие-то родственники команов» (Рубрук, 1997, с.120). Одновременно с этим Абу-л-Гази указывает, что «Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в Кыпчакском юрте», куда переселил всю свою родню (Кононов, 1958, с.44). Эти известия позволили В. и И. Магидович сделать вывод о военных походах монголов к предгорьям Урала через среднее течение Ишима и Тобола (Магидович, Магидович, 2003, с.225). В ходе этих и последующих столкновений значительные массивы домонгольских кочевников Дешта были уничтожены (Костюков, 2006а, с.199-238). Скорее всего, завоевание Дешта не было легким делом и соответственно в период 1221-1227 гг. Джучи отнюдь не отказывался от участия в общемонгольских походах, как это предполагал Р.Груссе (Груссе, 2005, ч.2, с.7), а расширял сферу влияния монголов на западе империи. Фактически именно таким образом трактует события автор XVI века Утемиш-хаджи: «Он [Чингисхан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: “Пусть будет пастбищем для твоих коней”. Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага...» (Утемиш-хаджи, 1992, с.92).

Именно в этот период в этнокультурной карте исследуемого региона начинаются те изменения, которые характеризуют всю его историю периода существования Золотой Орды. Помимо бегства на север, В.А.Иванов предполагает, что на протяжении XIII века можно говорить о насильственном перемещении кочевников на Южный Урал и в Зауралье как следствии административной политики золотоордынских ханов (Иванов, 1988, с.70). Предполагается, что эта волна миграций маркируется земляными курганами и с ней, в частности, связано возвращение части западных и южных башкир (Иванов, 1990, с.41-43). В результате этих вынужденных кочевых миграций на протяжении второй половины XIII века угорское население по Исети было частично ассимилировано, частично вытеснено с занимаемой ранее территории (Кутаков, Старков, 1997, с.138). По всей видимости, подобное увеличение численности номадов в лесостепи и даже в южной лесной части характерно и для XIV столетия, что приводит к вытеснению угорского населения с р. Туры и значительным подвижкам таежного мира к северу (Викторова и др., 1964, с.196). По мнению В.А. Могильникова, в это время подверглись тюркизации носители юдинской культуры, основные памятники ко-

торой расположены уже в таежной зоне (Могильников, 1987, с.175), а часть «бакальцев» начинает отступать на север по дельте Тобола (Матвеева, 1997, с.262).

Вместо них в лесостепи Притоболья начинают доминировать временные стоянки с доминированием керамики, сделанной на гончарном круге (Виноградов, 1995, с.218). Хотя отдельные городища типа Малого Бакальского еще могли сохраняться в этот период, этнический состав его населения нам неизвестен, в силу уже рассмотренной нами выше типологической схожести 3 типа бакальской керамики. Усиление кочевого давления может также быть охарактеризовано на примере крупного, по сравнению с предыдущим временем, грунтового могильника типа Нечунаево-1 на правом берегу р. Исеть с могилами, впушенными в курганы раннего железного века, который автор раскопок интерпретирует как оставленные тюркоязычными группами (Варанкин, 1984, с.10). В то же время часть признаков обряда (западная ориентировка, парные погребения, деревянная обкладка могил) говорит о возможности аналогии с уже рассмотренными выше могильниками типа «Козырь» местного угорского населения.

Можно предположить, что формирующееся новое население Южного Зауралья было связано не только и не столько с местными этническими группами угров или кыпчаков (и, скорее всего, канглов), но и в значительной мере с выходцами тюркского и монгольского происхождения из Центральной Азии и Западной Сибири (Костюков, 1997, с.18). По мнению В.А.Иванова, появление каменных курганов в регионе отражает проникновение групп прииртышских кочевников (Иванов, 1993, с.98). Хотя В.П.Костюков указывает в этом отношении на два принципиальных момента: возможность, помимо этнического, социального ранжирования населения региона, а также аккультурационные процессы, ведущие к унификации культурных признаков пришлого и автохтонного населения региона (Костюков, 1997, с.16-18). При этом следует учитывать, что большая часть подобных выводов строится на материалах степной части Южного Зауралья, в то время как памятники северных регионов не столь представительны в этом отношении.

После среднеазиатских походов Чингис-хан перераспределил улусы сыновей. Ата-Мелик Джувейни пишет: «Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Каялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось копыто татарского коня». Его ближайшим соседом стал младший брат Чагатай, получивший юрт от земель уйгуров до Самарканда и Бухары (Джувейни, 2004, с.30). По Иртышу земли Джучи граничили с улусом Угедея (Груссе, 2005, ч.2, с.7). Одновременно с этим Джучи получил четыре тысячи монгольских войск, которые закреплялись за этим улусом (Рашид ад-Дин, 1952-б, с.274). В «Насыровых разрядах» Джузджани (написаны в 1259-1260 гг.) упоминается в этой связи, что после Хорезма Туши (т.е. Джучи) и Чагатай совместно захватили Туркестан и Кыпчак, и подчинили все племена, их населявшие. Джузджани пишет: «Когда Туши... увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой... В ум его стало проникать желание восстать против своего отца» (Тизенгаузен,

1941, с.14). По данным Рашид ад-Дина, известно следующее: одна из причин ссоры между Чингис-ханом и Джучи в 1227 году могла быть в том, что последний не выполнил постановления отца о захвате всех северных областей. Среди них в частности упоминаются «Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак», а также «Сибир и Ибир» (Рашид ад-Дин, 1960, с.71; Золотая Орда в источниках, 2003, с.418)

Источники пишут о том, что в результате Чагатай проведаль о замысле брата и известил Великого хана, который послал доверенных лиц отравить и убить Джучи (Тизенгаузен, 1941, с.15). Скорее всего, все это были лишь повод для братьев избавиться от старшего в роду, который, по мнению В.В.Трепавлова, в 1220-х гг. был соправителем Великого хана (Трепавлов, 1992, с.251). Хотя идею «соправительства» принимают отнюдь не все исследователи политического устройства Монгольской империи (Костюков, 2007, с.170). К тому же у Джучи и Чагатая и до этого отношения были натянутыми, как это видно из конфликта между братьями, произошедшего перед походом на Хорезм-шаха (Сокровенное сказание, 2002, с.132). Скорее всего, определенная напряженность между ними наблюдалась и впоследствии, так, в частности, во время штурма Ургенча из-за возникших споров они оба должны были подчиниться Угедею (Абулгази, 1906, с.99). В «Шейбаниаде» отмечается, что в ходе покорения Хорезма произошел конфликт между Джучи и Чагатаем, в результате которого первый ушел на север и прогневил тем отца, который обещал казнить сына и послал с этой целью Чагатая и Угедея (Шейбаниада, 1849, с.XLVII). Суть споров крылась в достаточно простом вопросе: кто будет править империей в случае смерти Чингис-хана? И фигура старшего сына Великого хана Джучи устраивала здесь отнюдь не все стороны. В данном случае можно было бы согласиться с точкой зрения Р.Ю.Почекаева, который говорит о смерти Джучи от затяжной болезни (Почекаев, 2006, с.45), а иные версии предлагает признать более поздними, хотя и основанными на действительных разногласиях между представителями Золотого рода. Однако приведенные выше оговорки наводят на мысль о каком-то действительном столкновении между братьями, которое в дальнейшем тщательно скрывалось.

После смерти Джучи-хана непосредственные земли улуса должны был перейти к кому-либо из наследников, и очевидно, что этот переход должен был быть утвержден Чингис-ханом. По существовавшим традициям улусы детям выделялись при жизни отца (Федоров-Давыдов, 1973, с.54), часто новый хан лишь подтверждал их границы. Однако отсутствие адекватных источников поднимает вопрос о том, в каких же собственно границах следует искать улусы отдельных Джучидов. Однозначного ответа на этот вопрос не существует, однако некоторые нюансы прояснить не только возможно, но и необходимо.

Практически все источники отмечают, что главенство Бату как наследника Джучи было утверждено самим Чингис-ханом, причем в некоторых случаях отмечается, что он настоял на этом выборе (Тизенгаузен, 1941, с.15; Абулгази, 1906, с.149). При этом старшим сыном Джучи являлся не Бату, а Орда-Ичен. Но «Орда был согласен на воцарение Бату, и на престол отца он его возвел» (Рашид

ад-Дин, 1960, с.66). По мнению Н.Н.Крадина и Т.Г.Скрынниковой, Орда и не мог воспротивиться данному избранию, поскольку Бату наследовал коренный юрт и престол отца (Крадин, Скрынникова, 2006, с.349). Однако, скорее всего, здесь следует согласиться с Р.Ю.Почекаевым в том, что Бату был назначен самим Чингис-ханом, и, следовательно, у его братьев просто не было другого выбора кроме как подчиниться (Почекаев, 2006, с.46-52). Назначение главой улуса Бату при наличии старшего брата позволяло каракорумским правителям империи балансировать между ними и тем самым сдерживать сепаратистские тенденции (Костюков, 2007, с.174-175).

Таким образом, нет сомнения в том, что правителем улуса Джучи стал Бату, однако это не позволяет нам определить непосредственно территорию его личного улуса. Казалось бы, оговорка о наследовании отцовского юрта позволяет нам высказать предположение о расположении улуса Бату на севере Дешта, недалеко от Иртыша. Однако такая точка зрения не находит подтверждения в источниках, за исключением фразы «привели его в обыкновенное место своего обитания», где Бату был возведен на отеческий престол (Абулгази, 1768, с.72). Фактически невозможно сейчас доказать, соответствует ли эта фраза историческим реалиям или отражает некие политические стереотипы, характерные для шибанидской историографии. В этой связи существует предположение, что на самом деле Бату был наделен сакральными функциями и обладал родовой харизмой, необходимой для выполнения властных полномочий, но при этом не имел реальной власти и права на командование войсками (Скрынникова, 1997, с.125). Р.Ю.Почекаев на основании изучения «Алтан Тобчи», созданного Лубсаном Данзаном в XVII веке, также приходит к выводу, что Бату изначально не был правителем отдельного улуса (Почекаев, электронный вариант). В частности, в источнике говорится, что земли улуса были распределены среди потомков Джучи, но, по мнению комментаторов, среди них нет Бату (Данзан, 1973, с.243). Хотя, с точки зрения логики развития улусной системы, подобное предположение не кажется реалистичным, поскольку сомнительно, чтобы владетель всего улуса, назначенный Чингис-ханом или его наследников Угедеем и наделивший всех братьев землями, сам не имел отдельного удела на этой территории.

Не менее сложен вопрос о расположении улусов многочисленных братьев Бату. Прежде всего, отметим взгляды ряда исследователей на эту проблему. Косвенные данные позволили А.Г.Нестерову сделать вывод о том, что земли будущего Сибирского юрта должны были перейти к младшему сыну Джучи Тука-Тимуру, который являлся отчигином (хранитель очага). Данное заключение следует из фразы автора о том, что до конца XIV века на этой территории правили его потомки, и лишь в это время перешли Шибанидам (Нестеров, 1988, с.6). Как будет отмечено далее, скорее всего, такое предположение основано на оговорках, подобных уже рассмотренным выше, а также на том факте, что именно Тука-Тимур был оставлен правителем улуса на время отсутствия братьев (Абулгази, 1768, с.75). Наиболее удаленные земли получал старший сын Орда-Ичен (Грум-Гржимайло, 1994, с.103). Хотя, по мнению Т.И. Султанова, именно он в

качестве прямого наследника Джучи получил главную ставку отца в верховьях Иртыша и оз. Алакуль (территория называлась Кок-орда). Кроме того, ему же перешли личные четыре тысячи воинов Джучи, которых выделил ему Чингисхан (Султанов, 2002, с. 18). П. Джаксон вообще считает, что улус Орды включал в себя почти всю территорию Западной Сибири (Jackson, 2001, p. 16). Нельзя забывать и о точке зрения Н.Н. Мингулова, который считал, что в 1226 году, то есть еще при жизни Джучи, на этой же территории получил улус и Шибан-хан (Мингулов, 1981, с. 83), основатель правящей династии будущего Тюменского и Сибирского ханств. Наиболее подробно его биография реконструирована В.П. Костюковым (Костюков, 1998, с. 210-224; Костюков, 2002, с. 695-707). Таким образом, даже этот небольшой анализ историографии показывает всю дискуссионность данного вопроса. Обратим внимание, что в той или иной степени все эти точки зрения говорят в пользу расположения земель четырех Джучидов на территории первоначальных земель Джучи, что уже говорит в пользу отсутствия адекватных источников и сложности интерпретации существующих. В дальнейшем именно эти четыре династии будут играть наиболее значительную роль в истории как Золотой Орды, так ее наследников. К тому же, по мнению исследователей, после смерти Чингис-хана часть земель бывшего улуса Джучи досталась не только его сыновьям, но и братьям Чагатаю и Угедею. Первый получил области Хорезма, а второй частично присоединил Сибирь, к востоку от Иртыша (Сафаргалиев, 1996, с. 293; Почекаев, электронный вариант).

Какими материалами мы располагаем для решения этого дискуссионного вопроса? Прежде всего, обращают на себя внимание некоторые интересные замечания Рашид ад-Дина. «Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он (т.е. Орда. - Д.М.), а другой половиной - Бату. С этим войском и четверьмя братьями - Удуром, Тука-Тимуром, Шингкумом - он составил левое крыло войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла. И теперь еще их род пребывает вместе с родом Орды... С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями улуса» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 66). При этом, забегая вперед, отметим, что «хотя заместителем Джучи был второй сын Бату, но Менгу-каан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 66). В этой фразе обращает на себя внимание деление бывшего улуса Джучи на два крыла, что было характерно для монгольской системы управления при переносе принципов военной структуры на административную власть. При этом левое крыло составил, с одной стороны, самый старший из братьев Орда, с другой - три младших (по Рашид ад-Дину). Однако в данном случае не только не ясно, какие именно земли получили указанные братья, но и что именно понимается под правым (Бату) и левым (Орда) крылом. Здесь можно лишь высказать предположение, которое во многом основывается не на конкретных источниках, а на логике развития улусной системы Джучидов и имеющихся данных об ориентационных принципах тюрков и монголов в более по-

зднее время (Подосинов, 1999, с.417-429). В зависимости от того, какая сторона света в конкретном случае считалась передней (чаще всего в качестве таковой выступали восток или юг), восприятие левого и правого могло отличаться. В первом случае левая сторона означала север, а правая - юг. В таком случае очень условно можно предположить, что Орда с братьями владел землями на севере Казахстана, что частично соответствует более позднему положению улуса Орды, а Бату - на юге. Во втором случае левой стороной был восток (земли Орды), а правой - запад (земли Бату). По всей видимости, последнее предположение о разделе юрта находит, как это будет указано далее, свое выражение и в более позднее время, уже после структурирования улуса Джучи, резко увеличившегося после западного похода. Одновременно с этим заслуживает внимания точка зрения В.В.Трепавлова, согласно которой по кочевым традициям «глава левого крыла занимал второе место после руководителя правого фланга» (Трепавлов, 2002-а, с.79). По всей видимости, конкретизировать эту информацию на данный момент достаточно сложно. Очевидно, что в любом случае количество земель под властью официального правителя улуса Бату было гораздо меньшим, чем у старшего брата. Уместно задаться вопросом: не могло ли отсутствие таковых стать одной из причин начала западного похода монголов и большой заинтересованности в нем со стороны части Джучидов, поддерживающих Бату?

Не менее противоречива в этом отношении информация еще одного более позднего источника - «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, подробно рассматривающего данный вопрос. Предварительно отметим, что при составлении текста автор использовал значительное количество степных легенд. К тому же написан он был в первой половине XVI века по заказу Иш-султана из среднеазиатской династии Шейбанидов, что придает ему, с одной стороны, определенную политическую окраску, а с другой, невозможность использования явно выдуманных известий в силу способности их проверить другими среднеазиатскими знатоками старины. В частности, говорится о том, что Орда-Ичен и Бату долго уступали друг другу ханствование. В принципе отказ от предложения ханства входил в ритуал возведения на трон монгольских правителей. В результате Бату предложил обратиться «к нашему великому деду Чингис-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деда, по тому и поступим». Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Бату-хана; синюю орду с серебряным порогом поставил для Орды-Ичена; серую орду со стальным порогом поставил для Шибана. Далее отмечается, что Шибаниды до сих пор указывают на то, что для Тука-Тимура не поставили даже крытой телеги (Утемиш-хаджи, 1992, с.93). В данном случае постановка той или иной юрты могла означать передачу определенно-го улуса, однако указанные источниковедческие моменты заставляют воспринимать эту информацию с большой долей скепсиса и лишь как свидетельствующую об определенных тенденциях в степном летописании. Из этого источника однозначно следует тот факт, что первоначальное наделение улусами в любом случае должно было произойти в последние месяцы правления Чингис-хана.

Вскоре после решения вопроса о наследнике Джучи его сыновья в 1228 году участвовали в выборах нового Великого хана, которым стал Угедей. В данном случае «Сокровенное сказание» пишет о Чагадае, Бату и прочих царевичах как представителях правого крыла Монгольской империи (Сокровенное сказание, 2002, с.144). После избрания, как говорится далее, «он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субетая», так как последний испытывал сильное сопротивление со стороны таких народов как «... канлин, кибчаут, бачжигит...» (т.е. канглов, кыпчаков, а также приуральских башкир или венгров) (Сокровенное сказание, 2002, с.145-146). Некоторые фрагменты из «Истории Вассафа» позволяют предположить, что сам Субетай был отправлен «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» незадолго до этого (Золотая орда в источниках, 2003, с.267). В сочинении Мухаммада Шейбани-хана упоминается, что в завоевании Дешта времени правления Угедей-хана участвовал и Шибан (Материалы, 1969, с.100). Исходя из сообщения ибн Василь, известно, что в 627 г. хиджры (1229/1230) «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» (Тизенгаузен, 1884, с.73). В основном она велась за восточный Дешт и пограничные земли в предгорьях Урала и, судя по контексту событий, еще не коснулась западной части евразийских степей. У того же Джузджани далее сообщается, что именно сын Джучи, Бату, полностью подчинил себе кыпчаков и земли на север, вплоть «до моря мрака» (Тизенгаузен, 1941, с.15). Такое предположение находит подтверждение в легендах сибирских татар, в частности, живущих по Ишиму. В них говорится о том, что в правление Бату местные князья, в том числе ранее пользовавшийся покровительством Чингис-хана Иликай-князь, перессорились, в результате монголы, вмешавшись в междоусобицу, все забрали себе (Сказание, электронный вариант). Предположения о начале западных походов еще в 1229 и 1232 гг. на основании материалов «Юань Ши» придерживается и Е.И.Кычанов (Кычанов, 2001, с.36)

Таким образом, в первое десятилетие правления Бату он завершил подчинение степных племен Дешта и привел к лояльности соседние народы, в том числе и в Тоболо-Ишимском междуречье. Одновременно с этим Абу-л-Гази не просто дополняет эту информацию, но сообщает факты, полностью противоречащие всему вышесказанному, о том, что пять братьев сразу после избрания Угедея отправились с ним в поход на Китай (Абулгази, 1768, с.75; Абулгази, 1906, с.150; Почекаев, 2006, с.68-69). Впрочем, ни один другой источник данное сообщение не подтверждает.

В этом контексте еще раз вернемся к вопросу о судьбе степных племен. Подчинение народов сопровождалось карательными мерами. Так, Плано Карпини пишет, что «во время же войн они убивают всех, кого берут в плен» (Плано Карпини, 1997, с.57). В отличие от оседлых жителей процветавших городов Средней Азии или Китая, не подчинившиеся номады представляли особую угрозу для существования и процветания Монгольской империи. Причина ожесточенной борьбы скрывалась не столько в особенностях формирования противоборствующих партий, например в уже упоминавшейся поддержке кыпчаками (со-

ставляли основу армии хорезмшаха) и найманами (поддержали меркитов) врагов Монгольской империи, сколько в схожести способов хозяйствования. Это приводило к занятию экологически идентичных степных ниш, потенциальные возможности которых при увеличении населения резко сокращаются. При скотоводстве потенциальное увеличение численности населения зависело от возможностей вмещающего ландшафта. Очевидно, что занятие кыпчаками и родственными им племенами огромной территории от Причерноморья до Алтая не позволяло устроить их поголовное уничтожение, однако некоторые шаги в этом направлении были сделаны. Так, по мнению В.П. Костюкова, в Хорезме было уничтожено несколько десятков тысяч канглов (Костюков, 1999, с.166). Плано Карпини отмечает, что большая часть команов, то есть кыпчаков, и канглов была перебита монголами или взята в рабство (Плано Карпини, 1997, с.74). Для того чтобы избежать конкуренции в отношении земли и власти со стороны побежденной иноплеменной знати, монголы предприняли значительное уничтожение представителей чужой аристократии, особенно из числа многочисленных кыпчаков (Кононов, 1958, с.44). При этом необходимо учитывать, что, скорее всего, оно затронуло не всех, в частности один из кыпчакских эмиров Кунджек был старейшиной зонтикодержателей Чингис-хана (Рашид ад-Дин, 1952-а, с.151). Европейские авторы этого времени были уверены в полном уничтожении кыпчаков. Так, Роджер Бэкон пишет: «И в этой земле жили куманы, но тартары всех их уничтожили» (Бэкон, 1979, с.212-213). Очевидно, что неоднозначность интерпретации источников привела к сложности решения вопроса о степени участия кыпчакских племен в золотоордынской истории (например, абсолютно полярные точки зрения высказаны: Кадырбаев, 1989, с.5-30; Костюков, 2004, с.245-262).

К сожалению, как уже отмечалось, у нас нет данных для реконструкции системы монгольского управления в Тоболо-Ишимском междуречье в первые годы после его включения в состав империи. Г.Ф. Миллер считал, что во время Чингис-хана в Сибири правило несколько князей, после их завоевания из-за удаленности территорий управитель земель также был выбран из местной знати (Миллер, 1937, с.190), что в целом подтверждает высказанные нами выше предположения. В пользу такой модели включения Тоболо-Ишимского региона как части «страны Сибирь» в монгольское государство свидетельствуют и последующие события. А.Х. Халиков пишет, что решение курултая 1229 года закрепило границы Монгольской империи до реки Яик, включая западносибирские и южноуральские степи (Халиков, 1994, с.42). Эта точка зрения хорошо стыкуется с началом завершающего этапа в борьбе с тюркоязычными кочевниками Восточного Дешта. Таким образом, к 1229-1230 гг. подчинение Тоболо-Ишимского междуречья монголами было завершено, и исследуемый регион окончательно стал частью Монгольской империи. Очевидно, что, учитывая подготовку западного похода, монголы не могли себе позволить оставлять в тылу сколько-нибудь нелояльные к их власти племена.

1.3. Улус Шибана и его функционирование в системе Золотой Орды

Спустя почти два столетия после рассмотренных выше событий правящей династией в Тюменском и Сибирском ханствах стали потомки Шибана, одного из младших братьев Бату. При этом существует несколько вариантов даты наделения его улусом, что было частично показано нами в контексте проблемы раздела улуса Джучи между наследниками (их подробный анализ также см.: Костюков, 1998, с.210-224). Напомним, что, например, А.Г. Нестеров относил образование улуса Шибана к 1238 году (Нестеров, 1993, с.235), хотя и не связывал его с более поздней территорией Сибирского юрта. Однако нам кажется, что эта дата не подтверждается источниками, которые говорят о том, что наделение Шибана улусом произошло в специфических условиях политических событий, произошедших после внезапного завершения Западного похода в связи со смертью Великого хана Угедея и необходимостью устройства резко увеличившегося улуса Джучи. Конечно, в любом случае резонно предположить, что и до начала западного похода Шибан владел каким-то улусом, но вопрос в том, где он находился и мог ли совпадать с позднее известными землями.

Причем, как мы видели, продвижение на запад началось почти сразу после курултая 1228 г., но монгольские войска на этом направлении испытывали значительные трудности. Решение о масштабном западном походе, в котором должны были принять участие представители всех улусов Чингизидов, было принято на новом курултае, собранном Угедеем в 1234 году. Существует версия, что завоевание западных земель могло рассматриваться в качестве своеобразной компенсации за те земли улуса Джучи, которые перешли к Угедее и Чагатаю (Почекаев, 2006, с.66-67). Правда, в таком случае не совсем ясен смысл включения в состав войск отрядов Кулькана - сына Чингис-хана, Гуюка - старшего сына самого Угедэя, Монке - старшего сына Тулуя, Бури - любимого внука Джагатая и ряда других, часть из которых позднее получили на захваченных землях уделы (Почекаев, электронный вариант). Получив указания об организации западного похода, Бату с братьями «отправился в путь, прибыл в свою столицу. Тукай-Тимур угощал всех трое суток» (Родословное древо тюрков, 1906, с.150). Подробное описание всех событий западного похода не относится к теме нашего исследования, к тому же на эту тему уже написано чрезвычайно много работ, но на ряд моментов, связанных с ролью в этом походе Шибана, следует обратить внимание.

Шибан (в иных написаниях - Шайбан, Шейбан) принимал активное участие в значительном количестве военных действий в ходе западного похода. Из всех имеющихся источников некоторые из этих событий оспариваются лишь в «Истории Вассафа», который считал, что эти деяния совершил не Шибан, а Сартак, старший сын Бату (Тизенгаузен, 1941, с.85). Все остальные авторы практически едины в своих описаниях. Рашид ад-Дин сообщает, что на завоевание Кипчакской степи и других регионов были назначены среди прочих сыновья Джучи: Бату, Орда, Шибан и Тангут (Рашид ад-Дин, 1960, с.37). Потомок Шибана, Абу-л-Гази-хан, в своей «Родословной истории о татарах» пишет, что тот участвовал

вместе с Бату в семи походах (здесь, скорее, семилетний поход), в том числе на Русь, командуя крупными подразделениями, в частности в битве за Москву (Абулгази, 1768, с.119). Впрочем, последнее сообщение - явная модернизация, связанная с историческими реалиями эпоху Абу-л-Гази-хана. Утемиш-хаджи пишет о том, что Шибан не только руководил арьергардом, но и чуть ли не в одиночку разбил русских, а также подчинил вилайет Каффу и Крым (Утемиш-хаджи, 1992, с.94). Впрочем, Рашид ад-Дин также указывает на участие Шибана в подчинении крымских городов (Золотая Орда в источниках, 2003, с.408).

Некоторая путаница в биографии Шибана связана с его участием в завоевании Булгара и башкир, а также венгров и поляков. Дело в том, что многие средневековые авторы использовали этноним «башгирд» как по отношению к собственно башкирам, так и когда-то проживавшим рядом с ними мадярам, создавшим Венгерское королевство в Европе (Аннинский, 1940, с.92). Не менее сложна интерпретация этнонима «келары». Так, Р.Ю. Почекаев считает, что под ними следует поднимать воинов Волжской Булгарии, а следовательно, под «башгирдами» видеть их союзников башкир (Почекаев, 2006, 100). Подобной же точки зрения придерживается Р.П. Храпачевский, который считает, что под келарами (от финноугорского «кираль» - король) следует видеть князьков приуральских племен (Храпачевский, 2004, с.381). Конечно, такая гипотеза была бы весьма удобной с точки зрения более поздних претензий Шибанидов на эти территории, особенно в свете известий о подчинении Булгара Шибанидам в первой половине XV века (Исхаков, 2001, с.133), хотя не все с ней согласны, и, например, Х.Гекенъен предполагает, что «корола» - это западные венгры (Гекенъен, 2001, с.93). Если разбирать все имеющиеся у нас сообщения об этих событиях в хронологическом контексте западного похода, то получается следующая картина.

С осени 1236 года, когда войска объединились в пределах Булгара, Шибан лично участвовал в сражениях и командовал авангардом в одну тьму, который воевал против поволжских буларов (т.е. Великой Болгарии) и башкирдов (т.е. приуральских башкир и венгров) (Рашид ад-Дин, 1960, с.37). Вслед за этим мы находим сообщение у Джувейни, автора «Истории Завоевателя мира». После захвата и уничтожения Руси, кипчаков и аланов «... Бату решил истребить келаров (т.е. поляков) и башгирдов (т.е. в данном случае венгров)... которые живут рядом с франками... Бату отправил авангардом своего брата Шибакана (т.е. Шибана) с 10000 человек для разведки и дозора...». Тот через неделю возвратился с сообщением об их численном превосходстве. Несмотря на это, во время битвы Шибан лично двинулся на царские палатки, сокрушил их, и войско келаров бежало. Обратим внимание на то, что данный поход у Джувейни упоминается только после покорения Руси, и расположены указанные народы на границах с франками (Тизенгаузен, 1941, с.23), хотя у Рашид ад-Дина в соответствующей части те же «христианские» народы как соседи франков были захвачены еще в 1236 г., до начала русского похода, причем подчеркивается то, что в дальнейшем они вновь восстали (Золотая Орда в источниках, 2003, с.406). Участие Шибана в завоевании европейской Венгрии подтверждается как в Юань-ши, так

и у Плано Карпини (Юань-ши, 2004, с.503; Плано Карпини, 1997, 49). По сути, мы имеем стереотипное описание обоих походов (приуральского 1236 года и европейского 1240 года), одной из причин которого было использование схожих этнонимов для родственных народов, проживающих на разных территориях. К тому же обращает на себя внимание еще одна фраза Рашид ад-Дина о том, что «вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах... все тюркские племена называют татарами» (Рашид ад-Дин, 1952-а, с.103).

Одновременно с этим Джованни дель Плано Карпини в своей «Истории монголов» указывает, что после разорения европейских Польши и Венгрии татары Бату «...пришли в земли мордванов... Подвинувшись отсюда против билеров, то есть Великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их», а далее подчинили паросситов и самогедов (Плано Карпини, 1997, с.51). По предположению Е.П.Казакова, под «паросситами» следует видеть представителей фратрии Пор, входившей в состав манси (Казаков, 2007-а, с.57). «Самогедов» же в этом контексте еще ранние комментаторы текста трактовали как первое упоминание сибирских самоедов. Свидетельство путешественника ценно тем, что он четко понимал различия между двумя Венгриями, как это было вообще характерно для европейских авторов первой половины XIII века. Так, например, Матфей Парижский пишет об опустошении обеих Венгрий в ходе западного похода (Матузова, 1979, с.135, 139). Очевидно, что столь частое использование схожих названий уже через некоторое время после рассматриваемых событий могло привести к разногласиям между авторами источников, которые в некоторых случаях смешивали события разных походов в один. Шибан в качестве одного из ведущих полководцев среди Джучидов мог в равной степени участвовать в обоих походах. Завершая этот сюжет, напомним, что чрезвычайно длительное по сравнению с другими народами сопротивление венгров (башкир?) монголам подтверждается и побывавшим в Великое Венгрии у р. Агидель во второй половине 1230-х гг. братом Юлианом из доминиканского ордена (Аннинский, 1940, с.81-85). О восстаниях населения Булгара и башкирдов в 1240-х гг. сообщает и Рашид ад-Дин в начале XIV века, который даже пишет: «... она до сих пор не вполне покорена» (Тизенгаузен, 1941, с.48). Исходя из этого, можно допустить неоднократное участие в этих событиях Шибана, особенно учитывая тот факт, что его улус, о котором речь пойдет ниже, вплотную подходил к Приуралью.

После завершения похода встал вопрос об административном устройстве увеличившегося улуса Джучи. И, хотя теперь Бату мог самостоятельно наделять родственников улусами, следует учитывать, что эта территория рассматривалась как часть Монгольской империи, а в ней на данный момент не было хана, поскольку в 1241 году Угедей-хан умер. Как известно, это стало одной из главных причин сворачивания военных действий монголов в Европе. На протяжении нескольких лет Бату уклонялся от участия в курултае, что приводило к откладыванию выборов нового Великого хана (Рашид ад-Дин, 1960, с.80). Наконец, в 1246 г.

курултай был собран и новым ханом стал давний недруг Бату старший сын Угедея Гуюк. Со стороны улуса Джучи представителями на курултае были Орда, Шибан, Берке, Тангут и Тука-Тимур (Почекаев, 2006, с.223). При этом обратим внимание, что, по данным Рашид ад-Дина, потомков Джучидов возглавлял не Бату, а Орда и Шибан, которые участвовали в выборах в первый день и были одеты в белые одежды (Тизенгаузен, 1941, с.66; Вернадский, 2001, с.145). Возникает вполне резонный вопрос: когда произошло наделение братьев улусами - непосредственно по возвращении в 1242-1243 гг. или после курултая?

Бату выделил на территории своего юрта улусы ближайшим родственникам по мужской линии, каждый из которых потенциально имел на него право, согласно принципу общесемейной собственности Чингизидов на землю империи. При определении размера улуса он мог учитывать поколенную принадлежность, вклад в успех похода и степень своего доверия к конкретному человеку, но при этом не мог забывать того, что ряд братьев уже имели земли в степях Казахстана еще до похода. Особое значение здесь приобретала река Яик (Урал), которая символически отграничивала старые земли улуса Джучи от вновь приобретенных под руководством Бату, при этом ранее она могла быть границей между кочевыми племенами, например, западных (половцев) и восточных кыпчаков (Федоров-Давыдов, 1973, с.61). В идеальном плане именно эта река могла бы стать своеобразным водоразделом между улусами двух старших братьев Орды-Ичена и Бату. Менее значительные уделы на их территории получали остальные братья Бату, но наиболее крупным из них был улус Шибана.

Возможно, что, исходя из монгольских традиций, границы большинства ранее выделенных улусов просто подтверждались новым ханом. Причем, скорее всего, территория улуса должна была совпадать с определенными меридиальными маршрутами перекочевков, как могло произойти с улусами Орды-Ичена и Тука-Тимура (Мингулов, 1981, с.83), хотя в последнее время теория «пастбищно-кочевых систем» и долгих меридиональных перекочевков номадов начинает подвергаться сомнению, как, возможно, отражающая реалии поздних кочевых обществ и не соответствующая оптимальным экономическим условиям жизни кочечевого социума (Костюков, Гуцалов, 2003, с.162-163).

В отношении Орды-Ичена определенная наследственность территории улуса подтверждается словами Абу-л-Гази: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте, сказал Орде по прозвищу Ичен: “В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому в удел тебе отдается народ, состоявший из пятнадцати тысяч семейств в том месте, где жил отец твой”» (Абулгази, 1906, с.159). Орда и его ближайшие потомки с этого времени обитали в верховьях Иртыша и у оз. Ала-Куль, т.е. на территории Восточного Казахстана (Плано Карпини, 1997, с.75; Кляшторный, Султанов, 2000, с.197).

Однако в случае с Тука-Тимуром все несколько сложнее. Так, есть сведения о том, что за особые заслуги этому Джучиду было выделено определенное количество людей, а в качестве места кочевания был назван вилайет (область) асов и Мангышлак, а также Хаджи-Тархан (Астрахань) (Кляшторный, Султанов, 2000,

с. 196). Причем позднее, при Менгу-Тимуре, он получил еще и вилайеты Кафа и Крым (Абулгази, 1768, с.86; Султанов, 2002, с.17). Нельзя не отметить и еще одной точки зрения, высказанной относительно этого вопроса: непосредственно после западного похода земли Тука-Тимура находились к северу от владений Бату, в верховьях Волги, на территории бывшей Волжской Булгарии (Лэнь-Пуль, 2004, с.159). Однако основания этого предположения не вполне ясны. Таким образом, земли Тука-Тимура, в отличие от других братьев Бату, были значительно удалены друг от друга, что, вспоминая его большое значение в предыдущий период как наместника, не может не вызывать определенных вопросов об изменении расстановки сил после Западного похода, в ходе которого имя этого Джучида не упоминается.

Именно по завершении походов в 1242 г. за храбрость Бату дал Шибану четыре омака из своих подданных «от поколений Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак». При этом улус Шибана был определен таким образом, чтобы «летом ему пребывать возле гор Уральских и реки Яиджика (видимо, имеется в виду ее восточный берег. - Д.М.)..., а зимой около Каракума и Аракума», по берегам реки Сырдарья и при устьях рек Чу и Сары-Су (Абулгази, 1768, с.120). Установление подобного маршрута с учетом уже высказанных выше соображений соответствовало меридиональным зонам степного кочевания, которые могли не изменяться в течение нескольких столетий при среднем уровне увлажнения. Плано Карпини размещает земли Шибана к северу от бывшего государства Хорезмшахов (Плано Карпини, 1997, с. 75), то есть в западном и северном Казахстане.

Махмуд бен Вали в «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (написано в 1634-1640 гг.) пишет, что Шибан-хан получил от Бату «в качестве вознаграждения четыре омака», указывая при этом те же племена, и с тех пор Шибаниды не позволяли себе нарушать обычаи подчинения его потомкам (Материалы, 1969, с.347). Орда-Ичен также «должности своей быть нашел, чтобы некоторым образом наградить добрую услугу брата своего Шейбана, подарил ему 15 тысяч фамилий» (Абулгази, 1768, с.120), здесь любопытно повторение той же цифры, как и в случае передачи людей от Бату к Орде. Можно предположить, что это отражает не реальный факт перехода, а скорее некую стереотипную ситуацию, подчеркивающую желательную для Шибанидов картину определенных отношений с иными старшими родами Джучидов. Подобный состав юрта Шибанидов из представителей четырех племен сохраняется позднее в вилайете Чимги-Тура и сформировавшемся на его основе Тюменском ханстве, при этом в качестве основных могли рассматриваться кланы конграт, дурман, уйгур и кушчи (Исхаков, 2004, с.16).

Одновременно с этим относительно земель по Яику Плано Карпини пишет, что «у нее переходит с места на место два тысячника» (Плано Карпини, 1997, с.72). Кроме того, известно, что позднее по Яику кочевал Ногай (Костюков, 2007, с.187). С одной стороны, такая информация Плано Карпини вызывает определенные сомнения в сообщении Абу-л-Гази, который мог указывать характерную для его времени систему кочевания. С другой, не совсем ясен смысл наделения отдельными улусами неких тысячников наравне с Джучидами. Кроме того,

Шибан получил «область Корел», куда отправил одного из своих сыновей с беками и людьми. Причем подчеркивается, что все следующие ее правители были из его рода (Абулгази, 1906, с. 159). Вполне возможно, что это сообщение появилось под воздействием ранее приведенных нами свидетельств об участии Шибана в завоевании народа «келар» и сложности его интерпретации. Также, по нашему мнению, оно говорит в пользу реальной возможности постепенного смешивания двух схожих (с точки зрения этнонимии) походов в исторической памяти по мере хронологического удаления от этих событий авторов источников. Можно допустить, что в данном случае летописец путает два разных народа «булар», которыми руководит «келар», и таким образом интерпретирует позднейшее правление Шибанидов в Казани как абсолютно легитимное с точки зрения наследственности.

В более ранних изданиях сочинений того же автора мы находим следующую информацию: «... Шейбани-хан послал одного из своих сыновей со многими офицерами, и с великою силою жить в Урусских и в Немецких городах, которые ему подарены. Оной Шейбани-ханов сын поселившись в сих провинциях, жил в них всегда потом, и все его потомки по нем: но ради великого расстояния мест, я не могу объявить точно, где его было пребывание. Однако сказывают, что Немецкие ханы произошли от оных Шейбани-хановых потомках» (Абулгази, 1768, с. 122). Данная фраза позволила предположить В.В. Трепавлову, что изначально улус Шибана находился на территории западного пограничья Монгольской империи, в Венгрии (Трепавлов, 1993-а, с. 92). Однако, помимо приведенного выше источника, ни один автор не сообщает о подобном улусе под властью Шибана. К тому же в таком случае возникает достаточно сложный вопрос о времени переноса улуса Шибана на территорию Приуралья. Скорее всего, Абу-л-Гази использует здесь какие-то степные слухи, причем он сам, как это следует из текста, в них сомневается. Впрочем, и в западноевропейских источниках данных об этом нами не найдено. Таким образом, нам кажется, что нет резона искать улус Шибана где-то в Европе, поскольку он изначально находился на территории Приуралья и Северного Казахстана.

Границы между улусами были установлены чисто номинально и, скорее всего, периодически могли смещаться, отражая доминанту того или иного конкретного Джучида или их союза в золотоордынской политике. Поиск точных границ улусов или точек соприкосновения между ними в этом отношении абсолютно бесперспективен. К тому же теоретически не ясно, что в кочевой цивилизации, а на первом этапа Золотая Орда, несомненно, к ней относилась, следует под такими понимать. Описание улуса Шибана у Абу-л-Гази позволяет согласиться с точкой зрения о том, что в течение некоторого времени под его властью находилась значительная часть Восточного Дешта, который он территориально делил с Ордой-Иченом (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 196-197; Зуев, 1981, с. 76). Это позволило В.В. Трепавлову предположить, что Шибаниды могли быть соправителями потомков Орды в Кок-Орде (Трепавлов, 1992, с. 270-273), хотя эту гипотезу еще необходимо подтвердить на материалах конкретных источников, где указы-

валось бы, в частности, распределение полномочий, а не только нахождение в одном регионе.

Несмотря на указанные выше проблемы с определением территорий улусов, для нашего исследования необходимо хотя бы гипотетически попытаться ответить на вопрос: кому конкретно принадлежали земли Тоболо-Ишимского междуречья в этот период? М.Г.Сафаргалиев однозначно отвечает на этот вопрос: улус Шибана находился в Сибири (Сафаргалиев, 1996, с.302). В действительности существующие источники не позволяют нам провести столь точную реконструкцию. Хотя Плано Карпини, проезжавший через казахстанские степи в 1245 г., указывает: «... с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату» (Плано Карпини, 1997, с.75).

Следует предположить, что отсутствие четкого представления о границах в большинстве кочевых политий не позволяет ответить на этот вопрос. Складывается впечатление, что во второй половине XIII века эта территория переходила из рук в руки. При этом территория степного Южного Зауралья в современном ее понимании, скорее всего, относилась к владениям Шибана, но уже земли восточнее Тобола могли принадлежать Орде-Ичену и его потомкам. По вопросу о территориальных изменениях улуса Шибанидов вполне справедливо мнение В.П.Костюкова: «... обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» (Костюков, 1998, с.216). Позднее этот же автор предположил, что дельта Тобола могла быть границей между улусами Шибана и Орды-Ичена (Костюков, 2007, с.187), хотя принципиально это не означает отказа от попыток восстановления указанных изменений в связи с общей обстановкой в степях. К тому же для большей части истории Золотой Орды этот вопрос не имеет принципиального значения, поскольку, несмотря на перманентные центробежные тенденции, все улусы были подчинены правительству в г. Каракорум, а позднее в г. Сарай.

Если мы согласимся с определением изначальной территории улуса Шибана, то возникает вполне резонный вопрос о причинах столь радикального отделения улуса Орды от аналогичных владений Бату. Не могла ли быть в этом заложена одна из причин дальнейшего раскола Золотой Орды, отразившегося в событиях Великой Замятни? Особую роль здесь приобретает вопрос о составе улуса. В.П. Костюков, основываясь на изучении каменных поминальных оградок в Южном Зауралье, предположил, что состав улуса Шибана формировался таким образом, чтобы его племена были враждебны по отношению к кыпчакам (Костюков, 1995, с.40-43). Это должно было привести к окончательному расколу Дешт-и Кыпчак, что соответствовало монгольской политике по геноциду кочевников в этой части степей. При этом несомненно, что бежавшие на север племена канглов и кыпчаков все же сохраняли свое влияние, о чем говорит существование на территории улуса Шибана курганов с характерным погребальным обрядом (Антонов, 2000, с.7 и далее). В более поздних работах В.П.Костюков выдвинул новое предположение, согласно которому население улуса Шибанидов должно было содержать ямскую службу по наиболее короткому пути от Сарая к Каракоруму

(Костюков, 1998, с.220), причем Бату был озабочен организацией ее стабильного функционирования еще до начала западного похода (Рашид ад-Дин, 1960, с.36; Шейбани-хан, 1967, с.100). Однако политический контекст дальнейших событий свидетельствует об определенных противоречиях между двумя старшими династиями среди потомков Джучи, которые могли попытаться решить его за счет наличия буферной зоны юрта еще одного из братьев, лояльного сарайскому правительству. На уровне предположения, требующего дальнейших доказательств, выскажем следующее замечание: не мог ли уже Бату, а тем более его потомки, чувствовать определенную, в том числе психологическую, зависимость от Орды-Ичена и его сыновей? Не пытался ли он с помощью, по всей видимости, достаточно популярного в войсках полководца Шибана «отгородиться» от этой проблемы? Ведь, хотя мы не все знаем во внутренней истории Золотой Орды, но в целом для Монгольской империи второй половины XIII века характерны постоянные междоусобные войны. Очевидно, что они затрагивали и интересы разных ветвей Джучидов, в той или иной степени удаленных от правительства Великих Ханов в Каракоруме. Об охранительной функции улуса Шибана, причем не столько против Орды-Ичена, сколько против Великого хана Гуюка, писал и В.П.Костюков (Костюков, 2007, с.177).

Рашид ад-Дин писал, что двенадцать братьев Бату считали себя самостоятельными правителями улусов (Рашид ад-Дин, 1960, с.71), особенно во внутренних делах. В то же время у него упоминается, что Бату и его наследники признавались юридически старшими из них, и остальные находились от него в номинальной зависимости, что непосредственно выражалось в написании имен сарайских правителей вверху всех ярлыков на территории улуса Джучи (Золотая Орда в источниках, 2003, с.410). Она, скорее всего, заключалась в формировании общей политики улуса Джучи по отношению к иным частям Монгольской империи, а также включала в себя право Сарайского правительства на определенный процент от налогов, собираемых на территории всех внутренних улусов. Особенно значимым был статус Орды-Ичена: «В этой земле живет Орду, старший над Бату», - так пишет Плано Карпини (Плано Карпини, 1997, с.75). При этом в зависимости от личных качеств каждого правителя конкретное соотношение в степени самостоятельности этих улусов могло сильно варьироваться, особенно при сильном хане в Сарае в последующее время. Так, например, правнук Орды-Ичена Баян «прибыл к границам области Токтая, государя Батуева улуса» с целью получить его поддержку против своего двоюродного брата Кублука (Золотая Орда в источниках, 2003, с.411), хотя, как следует из источника далее, прямое вмешательство золотоордынского хана не привело к разрешению ситуации.

Скорее всего, одновременно с этим на территории улуса Джучи были введены общеимперские юридические и административные нормы, в частности с целью ограничения свободы перемещения номадов внутри и за пределами территории, подвластной Джучидам. По мнению Г.Е. Маркова, собственно мог лимитироваться лишь порядок кочевания племен, внутри которых маршруты айлов выбирались самостоятельно (Марков, 1976, с.74). Также здесь должно было

быть распространено действие монгольского законодательства (Ясы), хотя мы и не можем определить степень сохранения в юридической практике обычного права автохтонных народов, которыми, скорее всего, и руководствовались при решении внутриплеменных дел. Копии Ясы хранились у всех Чингизидов (Максуди, 2002, с.149-150). При этом «Великая Яса» была обязательна даже для главы империи, а не только для его подчиненных (Владимирцов, 2000, с.63). Гипотетически можно предположить, что была сделана попытка унификации налоговой системы. Скорее всего, непосредственно после монгольского нашествия налоги для кочевников делились на две части: дань (ясак), размер которой устанавливался для каждой территории отдельно и возлагался чаще всего на племена, подчиненные силой, и кочевой налог на скот, известный позднее как копчур (Вернадский, 2001, с.134).

В условиях северного расположения улуса Шибана ясак мог выплачиваться только пушниной, что заложило здесь достаточно стабильную традицию налоговых сборов, сохраняющуюся вплоть до русского времени. Размер копчура, судя по всему, был практически неизменен на протяжении нескольких столетий и составлял 0,01 часть скота каждого хозяйства (Ахмедов, 1965, с.94). Требование участия в военных действиях, по крайней мере, для кочевой части улуса, не должно было восприниматься как тяжелая обязанность в силу необходимости для стабилизации кочевой экономики получения определенных излишков за счет внешних, в том числе военных, контактов (Хазанов, 2002, с.173).

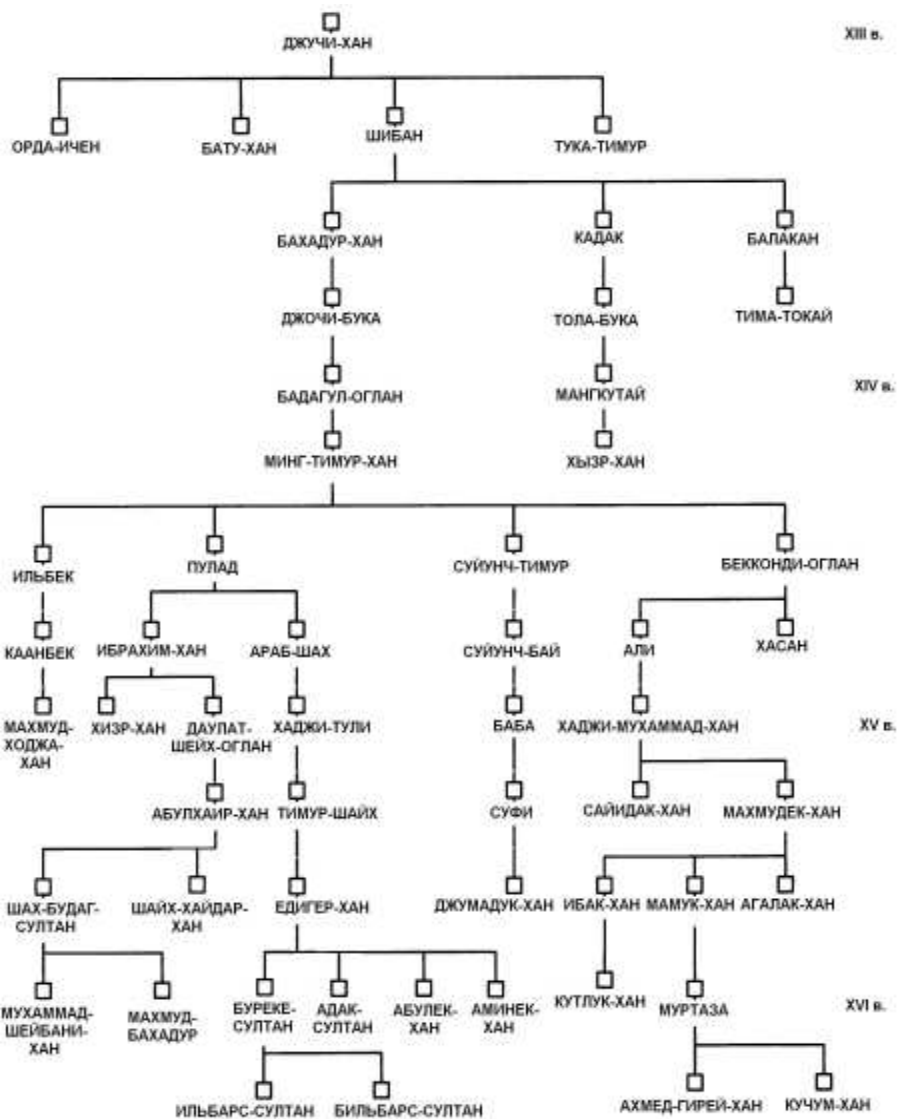
Одновременно с решением внутренних проблем на территории резко увеличившегося улуса Джучи постепенно ухудшались отношения между Бату и Гуюкханом, конфликт которых начался еще во время западного похода (Романив, 2002, с.85). И, хотя Джучиды во главе с Ордой поддержали Гуюка на курултае, определенные экономические и политические разногласия сохранялись. Причем в ходе конфликтов Бату продолжал номинально считаться старшим среди Чингизидов, но, вынужденный подчиниться избранному хану, постепенно мог потерять свой авторитет (Рашид ад-Дин, 1960, с.113). Любопытные «слухи» относительно некоторых событий в конце правления Гуюк-хана в 1248 г. сообщает Гильом де Рубрук. Он пишет, что Бату-хан был вынужден по требованию нового хана отправиться на поклон к нему. Однако, поскольку Бату и его окружение опасались подвоха, то при этом вперед, по военному обыкновению, был отправлен Шибан. При встрече с Гуюком последний должен был поднести чашу с вином (отравленным?), однако возникла ссора, и оба убили друг друга (Рубрук, 1997, с.131-132). Хотя данную информацию не подтверждают иные источники, и она не совсем верно отражает реальные события, в ее основе могла содержаться вполне достоверная информация, отражающая определенные тенденции развития конфликта. Так, в середине XIV века ибн Фадлаллах ал-Омари писал об этом конфликте, что Гуюк умер настолько внезапно во время своего похода против Бату, что это смутило всех бывших с ним (Золотая Орда в источниках, 2003, с.111). Вскоре после этого около 1250 г., по данным Рашид ад-Дина: «он (Бату. - Д.М.) приказал, чтобы братья его - Орда, Шейбан, Берки - и весь род Джучи... все собрались и ... заключили соглашение о том, чтобы посадить Менгу-каана

на престол» (скорее всего, список здесь продублирован один к одному по сравнению с предыдущими выборами). Далее указывается, что сам курултай в Монголии должны были организовать братья Бату Берке и Бука-Тимур (возможно, Тука-Тимур) (Рашид ад-Дин, 1960, с.129-130). Любопытно, что вдова Шибана жила в дальнейшем при дворе нового Великого хана Менгу, пользовавшегося поддержкой Бату (Рубрук, 1997, с.131-132). После этих событий имя Шибана более не встречается в источниках.

Шибан оставил после себя двенадцать сыновей (Материалы, 1969, с.347). Кочевое объединение потенциально рассматривалось как собственность всей правящей династии, что на протяжении всей истории являлось одной из важнейших причин дезинтеграции кочевых племен. По этой причине каждый достигающий зрелого возраста царевич получал иль (определенное количество кочевых орд с соответствующим количеством земли) (Кляшторный, Султанов, 2000, с.196). Подобная традиция потенциально могла вести к дроблению земель, сплочение которых происходило либо в результате признания старшинства одного из представителей, либо на основе общих интересов. В данном случае одним из объединяющих факторов могла быть торговля по северному ответвлению Великого шелкового пути, в том числе сибирской пушниной, бывшей одним из наиболее популярных товаров (Тизенгаузен, 1884, с.297).

По Махмуду бен Вали и Абу-л-Гази, после смерти Шибана верховными властителями улуса становятся его сын Бахадур, затем внук Джочи-Бука, правнук Бадакулл (Материалы, 1969, с.347-348; Абулгази, 1768, с.122-123). Обращает на себя внимание, что из них титул хана гипотетически использовался лишь для обозначения Бахадура (Абулгази, 1768, с.122). При этом отметим, что он так же, как в свое время Бату из рода Джучи, был вторым по старшинству среди потомков Шибана. В литературе высказывалась точка зрения о том, что Бахадур пал в битве при Шайо (подробнее см.: Костюков, 2007, с.177), хотя очевидно, что это противоречит информации более поздних генеалогических источников, авторы которых были напрямую связаны с Шибанидами.

Махмуд бен Вали пишет, что Бахадур-хан собрал родственников и близкие племена и «выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда» (Материалы, 1969, с.347). О том же пишет Абулгази Баядур-хан: Менгу-Тимур-хан (золотоордынский хан, правивший в 1267-1280 гг.) «дал в вечное владение Баядур-хану... некоторое поколение из числа своих подданных, называемых Ак-Орда» (Абулгази, 1768, с.86), то есть подчеркивается, что права сына Шибана на его улус были подтверждены верховным правителем улуса Джучи. Хотя В.В.Трепавлов пишет, что Менгу-Тимур лишь подтвердил указ деда (Трепавлов, 1992, с.272). При этом весьма сомнительны сведения Махмуда бен Вали о подчинении Бахадура потомкам Тука-Тимура (Материалы, 1969, с.327). Скорее всего, эта информация является поздней попыткой обоснования верховной власти потомков Тука-Тимура над Шибанидами, особенно учитывая то, что сам автор источника был приближенным одного из правителей из династии Аштарханидов, и к тому же отражает сложившийся в позднейшее время конфликт между династиями.

РОДОСЛОВНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ ШИБАНИДОВ XIII - XVI ВВ.

Очевидно, что необходимо остановиться на значении термина «Ак-Орда», характерного для среднеазиатских источников (в целом современное состояние этой дискуссии подробно изложено в статье К. Ускенбая (Ускенбай, 2006, с.355-378), а также в (Бартольд, 1968-а, с.134; Сафаргалиев, 1996, с.298-301)). Наиболее часто в среднеазиатских летописях упоминается два названия владений Джучидов - Кок-Орда и Ак-Орда. Смысл этих названий мог трансформироваться с течением времени, изменением границ бывшего улуса Джучи и особенно при его расколе на отдельные улусы потомков (Вернадский, 2001, с.144-145). По всей видимости, оба названия восходят к китайской цветовой символике, получившей широкое распространение среди тюркоязычных народов, в этом случае «ак» обозначал белый, а «кок» - синий (зеленый). Причем в соответствии со сложившимися под тем же влиянием в среде тюрков и монголов традициями каждому цвету соответствовала определенная сторона света: белому - запад, а синему - восток (Подосинов, 1999, с.429). Таким образом, Ак-Орда была ордой западной, а Кок-Орда - восточной. Изначально Ак-Ордой являлся весь улус Джучи, как западный край империи (не зря, как упоминалось выше, представители всего улуса участвовали в выборах Гуюк-хана одетыми в белую одежду). После завоеваний 1236-1242 гг. улус был разделен: Ак-Ордой становится улус Бату, а Кок-Ордой - улус Орды-Ичена. После выделения улуса Шибана на территории Орды-Ичена эти земли получают наименование Ак-Орда, что и фиксируется в приведенном нами фрагменте. В этой связи отметим точку зрения В.В.Трепавлова, который считает, что Шибанидов можно считать соправителями Синей Орды (Трепавлов, 1992, с.274). Скорее всего, с течением времени в результате постоянного дробления улусов изначальный смысл названий Ак-Орда и Кок-Орда был забыт, особенно в среде восточных хронистов, что и привело к полной путанице в названиях (например, Тизенгаузен, 1941, с.127). К концу XIV века эти названия приобрели самостоятельный статус и уже ассоциировались с определенными династиями.

Гораздо сложнее этимология термина «Йуз-орда», поскольку с одной стороны, очевидна его связь с наименованиями казахских Жузов, с другой - это позволяет считать его более поздним внесением, соответствующим реалиям позднего средневековья. В.П. Юдин этимологию названия «Йуз» расшифровывают как «сотня», однако что означает «орда-сотня» - не ясно (Юдин, 1992, с.35-38). Возможно, это своеобразная отсылка к военной структуре данного улуса. Однако обратим внимание на то, что подобное название по отношению к улусу Шибанидов ни в одном источнике больше не встречается.

Отметим, что, по мнению некоторых исследователей, Бахадур-хан основал или перестроил на р. Яик г. Сарайчик, который вскоре стал одной из «резиденций» Шибанидов и крупным торговым городом (Ахмедов, 1965, с.34-35). Точных данных о времени строительства этого города нет. В.В. Трепавлов подчеркивает, что наиболее ранние данные об этом городе появляются только во второй половине XIII века, в правление Берке-хана (Трепавлов, 2002-а, с.227). Хотя по последним археологическим материалам с раскопок этого города А.В. Пачкалов

делает вывод о том, что Сарайчик не мог быть построен ранее 1320-х гг. (Пачкалов, 2003, с. 171). Учитывая процветающую торговлю по Великому шелковому пути, города выполняли важную роль в качестве рынков и центров ремесла, а также мест сбора дани и иногда зимовок знати или религиозных центров. Скорее всего, с этим же связано и существование небольших по размеру позднебакальских городищ в верхнем течении Тобола и по Исети. К тому же ограниченность территории Шибанидов в это время во всех направлениях, кроме северного, поневоле толкала их к освоению западносибирской лесостепи.

В правление прямых потомков Шибана в течение второй половины XIII века произошло несколько важных событий. Вернемся еще раз ко времени Бахадурхана. В источниках обращает на себя внимание тот факт, что еще Менгу-Тимурхан утвердил границы его улуса, то есть он управлял им на протяжении, по крайней мере, двух десятилетий. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов считают, что именно в это время Шибаниды потеряли область между реками Или и Сырдарьей с крупным торговым городом Сыгнак, которая перешла к потомкам Орды-Ичена (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 197). В более ранних работах авторы указывали, что к владениям Орды-Ичена стал относиться и Сарайчук, а владения Шибанидов сдвинулись в Среднее Прииртышье (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 196). Подобный передел улуса при сильном правительстве в Сарае не мог произойти без разрешения и/или попустительства верховного хана улуса Джучи. Так, В.П. Костюков считает, что такое разрешение могло быть дано при Берке-хане (Костюков, 1996, с. 87), хотя нами не найдено прямого подтверждения этому событию в источниках. Напомним, что, напротив, подчеркивалась верность Шибанидов наследникам Бату как легитимным правителям улуса.

Некоторые события могут прояснить возможную причину охлаждения между ними. В 1254-1258 гг. часть войск улуса Джучи по приказу Бату приняла участие в походе Хулагу в Малую Азию (Мухаметов, 2000, с. 173). Со стороны Джучидов войсками командовал Балакан, четвертый сын Шибана, и Тутар, внук Бувала, седьмого сына Джучи. Войска прошли через Дербенд Кипчакский и участвовали во взятии Багдада. По Рашид ад-Дину, в ходе похода Балакан «задумал против Хулагу-хана измену», был отослан к Берке-хану во избежание обид между правителями, осужден и затем казнен Хулагу-ханом. Сам Тутар, а также старший сын Орды Кули, скончались после пира, скорее всего, будучи отравленными (Тизенгаузен, 1941, с. 67). Впрочем, существуют и иные точки зрения на данный вопрос. Более любопытно то, что с этого времени потомки Ногая и Шибана очень часто упоминаются в источниках в контексте одних и тех же событий. При этом некоторые оговорки позволили В.П. Костюкову предположить, что Ногай мог иметь земли по р. Урал, то есть там же, где Шибан (Костюков, 1998, с. 214). Сын Бувала Ногай вскоре становится одной из ведущих политических фигур при дворе Берке-хана (Вернадский, 2001, с. 169-171). Можно предположить, что влияние Ногая могло привести к некоторым территориальным изменениям в границах улусов. Если передел и был, то он кратковременен, поскольку данные Абу-л-Гази позволяют говорить о том, что улусы остались неизменны-

ми, и Берке лишь подтвердил их границы (например, Сафаргалиев, 1996, с.320).

Возможно, причину такой подвижки следует искать не во внутренней истории улуса Джучи, а в контексте внешнеполитической деятельности его ханов. Так, между 1262 и 1265 гг. в результате среднеазиатских войн Берке против Чагатаида Альгу последний получил контроль над Хорезмом, а в 1266 отнял у Берке и Орды город Отрар в среднем течении Сырдарьи (Груссе, 2005, т.2, с. 146). Очевидно, что эти территориальные потери, прежде всего, ударили по улусу Орды-Ичена и могли быть компенсированы за счет прилегающих к нему владений Шибанидов.

Подобные тенденции могут быть подтверждены информацией Марко Поло. Он отмечает, что в конце XIII века часть территории Сибири принадлежала к владениям Кончи, внук Орды (Поло, 1997, с.367-368). Он правил в период с 1288 по 1301 годы. В книге «О разнообразии мира» Марко Поло пишет о нем, что царь этот никому не подвластен, он правит большой территорией, где нет городов, но много жителей, которые занимаются скотоводством и охотой. На севере этого царства есть территория, где много озер, болот и ручейков, там не пройдет никакая лошадь, люди в этих краях живут в основном в землянках. Еще севернее есть «темная страна... у жителей нет царя». Татары часто приходят сюда и грабят, добывая множество ценных мехов (Поло, 1997, с.367-369). Можно предположить, что в правление Кончи произошло расширение территории улуса Орды к северу. После его смерти началась междоусобица, в ходе которой дом Орды потерял часть своих восточных земель, и ставка улуса окончательно переместилась в Сыгнак на Сыр-Дарье (Сафаргалиев, 1996, с.331). В.П.Костюков предполагает, что при Кончи, как и некоторое время до этого, граница Шибанидов и Ордуидов проходила по Тоболу (Костюков, 2007, с.194).

Восстановить точную хронологию правления Шибанидов в исследуемый период практически невозможно. Однако с уверенностью можно сказать, что наследником Бахадура стал его старший сын Джочи-Бука. Махмуд бен Вали пишет о нем: «...ему было суждено вкусить некоторое количество плодов от древа жизни, так что после смерти Бахадур-оглана он стал главой племени (кабила) и присоединил к богом хранимым вилайетам много стран» (Материалы, 1969, с.347). Скорее всего, начало правления Джочи-Буки следует связывать еще со временем Менгу-Тимура, в войсках которого он командовал авангардом (Ахмедов, 1965, с.163), а также частично синхронизировать приведенное сообщение с периодом правления в улусе Джучи Тохта-хана (1291-1312 гг.), который вел активную борьбу с беклярибеком Ногаем (Сафаргалиев, 1996, с.330).

Расширение границ Шибанидов на север, в Зауралье, может быть увязано не только с активизацией политики Кончи, но и с их участием в лице Муртад-Токтая (или Тима-Токтая) на стороне сарайского хана Тохты (1291-1312 гг.) в борьбе с Ногаем (Сафаргалиев, 1996, с.323). Этот Шибанид, по данным Муиззе, убедительно идентифицируется с младшим сыном Балакана б. Шибана (Тизенгаузен, 1941, с.55). Участие в борьбе обеспечивало благосклонность Сарая к расширению улуса. К тому же даже потомки Кончи из рода Орды в связи с неурядицами

вынуждены были обратиться к Тохта-хану за помощью (Золотая Орда в источниках, 2003, с.411). Предполагается, что лидер Шибанидов Джочи-Бука действовал заодно со своим родственником Тима-Токтаем в его политике поддержки Тохты (Костюков, 2007, с.188).

Далее Махмуд бен Вали в своем сочинении отмечает следующее: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... - (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» (Материалы, 1969, с.348). В.П.Костюков считает, что данную фразу можно считать свидетельством участия Бадагул-оглана в процессе исламизации населения улуса Джучи во время правления Узбек-хана (Костюков, 2003, с.217), причем отнюдь не везде данная реформа воспринималась позитивно. В любом случае, в правление Бадагула в улусе разгорелся кризис, и, каковы бы ни были его причины, в результате оглан был убит. Некоторые из этих событий могут быть рассмотрены по материалам иных источников. Ряд авторов считает, что только при Узбек-хане (1313-1342 гг. правления) власть Чингизидов распространилась на Сибирь, где до этого правили «ханы из династии Тайбугидов» (например, Файзрахманов, 2002, с.127). Подробнее на этой точке зрения мы остановимся в следующей главе.

Важнейшее значение среди мероприятий Узбек-хана имели две реформы. М.Г. Сафаргалиев считает, что в его правление сепаратизм улусов Джучидов был уничтожен, а сами они были преобразованы в административные единицы типа областей во главе с эмирами (Сафаргалиев, 1996, с.333-340). Именно к правлению этого хана в полной мере подходит географическое описание Золотой Орды в компилятивной энциклопедии ал-Калкашанди. Не приводя полную цитату из текста, подчеркнем, что протяженность Золотой Орды в длину от Иртыша до Черного моря и Стамбула он характеризует как 6 месяцев пути, а в ширину от Хорезма до Югры, Сибири и Башкирда - приблизительно четыре месяца (Григорьев, Фролова, 2002, с.280-281). Вся эта территория находилась в полном подчинении Сарая.

Косвенным подтверждением подобных событий может быть информация двух источников. С одной стороны, весьма важна информация брата Иоганки Венгра из ордена миноритов, который около 1320 г. посетил с миссией территорию Башкирии. Иоганка сообщает, что в Башкирии (Баскардии у автора) есть судьи из татар, управляющие башкирами, причем к ним пришел посол из страны Сибирь от такого же судьи (Аннинский, 1940, с.92-93). Таким образом, в это время территория управлялась не представителями династии Чингизидов, а некими судьями, возможно, идентичными сибирским даругам и хакимам более позднего времени, информация о которых встречается в источниках. Хотя одновременно с этим упоминается о существовании некоего «государя всей Баскардии», который был мусульманином (Аннинский, 1940, с.92-93).

Миссия Иоганки Венгра не была случайной. Еще в 1235-1236 и 1237-1238 гг. состоялось два поездки венгерских доминиканцев во главе с монахом Юлианом в Великую Венгрию на Южном Урале. Римский папа Иннокентий IV в 1253 г. включил «Ungari Maioris Ungarie» в состав языческих народов, среди которых было дозволено работать монахам-проповедникам. Папа Михаил IV отправлял миссии миноритов и доминиканцев к самым удаленным народам, включая самих монголов и тех же «Ungari Maioris Ungarie» (Антонов, электронный вариант). В начале XIV века (скорее всего, около 1320 г.) по следам Юлиана состоялась поездка францисканца Иоганки Венгра. Помимо политической ситуации в Башкирии, он сообщает любопытную информацию о религиозной обстановке. Так, указывается, что «...татары, судьи баскардов, которые не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее». Несторианство было достаточно популярно среди монгольской и татарской аристократии в этот период (Гумилев, электронный вариант). Хотя сами баскарды (под которыми европейские авторы в равной степени могли понимать как венгров, так и башкир) оставались мусульманами. Далее в письме говорится о том, что пришел посол от такого же судьи из страны Сибирь, где бога «чтят в виде стянутой с головы умершего человека кожи с волосами...», но при этом они признают христианского бога, которого почитают самым сильным». По данным источника, крестил их русский схизматик во время мора, поскольку было предвестие о том, что в ином случае все люди в Сибири погибнут. Этот посол приглашал латинских священников окрестить страну (Аннинский, 1940, с.93-94). Скорее всего, здесь следует говорить лишь о принятии некоторых внешних признаков христианской веры. Близкий этому случай отмечает византийский автор VI в. Феофилакт, который пишет, что у части тюрок, присланных в Константинополь, на лбу был вытатуирован крест. Они объясняли, что несториане посоветовали сделать им это во время чумы для защиты от болезни (комментарии к: Рубрук, 1997, с.398). В своем письме Иоганка указывал на необходимость расширения работы миссий в Баскардии. Есть данные о том, что в 1369 г. была отправлена католическая миссия к «скифам Великой Венгрии», то есть на Южный Урал (Macartney, 1930, p.171).

Заметим, что все это происходило на фоне религиозной реформы Узбек-хана, в ходе которой ислам был, по сути, объявлен государственной религией. Ислам подрывал авторитет кочевой аристократии и одновременно с этим обеспечивал Золотой Орде международное признание со стороны мусульманского мира (Васильев, 2007, с.29-31). Попытки исламизации Золотой Орды производились и ранее. Так Утемиш-хаджи пишет: «Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, то большую часть неверных он обратил в ислам» (Утемиш-хаджи, 1992, с.100), причем в его правление была устроена резня несторианцев в их столице Самарканде, после которой община так и не сумела восстановиться (Бартольд, 1964-в, с.318). «После него [же] обратилось оно опять в [племя] отступников и стало неверным. [Но] не претерпевал уже изменений ислам племени узбекского с этого [вот] момента, когда стал мусульманином Узбек-хан» (Утемиш-хаджи,

1992, с.107). По всей видимости, распространение ислама продолжалось и при его наследнике Джанибек-хане, после смерти которого вновь начался отход рядового населения от ислама. Немаловажным фактором этого была политическая и экономическая разруха в Золотой Орде. По данным А.А. Семенова, религиозная реформа велась методами насильственными и жестокими, в ходе которой было уничтожено множество людей, придерживающихся традиционного тенгризма (Семенов, 1953, электронный вариант). Все это отнюдь не добавляло признательности по отношению к нему со стороны основной массы населения. Кроме того, само принятие ислама и, соответственно, шариата противоречило интересам части ордынской знати, придерживающихся Ясы (MacChesney, электронный вариант), что вносило раскол в среду потомков Джучи, который должен был отразиться и на всей истории Орды. Впрочем, смута подавлялась жестоко.

Не менее важно для понимания обстановки в улусе Шибана в этот период сообщение Утемиш-хаджи. Он пишет, что когда «Токтага-хан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга из омака уйгур. [А уйгур] был эль с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, и был он также аталыком хана. Шайтан попутал [его], ведь был он черный человек, провозгласил себя он ханом» (Утемиш-хаджи, 1992, с.103). В результате новый легитимный хан Узбек, недовольный позицией огланов по этому вопросу, «разгневавшись, проявил милость к Кыйату Исатаю и отдал [ему] в качестве кошуна всех своих огланов вместе с их родами и племенами» (Утемиш-хаджи, 1992, с.92). Все эти решения были связаны с необходимостью уничтожения внутренних противников и прекращения междоусобиц. При этом, как пишет автор источника, Шибаниды настаивали, что «он (Узбек. - Д.М.), опять оказав нам почет и уважение, дал нам двусоставный эль, сказав: «[Они] огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты». Один из них карлык, другой буйрак. [Мы] взяли те два зля, [и он] предоставил нас самим себе в нашем юрте, определенном [нам] Саинханом. Мы, когда [прочие огланы] укладывали камни [и] кирпичи в мавзолей того Джир-Кутлы и когда [они] стояли в кругу перед дверьми [юрты] его сына Тенгиз-Буги [и] преклоняли колена во время [исполнения] гимна в его честь, нас в тех делах не было» (Утемиш-хаджи, 1992, с.92). Подобное положение значительно подрывало авторитет Джучидов. С точки зрения ранее рассмотренных нами источников, такое выделение улуса из племен карлык и буйрак являлось отнюдь не подтверждением особого положения Шибанидов, а скорее реально уменьшало их силу, поскольку ранее их улус был четырехсоставный. Но в таких ситуациях «все познается в сравнении», и при проведении подобного можно говорить о том, что потери Шибанидов в силу непонятных политических причин были значительно меньшими. Впрочем, по мнению Ю.Е.Варваровского, вплоть до 1360-х гг. сарайские династы и так во всех случаях выносили формальный вердикт на утверждение правителей улуса Шибана (Варваровский, 1994, с.14), хотя косвенные данные позволяют предположить, что после административной реформы Узбек-хана улусы сохранили лишь те аристократы, которые приняли ислам (Васильев, электронный вариант).

Из дальнейшего сообщения источника следует, что потомки Кыйат Исатая были самостоятельными правителями левого крыла улуса Джучи с центром на Сырдарье (Утемиш-хаджи, 1992, с.109). Подобное расположение их земель наводит на мысль о том, что особенно «пострадали» от такого перераспределения потомки Орды-Ичена.

Для понимания ситуации в следующие несколько десятилетий следует кратко описать в целом события в евразийских степях. Начало второй половины XIV века совпало с кризисом на всей территории Монгольской империи и дестабилизацией обстановки в широком поясе евразийских степей. Это выразилось в восстании 1352-1360 гг. в Китае (уничтожение власти хана и монгольской династии, отступление монголов обратно в степи), в потере большей части царства Иль-ханов в Персии и начале Великой Замятни в Золотой Орде, продолжавшейся с 1361 по 1381 гг. (Вернадский, 2001, с.98). Данная эпоха в равной степени была связана как с неудачами сарайских ханов в войнах, так и с истощением местного дома Бату. Ситуация еще более ухудшается после смерти в 1359 году его наследника Бердибека, пришедшего к власти в результате дворцового переворота. В его правление для упрочения власти и централизации государства были перебиты все прямые потомки Узбека (Сафаргалиев, 1996, с.332-340). Это позволило принять участие в борьбе за трон представителям домов Шибана, Орды и Тука-Тимура. Сибирская ветвь Шибанидов оказалась на некоторое время на периферии этой борьбы, почти не вмешиваясь в политические столкновения и расширяя свою власть в Зауралье. В то же время необходимо подчеркнуть, что борьба за трон Великого хана для перечисленных династий была продолжением борьбы друг с другом за главенство в степях, начавшейся гораздо раньше. Существовал и определенный внешнеполитический фактор, который подстегивал восточных ханов к борьбе за Сарай и расселению там части подвластных кочевников. По мнению В.В. Трепавлова, он заключался в развале Чагатайского улуса и резком притоке кочевников-кыпчаков в середине 1350-х годов (Трепавлов, 2002-а, с.59), хотя в источниках прямых данных об этом нет. В ходе Великой Замятни, как ее называли русские летописцы, сменилось более двадцати ханов, история этих изменений весьма запутанна.

Не менее гипотетически, чем в предыдущих случаях, можно связать с этой эпохой правление Минг-Тимур-хана, сына Бадагул-оглана (по С.Лэнь-Пулю, современник Узбек-хана (Лэнь-Пуль, 2004, с.170)). В «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали сообщается, что «когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута (взмахом) края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принял за управление важными делами людей. Благодаря помощи и счастливому содействию хана эпохи многие важные дела были им счастливо завершены, и он вступил на черту завоевания и овладения многими странами» (Материалы, 1969, с.348). Складывается впечатление, что подобные фразы или их вариации в источниках становятся стереотипным описанием правления того или иного хана. Если воспринимать ее как имеющую некую реальную подоплеку, то можно предположить, что Минг-Тимур-хан правил приблизительно в середине XIV века. Обращает

внимание на себя тот факт, что в отличие от Джочи-Буки для данного представителя династии Шибанидов упоминается титул хана. Косвенно это может свидетельствовать о том, что какая-то часть его правления приходится уже на период после смерти Узбека.

У Минг-Тимур-хана было шесть детей. Наследником считался третий сын Пулад, о котором в источнике говорится: «он после кончины своего великого родителя поставил ногу на трон владычества и занялся разрешением важных дел рода человеческого» (Материалы, 1969, с.348). По данным Абу-л-Гази, наследники Пулада Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах разделили улус отца на две части, так чтобы летом кочевать по берегам Яика, а зимой по Сыр-Дарье (Абулгази, 1768, с.138). Обращают на себя внимание два момента. Это, во-первых, стереотипная заданность описания территории, которая фактически не меняется со времен Шибан-хана, хотя, как мы видели выше, территория Сыра в это время, скорее всего, уже была в руках у потомков Орды-Ичена. При этом даже раздел не повлиял на маршруты кочевания и фактически улус продолжал существовать в качестве единого. Во-вторых, в источнике в качестве одного из братьев Ибрахи-ма указывается по непонятной причине его сын Даулат-шейх-оглан. Возникает вопрос о преднамеренности или случайности этой оговорки, поскольку в первом случае можно предположить раздел улуса между дядей как старшим и племянником. К тому же отметим здесь фразу из труда Махмуда Бен Вали, который пишет: «Аба-оглан, имя которого было Ибрахим, после смерти своего отца, Пулада, поднял знамя религии и государства» (Мухмуд бен Вали, 1969, с.348). В данном случае нет ни слова о разделе улуса непосредственно после смерти Пулада. Однако в другом произведении того же автора указывается, что «по смерти Булада, два сына его Ибрагим и Арабшах, разделив отцовы владения, вместе в одной земле кочевали и имели свои станы» (Абулгази, 1906, с.162). Все это позволяет предположить, что после смерти Пулада единый ранее улус все же был разделен на две части именно между сыновьями. Одновременно с этим, при перечислении Шибанидов, правивших в Туране, отдельно упоминается младший сын Минг-Тимура Бекконди-оглан (Абулгази, 1906, с.152; по написанию Махмуда бен Вали - Бек-Хаванди). Обращает на себя внимание, что в данном тексте именно этот царевич указывается сразу после Минг-Тимура. Косвенно это может свидетельствовать о том, что раздел единого при Минг-Тимуре улуса был совершен даже не на две, а на три части, хотя о степени их самостоятельности мы судить не можем.

Отметим, что в этом тексте используется новый этноним - «Туран». Под названием «земля Туран» известно две области (в стране Сибирь или в Хорезме). Например, ал-Калкашанди под Тураном понимал огромную территорию, разделенную на три части: к первой относились Мавераннахр и Туркестан, ко второй - Хорезм и Кипчак, к третьей - владения великого монгольского хана, подходившие вплотную к Иртышу (Григорьев, Фролова, 2002, с.262). Таким образом, в данном случае речь идет о Туране в Сибири. Резонно согласиться с мнением В.В. Бартольда, считавшего название «область Тура» идентичным Си-

бири (Бартольд, 1964-а, с.489). Такой вывод строится еще и на том основании, что именно Бекконди стал основателем ветви сибирских ханов Шибанидов. Абу-л-Гази пишет: «От потомства сего то последнего сына (т.е. Бекконди. - Д.М.) произошел Кучум-хан, последний из потомков Шейбани-хановых, который государствовал в земле Туран» (Абулгази, 1768, с.123-127).

Можно предположить, что правление сыновей Минг-Тимура совпадает с событиями Великой Замятни в Золотой Орде. В связи с истощением ранее правившего рода, любой представитель династии потомков Джучи потенциально мог иметь права на Сарайский престол, если мог там удержаться. На деле чаще всего в этой борьбе сталкивались интересы родов Орды-Ичена, Шибана и Тука-Тимура. По всей видимости, невозможно однозначно определить причины, по которым тот или иной Шибанид принимал участие в борьбе за золотоордынский престол. С одной стороны, очень часто это были те представители династии, которые не имели своего крупного юрта на территории Шибанидского улуса; с другой стороны, обладание таковым, но при этом наличие внутренних или внешних проблем способствовало закреплению на престоле при поддержке собственных военных отрядов.

1.4. Шибаниды и события в Золотой Орде во второй половине XIV в.

Политический статус представителей династии Шибанидов позволил им принять активное участие в событиях Замятни и последующих попытках реставрации Золотой Орды при Тохтамыше и Едигее. Об их значительной роли, особенно на раннем этапе междоусобицы, сохранилась информация даже в поздних источниках. Так, в турецкой летописи крымских ханов говорится: «Со смертью Бердибека род Саина пресекается, между потомками Джуджи произошли расколы, и на престол Саинов восходили на короткое время один за одним ханы из рода брата Саинова, Шейбана, по имени Хизр, Базар и Барун» (История, 2003, с.75). Рассматриваемый период был не первой междоусобицей в Орде, однако его спецификой было то, что большинство участников относились не к дому Бату и, соответственно, не имели явных преимуществ в борьбе за власть. К тому же принципиальным отличием Великой Замятни от междоусобиц предыдущего времени было то, что здесь кризис кочевой государственности приобретает комплексный характер, как по своим причинам, так и по территориальному охвату, приблизительно совпадая с расколом большинства частей бывшей Монгольской империи (Сорогин, 2007, с.93-103). Предварительно отметим, что из числа Шибанидов в этих событиях в основном участвовали младшие представители рода, у которых не было шансов получить власть в значительном по величине улусе по наследству.

По всей видимости, одним из первых среди Шибанидов в борьбу за золотоордынский престол вмешался Хызр-хан (или Хидыр в русских летописях). При этом правление первых ханов периода смуты еще не вело к расколу Золотой Орды как единого государства, а основной аппарат управления на первых порах

сохранялся именно в Сарае. По родословным его можно отнести к потомкам третьего сына Шибана Кадака, от которого он отстоит на три поколения. Возможное соотнесение его со старшим сыном Ибрахим-хана б. Пулада в высшей степени сомнительно, поскольку он, исходя из родословных, во время этих событий был еще маленьким ребенком (Материалы, 1969, с.37, с.350). К тому же Утемиш-хаджи, рассказывая о пожаловании Шибанидам земель у Ак-Куля, указывает, что их владельцем стал отец Хызра Мангутай (Утемиш-хаджи, 1992, с.109).

Из Патриаршей или Никоновской летописи известно: «В лето 6868 (1361) пришел с востока некий заяицкий царь Хидырь против царя своего Наурузу... сел на Волжском царстве... В лето 6869 убиен был царь Хидырь, тихий и кроткий, и смиренный... от старшего сына Темир-Хози» (ПСРЛ, 1965-а, с.232-233). Темир-Ходжу за это убийство назвали «чернолицым ханом (Йузи-Кара-хан, или просто Кара-хан)» (Материалы, 1969, с.37, с.350). По всей видимости, некоторое время он сам хозяйничал в Сарае, по крайней мере, до своей смерти от темника Мамай в том же году. Однако короткое правление Кара-хана внесло дополнительную путаницу в источники по истории этого периода. К тому же в литературе встречаются мнения о том, что под именем Кара-хана может скрываться не только сын Хызра, но и его брат Кара-Ногай, бывший правителем улуса Шибанидов на берегах Сыра, или Каан-бай, подробнее о котором будет сказано ниже (Утемиш-хаджи, 1992, с.114; Насонов, 1940, с.133). Однако, на наш взгляд, речь должна идти о сыне Хызр-хана.

Все эти факты находят достаточное подтверждение в «Чингиз-наме», автор которого в отношении событий второй половины XIV века более достоверен, поскольку частично опирается на родовые легенды, рассказанные ему Ильбарсханом Шибанидом. В этом источнике говорится, что Хызр-хан воцарился в Сарае по приглашению Тай-туглы-бегим, жены Узбек-хана, а соответственно матери Джанибека и бабки Бердибека. По предположению А.П.Григорьева, ее родственником был знаменитый ордынский темник и правитель Крымского тюмена Мамай, который, видимо, оказывал поддержку большинству первых ханов замятни (Григорьев, 2007, с.143-145). По восшествии на престол Хызр разломал знаменитую золотую юрту, в которой происходил обряд воцарения ханов, давшую название «Золотая Орда» этому государству в русских источниках. Затем он отказался жениться на своей покровительнице, причем сделал это с подачи своего советника из числа найманов, которые были одним из четырех племен, отданных Бату в улус Шибана. В результате Хызр-хан был изгнан (?). Согласно источнику, правление женщины надоело сарайским вельможам, в результате заговора произошло вторичное воцарение Хызр-хана, однако вскоре он был убит своим сыном (Утемиш-хаджи, 1992, с.109-113).

Существует предположение, что после него в качестве золотоордынского хана чеканил монету упомянутый выше Пулад (Ахмедов, 1965, с.33), однако его правление по времени было столь невелико, что часто не отмечается среди ханов Золотой Орды (Халиков, 1994, с.46). Косвенно это может подтверждаться уже отмеченной выше фразой Махмуда бен Вали о Пуладе: «он после кончины

своего великого родителя поставил ногу на трон владычества и занялся разрешением важных дел рода человеческого» (Материалы, 1969, с.348). Помимо этого, среди правителей Сарая в этот период, по мнению М.Г. Сафаргалиева, упоминается в 1368 году Хасан-оглан Шибанид, который изгнал из Сарая Мамаю и его ставленника Абдаллаха. По версиям уже приводимых выше родословных, единственный Шибанид с таким именем может быть идентифицирован как младший сын Бекконди. Впрочем, его правление также было непродолжительным, поскольку уже в 1369 году Хасан уступил Сарай властителю Астрахани Хаджи-Черкесу, а сам бежал в Булгар (Сафаргалиев, 1996, с.388). Впрочем, последнее предположение отнюдь не очевидно, поскольку, как отмечает тот же автор, в Булгаре Хасан известен лишь под титулом «князя», который по существующим тогда стандартам титулатуры никак не мог быть применен к Чингизиду. Правление Пулада и Хасана в Сарая реконструируется по большей части на основании нумизматических источников, которые не дают нам данных для генеалогической привязки того или иного хана.

В целом более успешно шли дела у потомков Орды-Ичена, особенно в правление Урус-хана в 1374-1377 годах. Все это время шла борьба ханов Белой (Шибаниды) и Синей Орды за контроль на берегах Аральского моря, что давало необходимый доступ к Великому шелковому пути (Сафаргалиев, 1996, с.390-392), хотя в целом большая часть Восточного Дешта с центром в Сыгнаке находилась в руках Урус-хана. Для увеличения объема властных полномочий Урус-хан также вмешался в борьбу за сарайский престол, на котором он продержался нескольких лет, вступая в постоянные военные столкновения со знаменитым Тамерланом. Возможно, ему удалось захватить и Сарайчик.

События вокруг престола Великого хана, раздоры Шибанидов и потомков Орды-Ичена тесно увязывались еще и с неурядицами внутри дома Шибана, где наследником престола считался сын Пулада и внук Минг-Тимур-хана Ибрахим-хан (Материалы, 1969, с.348). При этом старшим по возрасту в роду был не он, а Ильбек (Айбек) б. Минг-Тимур-хан, походный эмир последнего до Замятни золотоордынского хана Бердибека. В 1373/1374 Ильбек в Сарайчике чеканит монету, претендуя тем самым на титул золотоордынского хана (Григорьев, 1985, с.170; Сафаргалиев, 1996, с.382). Ибн Халдун пишет о том, что Айбек завладел своими улусами, где правил самостоятельно, конкурируя с Хаджи-Черкесом и Урус-ханом. В ходе этой борьбы Ильбек воспользовался столкновением и захватил Сарай (Тизенгаузен, 1884, с.391), при этом он разбил Хаджи (Салчи)-Черкеса, погубившего ранее Хасан-оглана. В 1375 в Сарая печатали его монеты, а право на самостоятельную денежную эмиссию имели лишь суверенные ханы (Сафаргалиев, 1996, с.389). Хотя здесь и следует отметить мнение А.П. Григорьев, который подробно проанализировал роль Шибанидов в событиях Замятни, о том, что авторы источников часто путали Сарай, Нижний Сарай и Сарайчик (Григорьев, 1985, с.170-174). Это не может ни привести к дополнительным сложностям при установлении последовательности правления. Власть Ильбека долго не продержалась, он погиб от рук Урус-хана в борьбе за Сарай (Григорьев, 1985, с.171).

В 1375/1376 гг. монету в Нижнем Сарая печатает уже Каанбек, сын Ильбека, хотя ибн Халдун пишет о том, что он наследует отцу в Сарая и лишь позднее, будучи разгромлен Урус-ханом, бежит в свои первоначальные уделы (Тизенгаузен, 1884, с.391). Причем этих же двух ханов в такой же последовательности упоминает и ал-Калкашанди (Григорьев, Фролова, 2002, с.297-298).

Вскоре после этого в 1377 году в Нижнем Сарая его сменяет племянник Арабшах (младший сын Пулада, Арапша русских летописей), оставляя Каанбеку территорию родового улуса (Григорьев, 1985, с.174). Патриаршая, или Никоновская, летопись, как и другие русские летописи, сообщает, что «в год 6885 (1376) пришел царевич Арапша в Мамаеву Волжскую орду. Он был свиреп zelo, ратник хороший, но молод, однако разбил многих. Арапша захотел идти на Нижний Новгород и разбил русских на р. Пьяне, а в году 6886 ограбил Рязань» (Патриаршая, 1965, т.11-12, с.27-28). В 1377 году престол Сарая снова перехватывает Урусхан, которому титул хана должен был дать дополнительные силы для борьбы с Шибанидами. Впрочем, Нижний Сарай оставался под властью Арабшаха до 1380 года (Григорьев, 1985, с.174). Заметим, что во всех случаях, кроме косвенного упоминания Хасана б. Бекконди, участие в борьбе за сарайский престол принимали представители старших ветвей Шибанидов, чьи владения располагались на территории Приуралья и Казахстана. По всей видимости, сибирские Шибаниды находились уже в этот период на периферии золотоордынского мира.

Борьба приняла абсолютно новый оборот с появлением на политической арене еще одного претендента на сарайский престол - Тохтамыша. По ал-Калкашанди, он уже был сарайским ханом сразу после смерти Бердибека, при этом там же зафиксировано его упоминание в качестве сына Бердибека (Григорьев, Фролова, 2002, с.298). О подобной родословной пишет и ибн Халдун (Золотая орда в источниках, 2003, с.176). Хотя точное родословие данного претендента на сарайский престол непонятно, но большинство авторов склоняется к тому, что он принадлежал к дому Тука-Тимура по линии Туй-Ходжи-оглана, владевшего Мангышлаком (Исхаков, 2002-а, с.70; Кляшторный, Султанов, 1992, с.200). В свое время он поддержал Урус-хана, но когда тот ввязался в борьбу с Тимуром, перешел на сторону последнего и разгромил сына Урус-хана в 1377 году (Вернадский, 2001, с.253-254). Соглашение между Тимуром и Тохтамышем не могло существовать долго, поскольку цели их были слишком схожими, а, соответственно, интересы - противоречащими друг другу. Оба они в той или иной степени претендовали на реставрацию бывшего величия кочевых государств под властью Чингизидов. Однако при этом Тохтамыш как представитель этого рода действительно обладал для этого всеми легитимными правами, а Тимур был лишь гурганом и самостоятельным правителем юридически быть не мог, хотя, как известно, фактически ситуация была абсолютно иной. К тому же интересы Тохтамыша были схожи со стереотипными взглядами в среде Джучидов, стремившихся захватить Сарай и тем самым узаконить объединение Золотой Орды под своей властью. Для Тимура, привязанного к среднеазиатским делам, это бы означало появление могущественного противника на северной границе, которая и без этого была наиболее нестабиль-

ной из-за постоянных нападений кочевых племен казахстанских степей.

В противостоянии дому Орды новый претендент был поддержан Шибанидами, поскольку это соответствовало их интересам. Утемиш-хаджи пишет, что, когда Тохтамыш-оглан убежал от Урус-хана, не зная об его убийстве, он пришел к Каан-баю б. Ильбеку (он же ранее упомянутый Каанбек), незадолго до этого изгнанному из Сарая, но при этом являвшемуся лидером Шибанидов Тохтамыш, подстрекал Каан-бая выступить против Мамаю, называя его «отцом и старшим братом» и выражая максимум возможного доверия и пиетета. Однако в ответ он получил лишь небольшой непочетный улус в устье Таны, хотя, как следует из дальнейших событий, в походе были заинтересованы все. Тохтамыш предложил Каан-баю главенство в походе на Мамаю, тот вначале согласился, но вскоре, поменяв свою позицию, отказался. Причем первоначально согласие на поход было дано, но позднее, после устройства совета, данное решение было отменено.

Тогда Тохтамыш, разочарованный в Каан-бае, был с большим почетом приглашен к Араб-оглану (он же Арабшах), сыну Пулада. Араб-оглан предоставил Тохтамышу лошадей, но сам в поход не пошел, ссылаясь на решение старшего в роду: «не смею я решиться побить его врага, когда он (т.е. Каан-бай. - Д.М.) столь славен» (Утемиш-хаджи, 1992, с.117). Впрочем, по данным ал-Дженнаби, Арабшах (или Араб-оглан) отдельными представителями степной аристократии сам рассматривался в качестве одного из могущественных степных лидеров (Золотая Орда в источниках, 2003, с.238).

Ожесточению борьбы способствовала гибель Урус-хана и начало вражды между его потомками, а также падение авторитета темника Мамаю после событий 1380 года. Вскоре Тохтамыш захватил престол, что привело к подчинению ему и части Шибанидов. При этом Каан-бай получил те же земли в устье Таны, а Араб-оглан - правое крыло и место рядом с ханом (Утемиш-хаджи, 1992, с.118). Учитывая то, что среди Сибирских Шибанидов этого времени источники не называют ни одного хана, можно предположить, что они полностью поддерживали своих родственников в борьбе, и, соответственно, хан мог опираться на силы всего улуса. Именно в годы Великой Замятни центр Сибирского юрта Чимгитур впервые упоминается в европейских источниках в качестве крупного торгового города (Белич, 2006, с.152).

Однако надежды Шибанидов на Тохтамыша не оправдались, хотя подробное описание борьбы между Тохтамышем и Тимуром, которая явно складывалась не в пользу первого, не является задачей нашей работы. Первый же поход Тамерлана подорвал могущество потомков Урус-хана и прошел по Иртышу (Иванин, 1992, с.422). В этот же период, по данным башкирских шежере, из Средней Азии бегут отдельные группы, которые позднее вошли в состав башкир, в частности, на Миассе расположились айлинцы (На стыке, 1996, с.23-24). Весной 1391 года курултай на Сырдарье одобрил поход на Сарай (Вернадский, 2001, 277). По предположению Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского, Тохтамыш готовил свое войско против Тимура где-то в районе Притоболья (Греков, Якубовский, 1952, с.359).

В «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди сообщается, что Тимур в погоне за Тохтамышем дважды прошел Кичпак, разорив его полностью, при этом достиг Иртыша и пересек Абугу и Тобол недалеко от Яика (Тизенгаузен, 1941, с. 115), то есть прошел непосредственно по территории Шибанидов, поддерживающих Тохтамыша. Низам-ад-Дин Шами по этому поводу пишет, что, перейдя Тобол, сторожевой отряд войск Тимура увидел 500 очагов, где недавно горел огонь, но не нашел войск противника (Золотая Орда в источниках, 2003, с.295-296). К большому сожалению, для нас в источниках не сохранилась информация человека, жившего в шалаше недалеко от этой реки, и пойманного людьми Тимура. Во время второго похода на Сарай в 1395 году он не дошел до Сарайчика, возможно, опасаясь засады и не желая вмешиваться в еще одну битву на крупнейшей переправе через Яик (Трепавлов, 2002-б, с.227).

Походы Тамерлана привели к кризису городской экономики и культуры, лежащей в основе Золотой Орды на этом этапе ее существования, значительно была подорвана и северная торговля. Непосредственно в ходе походов были разрушены Сарай, Сарайчик, Хаджитархан и многие другие города (Золотая Орда в источниках, 2003, с.211). Необходимо отметить, что высказанное выше является в большей степени мыслительным конструктом, поскольку известные нам источники практически ничего не сообщают о Шибанидах в период походов Тимура на Золотую Орду. Нельзя не отметить, что, по мнению Д.М.Исхакова, после нападения Тимура на Золотую Орду один из сыновей правившего в г. Булгаре хана Габдуллы Алим-бек пришел в Тобол-Туру, где «держал юрт» (Исхаков, 2006, с. 18). Очевидно, что в данном случае народная легенда отражает лишь некоторые тенденции миграционных процессов, а не их исторические реалии, в частности, сомнительно реальное существование подобного хана в этот период. Если верить данной легенде, то получается, что уже в этот период устанавливаются близкие связи между Сибирью и Казанью, которые в дальнейшем определили и поход Эдигея с Чекре, и совместную выплату дани Абу-л-Хайр-хану, и направления внешней политики Ибрахим-хана и его братьев.

После разгрома войск Тохтамыша на Ворскле отрядами Тимур-Кутлука его престиж упал, и в 1398 году он был вынужден бежать от очередного претендента на престол Шадибека, которого поддерживал могущественный мангытский беклярибек Эдигей, в Тюмень (Сафаргалиев, 1996, с.436). В этой связи Натанизи (Аноним Искандера) прямо указывает, что хан «умер естественной смертью в 800 г. (24 сентября 1397 - 12 сентября 1398 гг.) в пределах Тулина», где Тулин - это Тюмень (Золотая Орда в источниках, 2003, с.315). Следует отдельно остановиться на вопросе местонахождения этого города, поскольку помимо Тюмени Сибирской была известна Тюмень на Тереке, что вносит значительную путаницу во многие документы более позднего времени. В отношении ухода Тохтамыша и дальнейших событий даже на страницах одной книги можно встретить разночтения. Так, например, в одной из работ Т.И.Султанова говорится о гибели интересующего нас хана около Тюмени (местность в низовьях р. Терек), а в аннотированном списке имен в той же работе, но составленном Р.Ю.Почекаевым, уже

пишут о тех же событиях, но при этом в качестве места смерти указываются верховья р. Тобол (Султанов, 2006, сравни с.232 и с.426).

Подход к этой проблеме должен, видимо, исходить из внешнеполитической обстановки в степях конца XIV - начала XV века. Известно, что р. Терек упоминается в контексте деятельности Тохтамыша как место его последнего разгрома Тимуром в 1395 г. (Трепавлов, 2002-а, с.62), но при этом в источниках об этом регионе не упоминается ни один потенциальный союзник хана. Скорее всего, особый Тюменский улус на Тереке - это явление более позднего времени. В то же время выбор Тюмени в Сибири вполне может быть обоснован несколькими причинами. Прежде всего, данный улус располагался на крайней периферии золотоордынского пространства, что позволяло отсидеться вдали от степных проблем и даже попытаться накопить новые силы, как это предполагает И.М.Миргалеев (Миргалеев, 2003, с.147). При столь выгодном положении напомним, что уже на карте 1367 года итальянских купцов Франциски и Доминико Пицигани в стране Сибирь было два крупных города: Искер (?) на Иртыше и Чимги-Тура (Кызласов, 1993, с.130-131). Немаловажным было и то, что Шибаниды уже поддерживали однажды Тохтамыша и, соответственно, могли вновь это сделать. С учетом всего этого мы должны понимать тот факт, что Терек располагался гораздо ближе к Ворскле, где Тохтамыш потерпел поражение. Отступлению же в Сибирь препятствовали как располагавшиеся на р. Яик мангытские юрты, подчинявшиеся Едигею, так и то, что под его управлением находилась и территория к востоку от Урала, в том числе отдельные ногайские племена на р. Ишим (Трепавлов, 2002-а, с.69, 79). Соответственно Тохтамыш, фактически оставшийся без войск, должен был пересечь враждебную территорию, весьма значительную по протяженности. При этом весьма любопытной представляется информация Шереф-ад-Дина Йезди в «Книге побед» о том, что после разгрома 1395 года «Тохтамыш-хан бросил ханство... и... ушел в сторону Булара, в лесистую местность. Победоносное войско [Тимура] с этой стороны реки дошло до того же места, до которого оно в первый поход на Дешт добралось с той стороны реки, и ограбило. Место это недалеко от “страны мрака”» (Золотая Орда в источниках, 2003, с.357). В данной главе уже упоминалось о том, что под «страной мрака» многие арабские географы и европейские путешественники часто понимали западносибирскую тайгу. Данное сообщение подчеркивает, что северный путь бегства не был для Тохтамыша новым.

Рассмотрим эту проблему с точки зрения дальнейших событий. М.Г.Сафаргалиев считал, что Тохтамышу удалось создать значительный улус с центром в Томске (Сафаргалиев, 1996, с.436), однако такая точка зрения фактически не находит подтверждения в источниках. Только в некоторых сибирских легендах встречается информация о том, что часть деревень по Ишиму и Иртышу названа именно в честь Тохтамыша (Сказания, электронный вариант). К этому времени, то есть к началу XV в., Эдигей объединил через подставных ханов большую часть Дешта (Сафаргалиев, 1996, с.435). В этом отношении он выступал сторонником централизаторских тенденций в Золотой Орде, как и Тохтамыш. Однако, если

последний, относясь к Чингизидам, обладал несомненными правами на власть, то Эдигей испытывал те же проблемы, что Тамерлан и Мамай, не имея таких полномочий, хотя в арабских источниках Эдигей именуется «царь земли Дештской» (Золотая Орда в источниках, 2003, с.233). Уже позднее с целью обоснования его власти была придумана генеалогия, возводящая его род к святому мусульманскому проповеднику Баба-Туклесу, а через него к халифу Абу-Бекру, и видимо достаточная, по крайней мере, для внешнеполитической деятельности (Трепавлов, 2002-а, с.177-180).

Судя, по данным Иоганна Шильтбергера, Эдигей продолжал считать Тохтамыш не только потенциальным, но и весьма опасным противником. По крайней мере, в ином случае сложно объяснить организацию Эдигеем специального похода в Сибирь, в котором его сопровождал царевич Чекре. Существует предположение, что в результате брачных союзов он относился одновременно как к дому Тука-Тимура, так и Орды-Ичена (Родословные, электронный вариант). Чекре вполне мог быть противопоставлен Тохтамышу как легитимный хан, но при этом вполне лояльный к беклярибеку. В источнике указывается, что наместник (не ясно, кто это, возможно, он идентичен судьям более ранних и даругам/хакимам поздних источников) Сибири прислал Эдигею подарок (Шильтбергер, 1984, с.33-34). Общая логика позволяет нам предположить, что тем самым Шибаниды подчеркивали свой отказ от поддержки Тохтамыша. Это было вполне объяснимо с той точки зрения, что Тохтамыш для Шибанидов в этот момент также выступал нежелательным конкурентом, занимая часть территории родового улуса этой династии. В результате Сибирь была подчинена, хотя не ясно в чем именно это выражалось, поскольку сам Чекре не стал ее правителем, несмотря на утверждение некоторых историков о том, что он был сибирским ханом в 1407-1413 гг. (Похлебкин, 2000, с.152). В источнике неоднократно указывается на намерение Эдигея посадить Чекре на престол предков в Сибири. Но при этом Иоганн Шильтбергер пишет, что «после покорения Сибири Эдигей и Чакра вступили в Булгарию» (Шильтбергер, 1984, с.35), а вся его дальнейшая деятельность была связана с борьбой за Сарай или, по некоторым источникам, Хаджи-Тархан (Золотая Орда в источниках, 2003, с.329).

Как и другие путешественники, Шильтбергер уделяет значительное внимание религиозным вопросам. Он указывает, «что местные (т.е. сибирские. - Д.М.) жители поклоняются Христу, подобно трем царям, пришедшим для принесения ему жертвы в Вифлеем, где его видели в яслях. Поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, в каком его застали три царя, и перед этими образами они молятся. Приверженцев этого толка называют угунами; они и в Татарии встречаются в большом числе» (Шильтбергер, 1984, с.35). Под «угунами» комментаторы вполне резонно понимают буддистов или ламаистов. Одновременно с этим сам автор далее при делении всех язычников на пять групп говорит о том, что «есть, в-третьих, такие, которые исповедуют веру трех царей до их крещения» (Шильтбергер, 1984, с.57). В целом классификация религиозных воззрений у Иоганна Шильтбергера не совсем ясна. Однако в

изначальных комментариях у первого переводчика И. Шильтбергера Ф.Бруна рассматриваемый пример трактуется как проникновение буддизма (Шильтбергер, 1984, комментарии). В религиозной иконографии буддизма часто присутствует образ младенца Иисуса. Следует отметить, что в Китае несторианская проповедь часто облачалась в «буддистские одежды» и это не считалось отклонением от традиции (Ломанов, электронный вариант). Очевидно, что путаница между буддизмом и христианством возникала очень часто и по той причине, что европейские путешественники в силу своих ментальных установок везде стремились найти именно следы своей веры. Так, комментаторы сочинения Гильома де Рубрука пишут о том, что поднятая правая рука Будды могла восприниматься в качестве христианского символа благословения (Рубрук, 1997, с.398).

Данное сообщение действительно весьма сложно поддается интерпретации, хотя сам сюжет основан на библейской легенде о трех царях, посетивших Иисуса-младенца (Маслюженко, 2006-а, с.56-58). Как нам кажется, следует подробнее остановиться на самом образе волхвов, поскольку само это понятие характерно для зороастризма или манихейства. Причем в Средней Азии в целом частыми были случаи, когда они переходили именно в несторианство, причем могли достигнуть там высшего поста католикоса (Бартольд, 1964-б, с.277). Видимо, следует привести еще один довод в пользу возможности трактовки этого сюжета как христианского: в 1248 году Самарканд посетил Сембата, брат армянского царя Гетума, который был в местной несторианской церкви, где видел картину с изображением Христа и трех царей-волхвов (Бартольд, 1964-в, с.317). Кроме того, начиная с середины XIV века, в Германии (откуда был родом рассматриваемый нами автор), особенно в Кельне, куда при Фридрихе Барбароссе были перевезены мощи трех царей, их культ в народном христианстве был сильно развит (Гете, 1988, с.475-481). Укажем здесь еще на один момент: когда в 1145 году один немецкий епископ записал слух о пресвитере Иоанне, царство которого искали на Востоке и позднее идентифицировали с ханством Ван-хана кераитского, он называл его потомком трех волхвов (Мэн, 2006, с.79). В то же время, К.М. Байпаков обращает внимание, что в несторианских церквях Центральной Азии отсутствует религиозная живопись, что стало последствием принятия соответствующих канонов еще в XII-XIII веках (Байпаков, 1994, с.97). В любом случае подобного рода религиозные сооружения должны были быть давно обнаружены археологами, однако этого не произошло, что наводит на мысли о достоверности данного сообщения Шильтбергера или о его стремлении приукрасить силу христианства.

Однако мы отвлеклись от интересующей нас политической канвы истории. Информацию о месте пребывания Тохтамыша позволяют уточнить русские летописи, которые указывают, что в 1406 г. «... тое же зимы царь Женибек (Шадибек) уби Тохтамыша в Сибирской земле близ Тюмени» (ПСРЛ, 1950, с.70; ПСРЛ, 1949, с.236). Таким образом, анализ общей политической обстановки и конкретных источников позволяет с уверенностью говорить о последнем поражении и убийстве Тохтамыша именно в Сибири, на территории улуса Шибанидов. Одна-

ко при этом часть имеющихся данных не дают нам однозначной даты гибели и имен участников разгрома.

Убийство Тохтамыша около Тюмени при молчаливой поддержке Шибанидов стало одним из последних крупных внешнеполитических событий, связанных еще с функционированием улуса Шибана. Одновременно с этим гибель последнего объединителя Золотой Орды стала еще одним толчком к распаду этого государства и образованию на его территории отдельных ханств, среди которых известно и Сибирское ханство. В XV веке казахстанские степи и Западная Сибирь оказываются в руках Шибанидов: «Так как держава Орды вследствие вражды между детьми Тохтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана... найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали»(Тизенгаузен, 1941, с.212).

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО СИБИРСКОГО ХАНСТВА ШИБАНИДОВ (XV-XVI ВВ.)

2.1. Борьба за независимость Сибирского улуса Шибанидов (первая половина - середина XV в.)

Гибель Тохтамыша привела к окончательному расколу Золотой Орды и образованию на постзолотоордынском пространстве независимых татарских государств Джучидов в евразийских степях. После гибели Тохтамыша основные надежды Шибанидов, и в частности их Сибирской ветви, возлагались на тесные связи с мангытами Эдигея. Ногайский беклярибек контролировал огромную территорию через подставных ханов, фактически являясь последним объединителем бывшего Кыпчакского царства, улуса Джучи, к чему оказались неспособны потомки последнего.

По всей видимости, в приуральской степи и зауральской лесостепи функционировали два этнополитических объединения, одно из которых являлось прообразом Ногайской Орды, а второе - Сибирского ханства. Фактически реальных границ между двумя этими объединениями на территории Казахстана и Западной Сибири не существовало. У нас нет данных о взаимоотношениях или степени независимости сибирских владений от приуральских улусов Шибанидов, как и о ханах, правивших в Сибири в начале XV века. По мнению В.В. Трепавлова, земли по Ярку находились в управлении Пулада Шибанида, который в 1411 был убит Джелал ад-Дином б. Тохтамышем (Трепавлов, 2002-а, с.95). Такая интерпретация весьма сомнительна, поскольку, как это было показано ранее, уже при Тохтамыше в качестве полноправных ханов действовали потомки Пулада. Границы между всеми объединениями были размыты и, по сути, ограничивались возможностями кочевания и взаимными договоренностями о разделе пастбищных угодий. Богатейшие земли Средней Азии на время были потеряны, там властвовал Тимур (Тамерлан) и его потомки. По мнению Рона Села, Тимур являлся своеобразным символом сопротивления Чингизидам в Средней Азии (Sela, электронный вариант). В то же время, он сам для обоснования своих прав на власть использовал титул гургана, то есть ханского зятя (Якубовский, 1992, с.12). Уже в более позднее время Рузбехан считал, что ханы трех народов (шибанцы-узбеки, казахи, мангыты) находились между собой в постоянной вражде. При этом процветала продажа в рабство, в том числе представителей родственных племен (Семенов, 1953, электронный вариант). Однако на самом деле картина на севере степной зоны Восточной Евразии была еще более сложной.

В этот период часть пастбищ по Ярку оказалась под властью Мангытского юрта Эдигея, ставшего основой Ногайской Орды. Номинальное верховное уп-

равление территорией оставалось за ханами Шибанидами, а мангыты могли владеть ею лишь как их «вассалы» (с учетом специфики этого феодального термина по отношению кномадам). Взаимодействие с мангытами Эдигея было обоюдо-выгодным: глава мангытов обладал реальной силой и влиянием лишь при хане как его беклярибек, а хан в свою очередь мог опереться на его военные возможности в борьбе за верховенство (Трепавлов, 2002-а, с.93).

Особенно сложный вопрос заключается в том, кто же правил в начале XV века в западной части «страны Сибирь». Данные об этом весьма разрозненны, однако все они позволяют предположить, что Шибанидов, имевших титул хана, в этот период было несколько, и все они по происхождению восходят к Ибрахиму б. Пуладу. Резонно предположить, что централизаторская деятельность Эдигея не оставляла возможностей для проявления независимости отдельным ханам. Весьма подробная генеалогия Шибанидов в «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали сообщает, что после смерти Ибрахима титул хана получил его старший сын Хизр (как уже указывалось ранее, не нужно путать его с Хызр-ханом, захватившим золотоордынский престол в 1361 г.). Более его имя не упоминается, зато подробно расписывается деятельность его младшего брата Даулат-Шейх-оглана. Так, пишется, что он стал «тем лицом, чьим приказам повинуются. С родственниками, племенами и со всеми войсками он стал обходиться мягко и приветливо. Он считал ... необходимым ... избегать объявления слова “восстание” по отношению к ханам того времени» (Материалы, 1969, с.349). Все это стало основанием считать именно его владельцем всего Сибирского юрта (Нестеров, 2002-а, с.206). На наш взгляд, сомнительно, чтобы Даулат-шейх-оглан, которого ни один источник не упоминает с титулом хана, управлял настолько огромной территорией, учитывая то, что продолжала существовать отдельная ветвь Сибирских Шибанидов. Можно предположить, что Даулат-шейх-оглан мог являться главой рода, но не получил традиционного титула хана. Одной из возможных причин этого было признание им зависимости от потомков Тука-Тимура, против чего позднее активно выступал его сын Абу-л-хайр (Ахмедов, 1965, с.48). Политической необходимости в признании такой зависимости не было, поскольку, на наш взгляд, потомки Тука-Тимура в этой части Дешта не обладали значительными силами на этот момент. Кроме того, вспомним об упоминавшемся выше некоем «наместнике» Сибири, что позволяет говорить о сохранении здесь каких-то пережитков административной системы эпохи единства Золотой Орды.

Эдигея активно поддерживала сибирская ветвь Шибанидов, стремившаяся к независимости от ветви рода, идущей от Пулад-хана. Для достижения этой цели необходимо было закрепить в роду ханский титул (напомним, что основатель династии Бекконди был лишь огланом, т.е. царевичем). В «Дастан-и Хаджи Мухаммед-хан» указывается, что внук Бекконди Хаджи-Мухаммед поддержал Эдигея, за что ему было обещано ханство (Усманов, 1972, с.85). При этом подчеркивается, что Хаджи-Мухаммед, по данным «Дастан-и Йадкир-хан», был тесно связан с Араб-шахом (Усманов, 1972, с.90), поддерживавшим Тохтамыша. В извлечении Ч.Ч. Валиханова из «Джими ат-таварих» упоминается, что в войне Эдигея с

очередным сарайским ханом Кадыр-Берди б. Тохтамыш в 1412 г. первый пригласил себе на помощь Хаджи-Мухаммед-оглана и сделал его главнокомандующим (Валиханов, 1984, с.231). Поскольку Хаджи-Мухаммед сыграл значительную роль в истории Сибири, нельзя не отметить, что в этот период среди Шибанидских династий было два человека с подобными именами. Помимо упомянутого выше, существовал также Махмуд-Ходжа-хан б. Каанбек (см.подробнее ранее приведенную таблицу). Позднее они оба стали ханами. В исследовательской литературе, в частности в работах Б.А.Ахмедова (Ахмедов, 1965, с.42) и В.В.Трепавлова (Трепавлов, 2002-а, с.95), большинство событий первой половины XV века на юге Западной Сибири связывают именно с этим Шибанидом. На наш взгляд, это абсолютно не оправданно с точки зрения генеалогии, т.к. все исследованные нами источники указывают, что отцом интересующего нас Хаджи-Мухаммеда был Бекконди, а далеким потомком Кучум. Однако можно предположить, что в источниках, записанных значительное время спустя, эти два хана и их действия могли быть значительно перепутаны. Наша точка зрения позволяет найти основы для дальнейших близких связей между ногайскими лидерами и потомками Хаджи-Мухаммеда в лице его внуков Ибака, Мамука и Агалака. По мнению исследователей, основные владения хана располагались между реками Ишим и Тобол с центральной ставкой на последней реке (Ахмедов, 1965, с.161). Причем, если верить такому источнику как Утемиш-хаджи, то этот хан «воевал с представителями эля Тура против тюменей кунграт и салджигут» (Исхаков, 2006, с.55-56). Данная фраза наводит на мысль, что эль Тура на момент описываемых событий начала 1420-х гг. был вполне независим от ханской власти, что позднее подтверждается и при описании въезда Абу-л-Хайр-хана в Чимги-туру. Одновременно тот же источник в интерпретации А.-З. Валиди-Тогана, указывает на то, что Хаджи-Мухаммед-хану подчинялись «Алатырь, Мокша и город Булгар с окрестностями» (Исхаков, 2006, с.17). Правда не ясно, когда именно эти удаленные земли попали под власть Шибанидов, если не вспомнить здесь рассмотренную выше версию о том, что завоеванные земли «келаров и башгирдов» могли быть Булгаром и Башкирией.

В последние годы правления Эдигея беком стал его сын Нур ад-Дин. Именно в их совместное правление влияние ногаев становится доминирующим. Видимо, определенная связь ногайских беков с Хаджи-Мухаммедом отразилась и в одной из версий смерти Нур ад-Дина, согласно которой он, по сообщению Абд ал-Гаффар Кырыми, погиб в Туре, после чего тело увезли в Сарайчик для погребения. В.В. Трепавлов, проанализировав ряд имеющихся сочинений, пришел к выводу, что речь идет о Тюмени на Тереке (Трепавлов, 2002-а, 85). Здесь мы наблюдаем еще один пример путаницы двух Тюменей, хотя, в отличие от предыдущего случая, внешнеполитическая обстановка позволяет отчасти согласиться с В.В.Трепавловым. Отметим, однако, что большинство источников этого времени под названием «Тура» понимали именно земли Чимги-Туры (эль Тура), а Тюмень на Тереке становится известна лишь в середине XVI в. Кстати, сам Сарайчик с этого времени становится столицей не столько яикской ветви Шибани-

дов, сколько все более переходит под протекторат ногаев.

Со смертью обладавшего значительным авторитетом Эдигея в 1419 г. заканчивается последний период единства Золотой Орды. Одним из новых ханов становится в 1421 году Хаджи-Мухаммед, а беком при нем - Мансур б. Эдигей, что подчеркивало его значительную роль в процедуре «поднятия на кошме» (Валиханов, 1984, с.231; Трепавлов, 2002-а, с.85). Возможно, ал-Айни передает смутные слухи о его конфликтах с Барак-ханом и Берке-ханом (по предположению Р.П.Храпачевского, имеется в виду Чекре), потомками Урус-хана из рода Орды-Ичена (Тизенгаузен, 1884, с.533). По крайней мере, К.З.Ускенбай пишет о том, что конфликт между Хаджи-Мухаммадом и Бараком растянулся на несколько лет в 1410-1420-х гг. (Ускенбай, 2003, с.22). Причем в 1424 году Мансур проигрывает в борьбе и отступает в Сибирь (Сафаргалиев, 1996, с.454). После этого Мансур менял ханов несколько раз, пока не был убит в 1427 г. Барак-ханом б. Урус-хан (Трепавлов, 2002-а, с.93), через два года умирает и Барак-хан. Б.-А.Б. Кочекаев считает, что Барак был убит непосредственно Хаджи-Мухаммедом и союзными ему ногаями (Кочекаев, 1988, с.48). Хаджи-Мухаммед и его наследники сумели закрепить в своем роду титул хана. Именно дату начала правления Хаджи-Мухаммеда следует считать началом независимости улуса Шибанидов, расположенного в Сибири. В то же время не ясно, как именно называть данное политическое объединение, исходя из его географического расположения, видимо, можно с 1421 г. говорить о потенциально независимом Ишимском ханстве Шибанидов. Подобная мысль была высказана еще А.Абрамцевым, который считал изначальной именно Ишимскую Орду Шибанидов, указывая, что беком ее был Тайбуга, тем самым напрямую связывая Шибанидов и Тайбугидов через ишимские владения (Абрамцев, 1904, с.8). В дальнейшем при расширении территории к северу улус Хаджи-Мухаммада стал основой для складывания Тюменского ханства. В отношении данного вопроса А.Г.Нестеров предлагает относить время образования ханства ко второму периоду (с 1448 года) (Нестеров, 1988, с.7), после ухода Абу-л-хайр-хана из Сибири. Однако к этому вопросу мы еще вернемся.

Очевидно, что территория этого объединения была значительно меньше, чем, например, при Кучум-хане. Точные границы, как и в отношении многих других кочевых объединений, установить не представляется возможным. Б.А.Ахмедов считал, что владения Хаджи-Мухаммеда (с учетом уже указанного разногласия по вопросу о происхождении хана) находились между Тоболом и Ишимом (Ахмедов, 1965, с.42-44; Бояршинова, Степанов, 1968, с.364). Возможно, это было связано с наличием здесь отдельных ногайских владений (Трепавлов, 2002-а, с.69). Считается, что ставка хана могла находиться в Кызыл-Туре при впадении Ишима в Иртыш (Скрынников, 1986, с.82). Это городище также известно как одна из столиц объединения Тайбугидов (Ремезов, 1989, с.551). В то же время сложно согласиться с точкой зрения о том, что на Ишиме еще с конца XI в. существовал отдельный улус Тайбугидов (иногда называемый Ишимским ханством или царством), представители которого на протяжении 15 поколений правили всей Сибирью (Файзрахманов, 2002, с.117). Рассматриваемые нами восточные источни-

ки их не упоминают, а впервые Тайбугиды появляются в летописях абсолютно в ином историческом контексте. Но в связи с этим нельзя не затронуть вопрос о принадлежности Чимги-Туры. По более поздним летописным источникам, сам город был основан еще в начале XIII в. Тайбугой (ПСРЛ, 1987, с.32). Позднее, в ходе похода Абу-л-хайр-хана в Сибирь, в Туре также был хаким (наместник) города из племени буркут, но ни о каком хане не упоминается (Материалы, 1969, 144). Скорее всего, данный хан юридически закрепил сложившуюся до этого ситуацию фактической независимости города от ханской власти. В то же время самим фактом назначения здесь наместников он ввел Чимги-Туру в систему своего ханства и, будучи некоторое время ханом на территории лесостепи Западной Сибири, он закрепил традицию ее подчинения Шибанидов. Парадокс в том, что именно расширение зоны влияния противника Сибирских Шибанидов стало основой для их сепаратизма, выразившегося в образовании Тюменского ханства. В определении юрта и столицы Хаджи-Мухаммад-хана особняком стоит точка зрения татарского историка XIX века Ш.Марджани, который считал, что столица Сибирского государства этого хана располагалась в Искере. Хотя часто говорится о том, что этот автор опирался на некие не дошедшие до нас источники, на наш взгляд, подобная реконструкция является явной модернизацией, отражающей тенденции, характерные для более позднего объединения Кучума.

По мнению Б.А. Ахмедова, в 1420-х гг., то есть после смерти Эдигея, одновременно действовало несколько ханов из династии Шибанидов. При крупных размерах самого бывшего улуса и постепенном расколе золотоордынского мира на отдельные государства-наследники все они могли считать себя относительно независимыми. Одним из наиболее влиятельных считался Джамадук-хан, который правил где-то у Арала, опирался на поддержку мангытов и, возможно, в 1426 году захватил Сарай (Ахмедов, 1965, 43). По различным вариантам генеалогий ясно, что сам он был правнуком четвертого сына Минг-Тимур-хана Суйунч-Тимура (Материалы, 1969, с.36, с.349). При этом ни один из его непосредственных предков не был ханом, впрочем, и за ним титул не закрепился, по крайней мере, никто из официальных хронистов Шибанидов так его не называет. Как бы то ни было, в течение десятилетия в его подчинении были потомки Пулада, в частности Абу-л-хайр, сын Даулат-шейх-оглана (возможно, сопротивление ему оказал Хаджи-Мухаммад-хан, однако точно это неизвестно (Сафаргалиев, 1996, с.457)). Так, Масуд б. Усман Кухистани в «Тарих-и Абу-л-хайр-хани» пишет, что «в то время Абу-л-хайр-хан, в соответствии с законом близости и родства, пребывал в согласии и подчинении Джумадук-хана, ... проявлял рвение в устройении войска и управлении государством» (Материалы, 1969, с.141). Он руководил левым крылом армии. В одном из сражений Джамадук-хан был убит, а сам Абу-л-хайр взят в плен Сарыг-Шиман-мангытом, который, однако, вскоре его отпустил (Материалы, 1969, с.142). Это не единственная версия событий. По мнению В.В. Трепавлова, политика Джумадука и находящегося при нем мангытского бека Гази б. Эдиге была непопулярной, что привело к оттоку кочевой знати, особенно мангытов, к Абу-л-хайру, в сражении с восставшими и был убит Джа-

мадук (Трепавлов, 2002-а, с. 95-97). Такая версия находит свое подтверждение в данных Масуда Кухистани (Семенов, 1953, электронный вариант).

В результате около 1427 года новым шибанидским ханом становится Абу-л-хайр, сын Даулат-шейх-оглана. По всей видимости, это произошло при поддержке Ваккас-бия б. Нур ад-Дин и Бахтийяр-султана, сына Хизр-хана. Именно они, по данным сочинения Мухаммада Шейбани-хана, сделали улус процветающим (Материалы, 1969, с.17). Ваккас получил титул бека при Абу-л-хайр-хане, чья власть поначалу распространялась лишь на территорию родового улуса приуральских Шибанидов. В то же время, поддержка ногаями одновременно двух ханов из одной династии потенциально вела к открытому конфликту между ними.

Для подчинения всего Восточного Дешта необходимо было преодолеть сепаратизм собственных родственников, а следовательно, уничтожить власть Хаджи-Мухаммед-хана, достаточно влиятельного и могущественного политика, чей улус находился на периферии влияния Шибанидов. Борьба между двумя ханами началась не с военных действий, а с политических маневров. Абу-л-Хайр с многочисленным войском идет на крупнейший из сибирских городов Чимги-Туру, чтобы получить титул хана из рук сибирских узбеков и опереться на силы населения всего улуса. Немаловажной причиной северного похода была сильная засуха и моровая язва. По данным ал-Макризи, от них в 1428-1430 гг. в степях Сарайских и Дештских погибло много народа (Тизенгузен, 1884, с.442).

Второе избрание хана произошло около 1429 г. (в 833 году хиджры, когда Абу-л-хайру исполнилось 17 лет). По мнению Шейбани-хана и Масуда б. Усман Кухистани, эти выборы поддержали представители многих племен Восточного Дешта, среди которых упоминаются найман, конгират, мангыт, уйгуры, кушчи, ушунь, дурман, курлаут и еще более 10 племен (Материалы, 1969, с.16, с.144). Интересна аналогия с Чингис-ханом, который также был избран курултаем дважды, что связано с расширением территории империи и включением в ее состав новых племен. Ведь недаром исследователи, в частности Роберт МакЧесней, подчеркивают, что Шибаниды при завоевании Средней Азии стремились везде установить порядки Чингис-хана и восстановить его законодательство (MacChesney, электронный вариант). Список основных союзников хана может быть реконструирован и на основании брачных связей: жены Абу-л-хайра в порядке очереди были из племен баркут, мангыт, кунграт (Материалы, 1969, с.354).

По поводу коронации нового хана в «Тарих-и Абу-л-хайр-хани» говорится, что «хаким города Адад-бек бургут и другие эмиры подчинились ему, он одарил все войско и отправил отдыхать» (Материалы, 1969, с.144). Данное действие хана было типичным в рамках характерного для обществ престижной экономики восприятия власти не только как права, но и как обязанности. Чимги-тура стала столицей нового кочевого государства. Должность даруги (управляющего) Чимги-туры была передана нескольким из первых приближенных хана, среди которых особо отмечается Кутлук-буга-бахадур. Он был из потомков Кышлыка, табунщика Экэ-Чэрэна, одного из старших эмиров Онг-хана, который предупредил Чингис-хана о заговоре, за что стал тарханом и старшим эмиром; привилегии

были сохранены и за потомками (Материалы, 1969, с.16). Вероятно, что тарханство и управление распространялись на земли всего вилайета.

Теперь было неминуемо и военное столкновение, причем М.Г. Сафаргалиев считает, что войско сибирского хана возвращалось из победоносного похода на Барак-хана, убившего покровителя Хаджи-Мухаммад-хана Мансур-бека (Сафаргалиев, 1996, с.458). Предполагается, что в это время к владениям Сибирских Шибанидов была окончательно присоединена вся дельта Ишима, вплоть до впадения в Иртыш (Скрынников, 1986, с.82). После своего воцарения Абу-л-хайр-хан отправил свои войска против Махмуд-ходжи-хана (так говорится в источнике, но, скорее всего, здесь имена перепутаны местами). Масуд б. Усман Кухистани пишет: «Воины противников сблизались друг с другом на берегу р. Тобол... (сибирский хан проиграл)... и отказался от трона и престола, от имущества и царства, и ... обратился в бегство», но был схвачен, его жены перешли к победителю. По данным источника, хан был казнен: «отправили его из городских укреплений бытия в жилище вечности» (Материалы, 1969, с.146-148). Об убийстве Хаджи-Мухаммад-хана сообщает и Кипчак-хан. Кроме того, у него подчеркивается, что во время битвы войска были разделены по степной традиции на два крылья (Материалы, 1969, с.391; Трепавлов, 1993-б, с.174-175). Скорее всего, об этом событии в конце XVI века пишет ал-Дженнаби, указывая не только на факт убийства, но и на то, что Абу-л-хайр взял в жены вдову последнего (Золотая Орда в источниках, 2003, с.238). С учетом этих источников трудно согласиться с мнением о том, что именно этот хан после откочевки Абу-л-Хайра в Среднюю Азию вновь занял Чимги-Туру и возглавил северные улусы Шибанидов (Нестеров, 2002-а, с.207).

Вся добыча после сражения по приказу хана-победителя была поделена между воинами, высокопоставленные султаны и славные эмиры были отмечены и возвышены вещами, поясами и высокими должностями (Материалы, 1969, с.148), что было вполне в традиции престижной экономики кочевых обществ. Эти события заложили основу вражды между двумя наиболее многочисленными ветвями Шибанидов, но ее активизация была невозможна практически на протяжении всего длительного правления Абу-л-хайр-хана (до 1468 года). Считается, что его первый поход на Среднюю Азию 1431-1432 гг. сорвался по причине сепаратистских настроений в среде Шибанидов, в том числе сибирских, и потомков Орды-Ичена (Ахмедов, 1965, с.49). По другим данным, в Хорезме началась эпидемия чумы, и хан вернулся в родные степи (Семенов, 1953, электронный вариант). Однако на самом деле у нас фактически нет данных о деятельности Абу-л-хайр-хана на протяжении следующих 15 лет, которые были связаны непосредственно с сибирской историей. Можно лишь предположить, что в это время он занимается в основном внутренними проблемами, в частности решает проблемы центробежных тенденций в собственном улусе.

Так, по завершении похода, когда хан по просьбе эмиров в связи с началом чумы повернул обратно, он столкнулся еще и с прямым неподчинением Махмуд-хана и Ахмед-хана. По мнению ряда историков, эти ханы были сыновьями Хаджи-Мухаммеда (например, Файзрахманов, 2002, с.128; Безертинов, 2001, с.305).

В то же время, А.А. Семенов и И.В. Зайцев считают, что они являлись потомками Кучук-Мухаммеда, а восстание было подавлено где-то в районе р. Сырдарьи (Семенов, 1953, электронный вариант; Зайцев, 2002, с.37). Кроме того, нельзя забывать, что братья с такими именами, но из династии Тука-Тимуридов, правили в Мавераннахре синхронно с началом деятельности Абу-л-Хайр-хана (Родословное древо тюрков, 1906, с.156). В любом случае Махмуд и Ахмад были непримиримыми противниками Хана и-Бузург. На подавление восстания было отправлено войско в сторону Икри-Туп. Войско ханов было разбито, а сами ханы сбежали (Материалы, 1969, с.153). Учитывая широкую распространенность указанных имен среди Джучидов и невозможность точной интерпретации географического наименования, как и наличие для него причин, обе высказываемые гипотезы имеют как свои плюсы, так и минусы. Видимо, однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно, однако, скорее всего, речь идет о сыновьях Кучук-Мухаммеда, будущих ханах Большой Орды. Дело в том, что младший из них в дальнейшем известен как один из организаторов убийства преемника Абу-л-Хайра Шах-Хайдар-султана, о чем более подробно будет говориться ниже. К тому же относительно рассматриваемого события источники пишут, что Абу-л-Хайр предоставил «населению Орду-Базара место под тенью покровительства» (Материалы, 1969, с.156). Подобный же термин был использован источниками по отношению к кочевой ставке лидера Большой Орды при нападении на него Ибрахим-хана с ногаями, а, как известно, Абу-л-Хайр-хан претендовал на наследство Золотой Орды (Материалы, 1969, с.156; Нестеров, 1988, с.13). К тому же Т.И.Султанов пишет об отступлении разгромленных ханов в Хаджи-Тархан, Уек и Орду-Базар (Кляшторный, Султанов, 1992, с.222), что еще раз подчеркивает мысль о принадлежности интересующих нас лиц именно к потомкам Кучук-Мухаммеда, а не Хаджи-Мухаммеда. Еще одним аргументом в пользу такой точки зрения могут быть данные генеалогии: ни у Махмуда бен Вали, ни у Шейбани-хана нет упоминаний о сыне Хаджи-Мухаммада по имени Ахмед (Материалы, 1969, с.37, с.350).

Известно, что сразу после разгрома этих братьев было подавлено восстание бывшего союзника Мустафы-хана, улус которого также располагался где-то на Ишиме или его притоке Ат-Басаре, причем сопротивление он оказывал совместно с частью мангытов Ваккас-бия (Материалы, 1969, с.158). Скорее всего, Мустафа, ровесник Хаджи-Мухаммад-хана, также был представителем династии Шибанидов по линии одного из младших братьев Бадагул-оглана (Материалы, 1969, с.349).

Лишь в 1446 году Абу-л-Хайр-хан перенес столицу в Сыгнак на Сыр-Дарье из Чимги-туры (Нестеров, 1988, с.13). Теоретически можно высказать предположение, что власть в Сибирском юрте была передана одному из сыновей Хаджи-Мухаммада Махмудек-хану (см.например, Валиханов, 1984, с.231), соправителем которого в конце жизни и преемником был его брат Сайидак-хан. Правоммерно допустить, что на протяжении своего правления они признавали верховенство Абу-л-Хайр-хана, хотя в дальнейшем Сайидак-хан и участвовал в свержении

наследника Хана и-Бузург. Это подтверждается тем, что в этот период Сибирский улус, по данным «Тарих-и гузиде», уплачивал в казну хана ясак вместе с Булгаром (Исхаков, 2002-б, с.173). В большинстве случаев ясак выплачивали лишь те объединения, которые находились в зависимости в результате поражения в военных действиях. Не менее резонно предположить, что значительные силы сибирских узбеков покинули родовой улус и ушли в среднеазиатский поход.

Часть Шибанидов, особенно приуральских родственников хана, поддержала поход Абу-л-Хайр-хана на Среднюю Азию. Известно, что левым крылом армии командовал Абак-султан, потомок Араб-шаха б. Пулада и наследник Едигер-хана, о котором речь пойдет ниже. В конце правления между ними произошел раскол, в результате которого Абак-султан, выиграв очередную битву, возвратился в наследные земли Шибанидов и взял себе жену из Средней Азии (Абулгази, 1768, с.142). В «Фирдаус ал-икбал» сообщается, что в войсках служил и брат Абак-султана Буреке-султан (Материалы, 1969, с.436). Возможно, часть авторов их путают, в результате этого появляются такие имена как «Абак-бурга-султан». По всей видимости, Буреке пользовался авторитетом, поскольку именно ему было поручено возглавить среднеазиатский поход узбеков около 1455 года с целью вмешательства в междоусобицы Тимуридов (Родословное древо тюрков, 1906, с.164).

К середине XV века под властью Абу-л-Хайр-хана оказалась обширная территория от Сибири до Сырдарьи, ему удалось вернуть старую родовую столицу Сыгнак, захватить часть других городов Средней Азии, установить контроль над значительными пастбищными угодьями и торговлей по части Великого шелкового пути (История Узбекистана, 1947, с.26). Особенно важным был захват городов как базы развития государства (Пищулина, 1981, с.95-115). Важность контроля над городами в экономике и политике понимали все кочевники, несмотря на постоянное подчеркивание их якобы антигородской позиции исследователями. В данном случае речь должна идти о том, что традиционно номады предпочитали не выбирать в качестве своего местообитания городские поселения, однако верхушка кочевого общества признавала их важность в экономической, социально-политической и административной сфере. Например, в период правления Шибанидов в XV-XVI вв. на территории западносибирской лесостепи известно более 70 городищ (Кызласов, 1993, с.51-57).

Несмотря на то, что поддержку Абу-л-Хайр-хану оказывало большинство кочевых узбеков и мангытов (ногаев), он не смог сломить кочевую вольницу до конца. Махмуд бен Вали пишет, что «когда Абу-л-хайр-хан одержал верх над сыновьями своих дядей в областях Дашт-и Кипчака, некоторые из потомков Тукайтимура-хана, сына Джучи-хана, например, Кирай-хан и Джанибек-хан... вышли из круга подчинения ... предпочли покинуть родину» (Материалы, 1969, с.352). Это событие положило начало казахскому этногенезу во главе с потомками Урус-хана.

Длительное правление Абу-л-Хайр-хана позволяет нам затронуть вопрос о сущности политической структуры его объединения и объеме полномочий хана. С точки зрения автора, выводы, сделанные на основании анализа «государства кочевых узбеков», могут быть применены к иным этнополитическим образова-

ниям, в частности интересующим нас Тюменскому и Сибирскому ханствам. Некоторые из них, в отличие, например, от Ногайской Орды, существовали недолго, чаще всего только при жизни непосредственного создателя, что может свидетельствовать в пользу отсутствия или незначительного влияния на интеграционные процессы внутренних причин. Нельзя сказать, что они исчезали навсегда, поскольку сама идея объединения продолжала существовать на уровне менталитета, дожидаясь новых благоприятных условий или харизматичного лидера. Одновременно с этим те кочевые политии, в рамках которых образовывалась единая этническая структура, становились внутренне более стабильными и долговечными, используя теперь не только политическую (например, ведения внешних завоеваний), но и этническую идеологию, что сближало их с традиционными оседлыми государствами. Попытка теоретического осмысления политического устройства данных объединений позволит нам лучше понять причины их распада. Нельзя до конца абстрагироваться и от вопроса о возможности применения к подобным кочевым образованиям термина «государство», последствием которого может быть не только схематизация и упрощение существовавшей структуры, но и ее модернизация, что и показала, например, дискуссия о полисном пути развития (Штаерман, 1989, с.88).

Нельзя не отметить, что большую часть правления Абу-л-Хайр-хану удавалось сдерживать центробежные тенденции в своем ханстве, причем чаще всего он был вынужден это делать с помощью военной силы, причем ее применение было скорее схоже не с выполнением полицейских функций, а напоминало тактику ведения внешних войн. В первое и последнее десятилетие своего лидерства он сталкивался с явным противостоянием других претендентов на престол, поддерживаемых бывшими союзниками из числа ногаев. В.В. Трепавлов считает, что «ханство Абу-л-хайра было возрождением исконных кочевых управленческих институтов. Он одолел соперников благодаря союзным элям, а не личной дружине. Главы элей провозгласили его ханом и совместно решали вопросы. Возродилась племенная знать, но территория включала и личные улусы приверженцев хана... Внутренней жизнью ведала администрация ханской ставки. У него не было эффективных средств для принуждения непокорных подданных» (Трепавлов, 2002-а, с.552). Основными функциями этой общественной структуры был учет сложной иерархии элей, при которых сохранялось надплеменное деление, и забота о караванных путях, бывших неотъемлемым компонентом обеспечения кочевой элиты богатством. В идеале на курултае при хане для преодоления внутренних неурядиц должны были решаться традиционные вопросы раздела пастбищ между элями и передела добычи. При отсутствии подобного органа вопрос решался с помощью традиций или войны, при этом колодцы и прочие угодья, скорее всего, находились в общественной собственности. Фактически во внутренней политике представители династии и местные вожди были достаточно самостоятельны (Березкин, 2000, с.330). Участие хана в разделе добычи, как об этом сообщают источники (например, Материалы, 1969, с.148), было немаловажным инструментом влияния на внутренние дела в обществах престижной

экономики. Так, известно, что самому хану доставалось около одной пятой всей добычи (Ахмедов, 1965, с.90), из которой он выделял часть богатств своему двору, тем самым привязывая его к себе и своим интересам. При этом раздача добычи могла рассматриваться еще и в рамках символов престижа, поскольку при раздаче добычи вождь передавал еще и часть удачи, что обеспечивало рост его авторитета (Крадин, 2000, с.321).

В результате хан становился заложником ситуации, при которой часто его единственным средством привлечения союзников было ведение постоянных, желательных удачных, войн и раздача добычи, о чем говорят и цитированные выше источники. Абу-л-Гази недаром в этом отношении подчеркивает, что Абу-л-хайр-хан был весьма страшен для соседей (Абулгази, 1768, с.138). Чаще всего, хотя хан и определял направления внешней политики, в действительности его выбор был «запрограммирован» внутренним состоянием соседних оседлых государств и определенными интересами окружающей его степной элиты, в руках которой находились значительные военные силы. «Знать», в свою очередь, для поддержания личного авторитета не могла не поддерживать интересы более бедных слоев, неспособных обеспечить себе определенные излишки в рамках степного скотоводства, хотя и не остававшихся голодными. Очевидно, что все эти действия хана могли рассматриваться еще и в свете системы «подарка и отдарка», как дополнительной возможности привязать к себе воинов с помощью щедрости. Недаром этнологи отмечают, что для традиционных обществ «в раздаче даров, в распределении излишков он (т.е. вождь. - Д.М.) видит выражение своей силы и свидетельства своего возвышения... Щедрость является для него высшей добродетелью, а богатство - основным показателем общественной значимости и социального ранга» (Малиновский, 2004, с.226). При этом богатство должно было обязательно публично демонстрироваться.

По мнению Н.Н. Крадина, для кочевников одним из главных был внешний способ эксплуатации оседлой периферии, который, однако, часто вел к застою самого общества номадов. При этом лишь во внешней политике кочевые образования выступают как централизованные государства (Крадин, 1992, 124 и далее). По всей видимости, хан пытался наладить и более стабильный сбор финансовых средств, чем простая добыча от военных походов, вспомним здесь указанную выше цитату о том, что Абу-л-Хайр собирал ясак с Сибири и Булгара, хотя не совсем ясно, какие события привели к зависимости Булгара (Казани того времени) от кочевых узбеков. Само использование понятия «ясак» может свидетельствовать о восприятии Сибирского улуса не как части государства Абу-л-Хайра-хана, а как внешней захваченной периферии. Однако, скорее всего, при значительных размерах «государства кочевых узбеков» и периодических вспышках внутреннего сепаратизма возможности стабильного сбора налогов были ограничены.

Наиболее дискуссионным является вопрос о том, как можно назвать объединения, по своим признакам подобные ханству Абу-л-Хайра (подробнее об этом см. Маслюженко, 2007-а, с.59-68). Среди предлагаемых терминов наиболее адек-

ватно описываемой ситуации отвечают «вождество» или «чифдом», к наиболее крупным по своей территории с усложняющейся административной системой может быть применимо название «кочевая империя» (Крадин, 2000, с.147; Крадин, 2002, с.320). Чрезвычайно близко по своим характеристикам к ним стоит т.н. «зачаточное государство, между типичным ранним государством и составным чифдомом» (Трепавлов, 2002-а, с.552). При этом В.М. Массон считает «вождество» частным случаем так называемого «раннего комплексного общества». Для последнего характерно сравнительное усложнение структур в социальной и экономической сфере; социальная иерархия, в которой статус определяется рождением; повышение интеграционной роли центра и вождя-лидера, выполняющего организаторские и идеологические функции. При этом существует размытость социальных страт, незакрепленных имущественным статусом, отсутствует постоянная централизованная бюрократическая машина, что способствует частой дестабилизации подобного рода объединений (Массон, 1996, с.89-93). Особняком стоит точка зрения Л.С. Васильева, который чифдом, вождество любого типа относит к протогосударству. Оно характеризуется как политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью. Его главной функцией была административно-экономическая, кроме того, возможны военная, медиативная, интегрирующая. В рамках таких коллективов вождь из слуги общества становится над обществом, подчиняет его (Васильев, 1994, с.65).

Отличие от этих исследователей, С.А. Васютин и В.В. Бобров считают наиболее применимым уже упомянутый термин «кочевая империя». При этом авторы отмечают, что в основе формирования административной структуры лежала необходимость выполнения военных функций, значимых для всего коллектива. В результате можно говорить о кочевой империи как об одной из форм ранней государственности (Васютин, Бобров, 2002, с.137-141). Они полагают, что понятие «вождество» было перенесено с институтов земледельческих оседлых обществ, что, впрочем, еще более применимо для предлагаемого термина «империя». При этом «империя» подразумевает значительную территорию и большое количества населения, а также предполагает наличие центра и эксплуатируемых, в данном случае оседлых, «колоний». Как мы видим, разброс точек зрения на уровень развития кочевого общества достаточно велик. Большинство из них свидетельствует о том, что даже при значительной социальной стратификации эти общества не достигали уровня государства. Однако при этом всегда остается вопрос о том, кем, а точнее членами чего, ощущали себя подданные такого хана. Как кажется, во многих случаях вопрос не в том, достигла ли та или иная полития уровня государства, а в принципиальной неприменимости в таких случаях термина «государство» в его современной узкой интерпретации, не учитывающей специфики восточных политических объединений и возможности альтернативного (не западноевропейского) пути развития.

Традиционно в современной политической антропологии помимо теории

«вождества» в качестве альтернативного и даже более признаваемого рассматривается понятие «раннего государства». Разработчик этой теории Хенри Дж.М. Классен и Скальник определяли его следующим образом. «Централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложно стратифицированном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта, или социальных класса, - на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами» (Крадин, 2002-б, с.142). Исходя из рассмотренных нами выше характеристик объединения Абу-л-Хайр-хана, следует, что они вполне применимы к данному образованию. При этом любому раннему государству действительно не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму. Единственным консолидирующим центром в таком случае является сама сакрализованная фигура кочевого лидера. В дальнейшем была разработана более дробная типология ранних государств (зачаточное, типичное, переходное), однако в этом случае объединение Абу-л-Хайр-хана или более позднее Сибирское ханство Ибак-хана по признакам не может быть однозначно отнесено к определенному типу, находясь на промежуточной стадии между зачаточным и типичным. В данном случае сама сложность определения внутренних признаков не позволяет автору поддержать более жесткие выводы о сущности подобных ханств (Молявина, 2007, с.75).

Попробуем интегрировать все вышеперечисленное в одну схему. Как кажется, наиболее общей и близкой к истине в силу широты рассматриваемых аналогий является теория вождества, при которой наиболее интегрированные общества в рамках линейного подхода к историческому процессу могут рассматриваться как «суперсложные вождества». Причем для подобного рода политий необходимым признаком выступает наличие института наместников (Бондаренко и др., 2002, с.13). Относительно исследуемого нами сюжета укажем, что после второго курултая должность даруги (управляющего) «Чинги-туры» была передана нескольким из первых приближенных Абу-л-Хайр-хана (Материалы, 1969, с.16).

Принятие подобной терминологии во многом связано с особенностями изначального восприятия титула «вождя» как военного лидера, что особенно характерно для данного этапа развития степной государственности. При этом учреждение публичной власти и деление населения по территориальному признаку сближало большинство кочевых объединений с первичными государствами (Кычанов, 1997, с.286). Следует отметить, что мы рассуждаем именно о внутреннем устройстве, поскольку во внешней политике крупные ханства, к которым можно отнести и исследуемое, всегда выступают как имперские образования (Крадин, 1992, с.167; Скрынникова, 1997, с.49). Это связано с тем, что крупное объединение было необходимо кочевому миру лишь для решения внешнеполитических проблем; теоретически, чем больше была сила оседлых соседей, тем выше степень интеграции кочевого мира.

В вождествах различной степени сложности глава объединения, даже избранный на торжественной церемонии при значительной поддержке, не имеет постоянной легитимизированной власти, неудача в войне или другие причины приводят к уходу кочевников, при этом отсутствуют возможности, кроме новых побед или массовой раздачи ценностей, предотвратить распад (Крадин, 1992, с.147). Действительно, невозможно было удержать хорошо вооруженных кочевников, которые могли поднять восстание, в этом случае лучше было их отпустить. Откочевка была весьма действенным способом давления на хана, поскольку убить его, особенно с пролитием крови, было оскорблением всему роду, практически религиозным преступлением. Сакральность правителя и прагматизм в виде страха перед местью со стороны представителей «золотого рода» приводил именно к этой форме протеста (Бисенбаев, электронный вариант), что, впрочем, не мешало поднимать и открытые восстания при поддержке конкурентов из числа Чингизидов.

Отдельные кочевые объединения в рамках подобных объединений были еще и хозяйственно независимы (Крадин, 2000, с.320-321), а их вожди обладали внутренними полномочиями и являлись лидерами своих групп. Единственным способом консолидации было проведение крупных завоевательных походов. В таких условиях, в отличие от оседлых государств, дань или подношения, пусть даже обоснованные как налоги, не являются основным средством существования хана, он не может их беспрепятственно увеличивать внутри общества.

Легитимизация власти шла также через ее идеологическое обоснование, различия между управителями и управляющими были легко преодолимы и основывались лишь на степени генеалогической близости (это особенно ясно видно на примере Чингизидов и, как их части, Шибанидов). Хан считался обладателем магической энергии, харизмы, которая обеспечивала стабильность и процветание социума, а также благоприятствовала связи с богами. Элементом харизмы хана являлось его происхождение от Неба, что обеспечивало медиацию между небом и землей. Все это было вполне применимо к Чингизидам, составной частью генеалогии которых являлось происхождение основателя династии от Неба. Харизмой в таком случае обладал весь род. Племенная знать, особенно выдающиеся лидеры, также обладали харизмой, пусть и в меньших размерах (Скрынникова, 1997, с.6 и далее; подробнее вопросы генеалогии как способа легитимизации власти были рассмотрены автором: Маслюженко, 2002, с.62-67; Маслюженко, 2003, с. с.128-132).

С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов выделяют несколько основных функций хана как главы государства, под которым зачастую понимается улус. В основном все они касались внешнеполитических и военных дел (вооруженная охрана страны, право объявления войны и заключения мира, переговоров с иностранными послами), внутренние функции касались юридических дел (высший судья и законодатель). Землей хан мог распоряжаться лишь постольку, поскольку являлся ее защитником. Они указывают, что даже при первых Чингизидах с авторитарным управлением полноты власти не было (Кляшторный, Султанов, 2000, с.181-

182). Позднее, особенно с изменением принципа наследования престола ханом, набор функций сокращался, хан все больше опирался на племенную знать и не мог уже противопоставить им свою личную гвардию или всю мощь империи Чингизидов. По мнению Б.А. Ахмедова, хан не обладал решающим голосом на курултае, без созыва которого не решался ни один важный вопрос (Ахмедов, 1965, с.98). Чрезвычайно близко к этому стоят функции хана, выделяемые на основании устного фольклора тюркских народов Южной Сибири, которые по своему менталитету мало отличались от соседних с ними групп западносибирских татар (Трепавлов, 2006. с.334). При этом, по мнению В.В.Трепавлова, в фольклоре прослеживается постепенное «угасание военной активности главы улуса», и эту функцию берет на себя кто-либо из его приближенных (Трепавлов, 2006, с.331). Такое положение, еще не характерное для объединения Шибанидов рассматриваемого периода, хорошо иллюстрирует ту обстановку, которая сложилась в Сибирском ханстве при Кучуме.

В результате по своим размерам, степени внутренней интегрированности ханство Абу-л-Хайра достигало степени суперсложного (консолидированного) вожества, однако уровень власти хана был ниже, чем в других подобных образованиях. Для полного объединения необходимо было уничтожить власть местной знати (Карнейро, 2000, с.93), как это было сделано в отношении Дешта Джучи и Бату. Основные признаки (невозможность контроля над племенной знатью, передача части властных полномочий курултаю, сохранение в руках хана лишь внешних функций) данного объединения свидетельствуют в пользу постепенного затухания властных структур эпохи Монгольской империи. Подобные явления, в совокупности с возвратом к чертам ранней монгольской организации, были характерны для всех степных обществ постзолотоордынского времени (Кычанов, 1997, с.301). Все эти факторы, вместе с наличием иных лидеров из числа той же династии и сложными внешнеполитическим условиями, стали причинами кризиса кочевого объединения.

Изложенные факторы позволяют говорить о том, что кочевые объединения поздних Чингизидов по характеристикам внутреннего развития идеологии, социума и экономики явно достигали уровня суперсложных вожеств или раннего государства. В то же время во внешней политике они могли рассматриваться как имперские структуры. Столь разный уровень внешней и внутренней эволюции приводил к противоречивости восприятия кочевых обществ оседлыми соседями, а в некоторых случаях к их реальному ослаблению в условиях невозможности передачи всей полноты накопленной власти от удачливого хана, каким вне сомнения был Абу-л-Хайр, к его наследнику.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что к кочевым образованиям, подобным рассматриваемым, могут быть одновременно применены три определения, отражающие их различные стороны: вожества (в частности, суперсложные), «кочевые империи» (лишь во внешних отношениях) и ранние государства. При этом отметим, что дискуссия между авторами часто идет не о внутреннем содержании реального этнополитического объединения, а о при-

менимости того или иного термина, хотя они в ряде случаев взаимно дополняют друг друга. Разница внутренних и внешних признаков государства, невозможность применения методов силового давления и попытки урегулировать противоречия методами, заимствованными у оседлых обществ, приводили к волнообразному развитию кочевой государственности. Значительным отрицательным фактором также было наличие большого числа представителей «золотого рода», каждый из которых, в рамках специфического представления о «государстве» как родовой собственности, мог претендовать на титул хана, для чего ему нужно было лишь заручиться поддержкой, что вносило дополнительный дезинтегрирующий фактор.

Однако, после этого небольшого, но необходимого отступления, вернемся к событиям в степи. Кризис разразился и в отношениях с ногаями, которые покинули хана около 1448 года после смерти своего лидера Ваккас-бия, который, по данным Матфея Меховского, считался чуть ли не основателем самой Ногайской Орды (Меховский, 1936, с.92). Этот кризис был отнюдь не первым в ногайско-узбекских отношениях. Абу-л-Хайр-хан, как удачливый военачальник, проводил слишком самостоятельную политику, что вызвало уход Мусы б. Ваккас к Сарайчику, причем хан, занятый в Средней Азии, не принимает никаких мер (Трепавлов, 2002-а, с.100-101). Вскоре после этого начинаются интриги. Буреке-султан покидает армию хана и при поддержке мангытов сажает на ханский престол своего отца, Едигер-хана (Материалы, 1969, с.436). Впрочем, Абу-л-Гази пишет об этом несколько иначе, указывая, что Муса-бий обратился к Буреке за помощью против Куджин-мирзы, и в благодарность за это «Ядигера посадили на белый войлок и подняли его в ханы» (Абулгази, 1906, с.167).

По данным таких авторов, как Мухаммад Шейбани-хан и Махмуд б. Вали, судьба Едигера была весьма похожа на судьбы самого Чингиз-хана или полумифического Кыпчака, названного сына Огуз-хана. В правление Тимур-шейха, внука Араб-шаха, две тысячи калмыков совершили набег на его эль, в погоне за ними Тимур-шейх умер, а эль покинул его жену, за исключением уйгуров. Те узнали, что одна из жен шейха была беременна и сумели вернуть найманов. Именно в этот момент рождается Едигер (Йадгар) (Абулгази, 1768, с.140; Материалы, 1969, с.35, с.348, с.436). У Едигера было четверо сыновей, большинство из которых стали военачальниками Абу-л-Хайр-хана.

В результате интриг мангытов в степи вновь оказываются два хана из Шибанидов, оспаривающих власть, одновременно с которыми борьбу за независимость ведут казахские ханы. Немаловажным было то, что ногаи в военном плане входили в правое крыло вместе с найманами и уйгурами, подданными Едигера (Трепавлов, 2002-а, с.99). Скорее всего, Едигер контролировал сравнительно небольшую территорию по Яику и в западной части Южного Зауралья, где располагались сами ногаи и подчиненные им племена, в том числе башкиры. Он не составлял серьезной конкуренции и угрозы Абу-л-хайр-хану, что и стало одной из причин отсутствия адекватного ответа со стороны хана. Но главной причиной игнорирования стало то, что руки Абу-л-Хайр-хана были связаны степной вой-

ной с калмыками, которым в 1457 г. узбеки уступили Сыгнак (Ахмедов, 1965, с.65). Несмотря на внешнеполитические проблемы, кризис сдерживался успешным войнами Великого хана, в частности захватом столицы бывшей Золотой Орды Сарая, где он выпустил две денежные эмиссии (Нестеров, 1988, с.13). В подобных победоносных войнах было заинтересовано большинство кочевников. Однако любые попытки давления на кочевников, введения более строгих налогов по принципу оседлых народов или простое поражение приводили к их уходу от хана.

По иронии судьбы случилось так, что оба наиболее влиятельных хана: Абу-л-Хайр и Едигер, умирают почти одновременно в 1468 году, что развязывает новую волну степных войн (Трепавлов, 2002-а, с.102). Символичным стало то, что Абу-л-Хайр-хан погиб во время похода на казахские племена Семиречья и Могилистана (Материалы, 1969, с.353). Хотя, например, Абу-л-Гази, в отличие от других авторов, указывает, что Абу-л-Хайр был убит своими родственниками (Абулгази, 1906, с.169). События, последовавшие за смертью Абу-л-Хайр-хана, показали, насколько глубок был кризис внутри династии. Мирза Мухаммад Хайдар так пишет об этом: «После его смерти среди его людей начался разброд...» (Хайдар, 1996, с.116).

Можно предположить, что Едигер правил чуть дольше, чем Абу-л-Хайр-хан. В «Фахт-наме» Гулама Шади, придворного поэта Шейбани-хана, говорится, что после смерти Хан-и Бузург (великого хана) улус одобрил на ханство Едигера. Внуки Абу-л-Хайра успели даже некоторое время послужить в армии под руководством Буреке б. Едигера (Материалы, 1969, с.54-56), причем в одном источнике указывается, что Буреке совместно с одним из внуков по имени Шейбани пытались отомстить за смерть Великого хана, но союз по непонятной причине распался (Абулгази, 1906, с.169). Некоторые земли в бывшем Узбекском ханстве захватили и потомки Едигера, которые у Абу-л-Гази упоминаются под собирательным именем Абак-бурга-султан (Абулгази, 1768, с.150). Собственно ханский титул имели два других сына Едигера-хана: Абулек-хан в 1480-е гг., при котором, по данным источников, была анархия, и Аминек-хан в конце XV века, у которого не было соперников в степи (Материалы, 1969, с.437).

Политические лидеры были и среди старших сыновей Абу-л-Хайр-хана (Хайдар, 1996, с.116-117). Так, после смерти Едигера основным претендентом на объединение узбеков стал пятый сын Великого хана Абу-л-Хайра Шайх-Хайдар, что было связано со смертью старшего сына Шах-Будаг-султана (возможно, звание здесь имеет значение царского титула (Титулы, 1996)). Дети последнего, Мухаммад Шейбани и Махмуд-Бахадур-султан, были спрятаны от противников. Сам Мухаммад Шейбани пишет о своем дяде следующее: «Когда в его век перестали чтить достоинство и знатность великих беков и добрых родов его, могущество его стало от дня ко дню уменьшаться» (Материалы, 1969, с.19). По всей видимости, новый хан не обладал данными своего отца и не мог удержать вокруг себя кочевников.

Среди его наиболее активных противников источники называют следующих: из рода Хаджи-Мухаммад-хана - его старший сын Сайидек-хан и внук Ибак (Ай-

бак) б. Махмудек-хан (скорее всего, сам Махмудек был к этому времени мертв), потомки лидера казахов Барак-хана Джанибек и Кирей, из рода Едигера - Буреке-султан, из потомков бека Едигея лидеры Ногайской Орды Аббас-бек, Муса-бек и Ямгурчи-бек (Материалы, 1969, с.19, с.99, с.57). Таким образом, союз против узбеков включал в себя лидеров большинства крупнейших кочевых объединений восточной части Дешта. Источники сообщают, что войска противников на протяжении 1469 г. сталкивались неоднократно, но, несмотря на большие потери, не могли победить. Наконец, «Айбак-хан, приведя с собой войско Ахмад-хана, внезапно напал на Шайх-Хайдар-хана» (Материалы, 1969, с.99). На основании этой фразы нельзя однозначно считать именно лидера Большой Орды Ахмад-хана своеобразным «вождем» союза (Трепавлов, 2002-а, с.103). В то же время, несомненно, что именно его вмешательство привело к победе, причем источники отмечают, что Ибак-хан сам убил Шайх-Хайдара (Материалы, 1969, с.20).

На основании генеалогических источников, видимо, невозможно объединять в одно лицо Ибак-хана и Сайидек-хана (Нестеров, 2002-а, с.206; Атласи, 2005, с.45). Например, Махмуд бен Вали и Шейбани-хан четко определяли этих ханов к разным поколениям (Материалы, 1969, с.37, с.350). Объединение имен строится на материалах «Шейбани-наме» Камл ад-Дина Бинаи, где приводится имя «Сайидек-Айбак, сын Ходжи-Мухаммеда». Однако переводчики и комментаторы данного произведения отмечают, что подобная адаптация имен сделана неверно самим автором и противоречит иным хроникам (Материалы, 1969, с.99).

Союз был образован ханами и князьями, недовольными политикой Абу-л-Хайра и воспользовавшимися развалом государства кочевых узбеков после его смерти. Все они в той или иной степени были носителями центробежных тенденций, стремясь к независимости собственных этнополитических объединений от любых проявлений власти наследников Хана-и Бузург. По всей видимости, в это время никакие внешние или внутренние причины не давали реального основания для появления самой идеи объединения как необходимого для выживания кочевого социума. Немаловажной причиной этого могли быть и определенные внешнеполитические просчеты и ошибки самого Абу-л-Хайра на последнем этапе правления. Так, С.А.Васютин пишет: «Если признать, что война, организация для войны ... являлись одними из главных факторов сложения кочевой государственности, то... именно военные поражения от оседлых народов и других кочевников, а не социально-экономические кризисы были первой из причин распада кочевых государств» (Васютин, 1998, с.20). Естественно, что союз, организованный лишь с подобными целями, не мог продержаться долго.

Последним совместным действием союзников было выступление в том же 1469 году против внуков Великого хана, детей его старшего сына Шах-Будаг-султана, Мухаммад-хана Шейбани (поэтическое прозвище, также известен как Шихбахт-хан) и Махмуд-Бахадур-султана, которые находились на попечении Карачин-бахадур и скрывались в Хаджи-Тархане (Астрахани) у Касим-хана. Поход возглавили Ахмад-хан, Ибак-хан и Аббас-бий из мангытов. Внукам удалось спастись, вскоре они решили отомстить за своего дядю. В результате было со-

вершено нападение на лагерь Ибак-хана, в ходе которого убили одного из его младших братьев и младшего же сына, также было совершено нападение на Ахмад-хана (Материалы, 1969, с.20). Отметим, что нападение совершили именно на Ибрахима, на основании этого можно предположить, что Сайидек-хан был уже мертв и Ибак стал его преемником. При этом нельзя не отметить, что сразу по восшествии на престол Ибак-хан объявил Шейх-Хайдар-хана шахидом (т.е. умершим за веру) (Шейбаниада, 1849, с.LVI), возможно с целью не столько усилить свои позиции и подчеркнуть принадлежность к исламу, сколько примириться со среднеазиатскими Шибанидами. Забегая вперед, отметим, что летом 886 г. хиджры (1482 г.) Шейбани-хану удалось отомстить и Буреке-султану, который был уничтожен узбеками (Абулгази, 1768, с.150). Причем остатки его улуса ушли не к братьям, а к ногаям (Трепавлов, 2002-а, с.105). Вражда среди Шибанидов привела к тому, что к концу 1460-х - началу 1470-х гг. власть на территории казахстанских степей (на севере до верховьев Ишима и, возможно, южных притоков Тобола) наследуется лишь среди потомков Урус-хана и не передается другим ветвям Чингизидов (Кляшторный, Султанов, 2000, с.235).

Скорее всего, в этот период в лесостепи Западной Сибири находились владения сибирских Шибанидов, возглавляемых Ибак-ханом. Причем теперь внешнеполитические проблемы на южных границах ханства приводят к возвращению столицы из Сыгнака в Чимги-Туру, которая занимала более удобное положение для торговли как с Казанским ханством, так и с Ногайской Ордой. Ряд исследователей указывают, что приход Ибака в Сибирь напрямую связано с его поражениями в борьбе за Дешт (История Казахской ССР, 1979, с.186). С этой точки зрения, именно Ибак-хан выступает основателем Тюменского ханства в современном его понимании, что, однако, не могло бы быть сделано без успехов его деда Хаджи-Мухаммад-хана. По сути, на данный момент в качестве основателя можно в равной степени рассматривать трех политических деятелей из династии Шибанидов: Хаджи-Мухаммад-хана, Абу-л-Хайр-хана, Ибрахим-хана. Однако время правления первого из них было не велико и, по сути, это был период становления и завоевания статуса для ханства, а для второго - титул хана, полученный в Чимги-Туре, был лишь способом сплочения татарских племен для дальнейшей среднеазиатской экспансии. Только при Ибрахим-хане и его наследниках Тюменское ханство стало окончательно независимым политическим объединением. При этом автор осознает, что само это название весьма условно в силу отсутствия самоназвания для него в источниках. Одновременно с этим данное название отражает внутренние черты и характеристики данного ханства.

Фактически татары в рамках Тюменского ханства оказываются в тех же условиях, в которых был угорский мир западносибирской лесостепи до монгольского завоевания. Это было связано с особенностями пограничного положения территории, экономически выгодного при внешней стабильности, но чрезвычайно опасного в годы степных кризисов. Можно предположить, что в этот период начинает увеличиваться количество городищ, в основном в нижнем течении Тобола и его притоков, а также торговые связи со Средней Азией, несколько

осложненные враждебностью казахстанских кочевников, и Казанью, занимающей место Булгара предыдущего этапа.

2.2. Ибрахим-хан и период независимости Тюменского ханства Шибанидов (конец XV в.)

История Сибирского юрта конца XIV века связана с деятельностью Ибак-хана, происходившего из сибирской ветви Шибанидов и пришедшего к власти в конце 1460-х гг. После разгрома узбекского хана и царевичей он считался одним из наиболее влиятельных претендентов на престол объединителя всей степи. Источники позволяют в основном реконструировать его внешнеполитическую деятельность, в частности на западном направлении. Отметим, что, к сожалению, архивные ящики, содержавшие «книги тюменские», не сохранились до наших дней. При этом, на наш взгляд, не совсем оправдана реконструкция А.А.Зиминим их содержания как имеющего отношение к Тюмени на Тереке (Государственный архив, 1978, с. 137-138; сравни с тем же, с. 196-197), в частности с учетом упоминания в контексте этих документов именно хана Ибака (или, как в данном случае, Ивака).

Особенное значение для сибирских Шибанидов приобретает контакт с ногайскими беками и мирзами. Рассмотренное выше убийство Шайх-Хайдар-хана позволяет предположить, что на тот момент ногаи были в союзе с Ибак-ханом. Учитывая близость его улуса к границам Ногайской Орды, те являлись его потенциальными союзниками. Несмотря на традиционные связи с представителями именно этой династии, видимо, до 1473 года они вынуждены были подчиняться казахскому хану Джанибеку (Трепавлов, 2002-а, с. 105). После этого последовала попытка опереться на молодого, но чрезвычайно активного Шейбани-хана. Так, в «Шейбаниаде», сообщается о том, что Шейбани помог отразить нападение казахов Бурундук-хана на Ногайскую Орду (Шейбаниада, 1849, с. LVIII). Несмотря на это, союз не сложился, скорее всего, по причине страха перед возможной утерей автономии ногаями.

В результате около 1473 г. ногаи, в частности Муса-мирза, вновь вернулись к идее союза с Ибак-ханом. Недаром в дальнейшем русские летописи чаще называют его «царем ногайским» (ПСРЛ, 1965-б, с. 203). При этом В.В. Трепавлов со ссылкой на мнение А.Г.Нестерова считает, что подчинение ногаев было номинальным, но оно было необходимо из-за низкого внешнеполитического статуса их орды (Трепавлов, 2002-а, с. 110). Возможно, что некоторые политические приоритеты также определялись лидерами Ногайской Орды, так как они обладали реальной военной силой для их претворения в жизнь. Можно предположить, что опора Ибак-хан на ногаев была вызвана необходимостью стабилизации южных границ, в связи со стремлением казахов к захвату Приишимья (Трепавлов, 2002-а, с. 113), что в принципе было и в ногайских интересах. Судя по всему, союз был закреплен и брачными связями, как это следует из дальнейших наименований в летописях Ямгурчи и Мусы как шуринов Ибака, то есть хан был женат

на сестре ногайских биев. Кроме того, по предположению В.В.Трепавлова, дочь Ибак-хана была первой женой Мусы, а соответственно этот представитель ногайской правящей династии был одновременно и шурином, и зятем тюменскому царю (ПСРЛ, 1965-б, с.203; Трепавлов, 2002-а, с.145).

Однако первой пробой нового союза, нашедшей отражение в источниках, стало нападение на кочевую ставку на Северском Донце, где правил их бывший союзник и лидер Большой Орды Ахмад-хан б. Кучук-Мухаммед после его неудачного стояния на реке Угре в 1480 году. Именно этот политический акт стал основой для сообщения в одной из летописей о том, что в 1480 г. ногайские беки Муса и Ямгурчи признали власть Ибака над ногайской Ордой (ПСРЛ, 1963, с.315). В «Патриаршей летописи» говорится, что «егда же прибежа в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Ногайский и Орду взя, а самого безбожного царя Ахмета убил шурин его Нагайский мурза Ямгурчей» (ПСРЛ, 1965-б, с.202; о том же ПСРЛ, 1949, с.328). По другим данным, в частности Вологодско-Пермской летописи, Ахмад-хана убил сам Ибак-хан (ПСРЛ, 1959, с.274; Каргалов, 1980, с.115), что было вполне в его духе, если вспомнить разгром Шайх-Хайдар-хана. Нападение состоялось в январе 1481 году, при этом зимнее время было идеальным, поскольку, по сообщению летописца: «Ахмед хан, готовившись к перезимовке, отправил всех беков на свои земли» (Письмо, 1997, с.43-44). Одна из летописей вообще указывает, что Ахмад-хана не было в это время в Орде, а Ибак убил его, когда тот попытался отбить своих людей (Летописец, 1850, с.4).

Интересна фраза «Орду взя», ведь ордой называли вообще ставку, военный лагерь хана, а часто и всех подданных. Лучше позволяют понять ее другие летописи: «И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, о ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя...», остальной полон, названный литовским, он перевел за Волгу, к ногаям (например, ПСРЛ, 1982, 95). Из этой цитаты следует, что Ибак-хан забрал с собой всех людей из лагеря Ахмад-хана и увел в Зауралье, обеспечив увеличение количества своих подданных. Здесь важно, что к этому времени Тюмень была подчинена Ибрахим-хану, и соответственно ханство по праву могло считаться именно Тюменским. Вологодско-Пермская летопись добавляет, что Ибак-хан захватил и дочь Ахмад-хана (ПСРЛ, 1959, 274). Термин «ордобазар» весьма неоднозначно воспринимается исследователями, поскольку под ним можно понимать как кочевую ставку хана с окружающими ее торговцами и ремесленниками, так и вполне реальный город. В данном случае контекст источников позволяет говорить о превалировании первого значения. Позволим себе предположить, что с помощью увода «ордобазара» Ибак не только увеличивал население улуса, но и стремился вписать его в систему международной торговли. Необходимо помнить, что, видимо, число людей у самого Ибака было весьма ограничено, так в «Архангельском летописце» указывается, что он «привел с собой 1000 казаков», в то время как его свояк Муса и Ямгурчи пришли с 50000 ногаев (ПСРЛ, 1982, с.95). По этой причине увод людей из ставки Ахмада был весьма актуален, к тому же упомянутый выше летописец сообщает также, что Ибак увел в Сибирь и часть войск разбитого хана. Данное событие может

быть подтверждено тем, что в 1489 г. от Ибака с посольством приезжает в Москву «Иваков слуга, а зовут его Чюмгур», который далее упоминается с титулом «базарьского князя» (Посольские, 1995, с. 19), можно предположить, что это лицо некоторое время исполняло обязанности беклярибека. Отметим, что в целом переселение купцов с семьями из одного города в другой было традиционным способом формирования новых торговых центров в условиях войн средневековой Европы (Лебедев, 2005, с.205). Однако есть и более близкая по хронологии и географии аналогия этому событию. Подобным же образом, желая увеличить численность своего юрта, поступил внук Ибак-хана Кучум, который, согласно легендарному известию «Ремезовской летописи», после поездки в Казань в 1565 году, привез оттуда «многих чуваш и абыз, и русаго полона людей» (Ремезов, 1989, с.552).

В том же году произошло еще два события. Во-первых, Ибак-хан отправил посла к Ивану III с сообщением об убийстве Ахмад-хана, за что получил от Москвы «теш»-подарок (ПСРЛ, 1982, 95), размер которого неизвестен. Однако в дальнейшем он мог быть использован тюменскими дипломатами для обоснования требований ордынского выхода. Во-вторых, тогда же русские отряды на Каме пограбили неких тюменских татар (ПСРЛ, 1982, 95). Сложно сказать, был ли этот факт целенаправленным политическим актом или отражением деятельности вольных ватаг, но непосредственного обострения тюменско-русских отношений он не повлек. К тому же столкновения между торговцами из-за контроля над сибирским товарооборотом происходили и до этого, и, скорее всего, были своеобразной традицией, истоки которой можно найти еще в Булгаре, стремившемся ограничить вмешательство иных торговцев в дела Югры (Косарев, 2007, с.175). Так, известно, что в 1475 году произошло столкновение между казанцами и устюжанами из-за «соперничества их в торговле с сибирскими татарами» (Оксенов, 1888-а, с.10). На установление более или менее стабильных торговых связей между Тюменским ханством Ибака и Русским государством Ивана III может намекать позднее в своем письме Кучум к Ивану IV: «С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и гости на обе стороны ход...» (СГГД, 1819, с.52). По мнению А.Оксенова, под «гостями» здесь следует понимать торговых людей (Оксенов, 1888-а, с.10). В то же время, употребление этих терминов родства не дает реальной хронологической привязки, поскольку является отголоском использования тюркского термина «ата» (отец) в значение «предок» в системе переписки тюркского мира*.

Есть данные о переписке Ибак-хана с Иваном III в 1481 году о торговле, а в 1483 о дружбе и союзе (Ахмедов, 1965, с.60). Видимо, эти и последующие переговоры привели к утверждению в письме 1597 г. Федора Иоанновича о том, что уже при Ибрахиме сибирские татары платили дань Москве, хотя на сам деле здесь русское правительство не просто выдавало желаемое за действительное

* Автор выражает огромную благодарность В.В. Трепавлову (г.Москва) за эту поправку, а также иные высказанные им замечания по данному разделу, посвященному правлению Ибак-хана.

(Миненко, 2000, электронный вариант), но и еще подтасовывало реальные исторические факты. В то же время события в отношениях с Россией, последовавшие сразу после нападения войск сибирско-ногайского союза на Ахмад-хана, трактуются исследователями по-разному.

Известно, что в 1483 году состоялся поход русских войск на вогуличей и Югру, причем воеводы дошли «по реке Тавде мимо Тюмени до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до великой Оби в землю Угорскую» (Карамзин, 1995, с.543). Исследователи отмечают, что при этом юрт Ибак-хана был обойден (Демин, 1995, с.48; Дмитриев, 1894, с.76), что, кстати, было бы весьма сложно сделать, если бы вся эта территория действительно находилась в руках сибирских Шибанидов. Скорее всего, основная территория юрта на тот момент располагалась в южной лесостепи западной Сибири и в степях Зауралья, в непосредственной близости от ногаев, а Чимги-тура оставалась вне его пределов. По мнению Н.М.Карамзина, целью данного мероприятия был подчинение югорских и вогульских племен Ивану III, хотя до того они платили дань Новгороду (Карамзин, 1995, 543). Подобной же точки зрения придерживается В.А.Оборин, который пишет, что поход 1483 г. был ответом на набег пелымского князя Асыка и поддержавших его тюменских татар в 1481 г. на Пермь Великую (Оборин, 1990, с.80). Хотя следует отметить, что, например, из текста одной летописи следует, что Андрей Мишнев, догоняя отступающих вогуличей, «плывающих по Каме реке тюменских татар посек» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.262), причем не говорится об их непосредственном участии в набеге.

В то же время, А. Плигузов считает, что русские воеводы не опасались нападения хана, который был в договоре с царем, и играли на руку его политике подчинения региона (Плигузов, 1995, с.144-145). Исходя из этого, весь поход можно было бы рассматривать как своеобразную благодарность Ибак-хану за помощь в разгроме Большой Орды. Отметим, что в реальности сибирский поход на противников не только не привел к нужным для Ибак-хана результатам, но даже наоборот, Югра признала свою зависимость от Москвы (Нестеров, 1988, с.14), чего в принципе не мог не предвидеть сам хан. Скорее всего, Ибак не рассматривался на тот момент в качестве угрозы, поскольку его основные внешнеполитические интересы в этот момент находились в южных степях. На следующий год в Москву с данью явились князья сибирские, югорские и вогульские (ПСРЛ, 1950, с.49), которые были независимы от Ибака. Можно предположить, что поход этот был связан не столько с тюменско-русскими отношениями, сколько с продолжением новгородской политики с целью закрепления бывших данников Великого Новгорода за Москвой. Скорее всего, этот поход в известной нам форме не был запланирован государством, а был личной прихотью воевод, желавших, помимо обложения данью, просто пограбить местное население (Рябинина, 2007, с.37-38). Кстати говоря, отметим, что на момент этого похода о сибирских князьях рода Тайбуги речи не идет, в посольстве в Москву в качестве такового фигурирует некий Лятик (ПСРЛ, 1982, с.95), который, скорее всего, был представителем одного из угорских племен.

Во время второго подобного похода 1499 года ситуация значительно изменилась, русские войска не спускались настолько к югу, а ведь именно после этого события в титулатуре русского царя закрепилось «князь югорский», а также «князь Обдорский и Кондинский» (Миненко, 2000, электронный вариант). При этом нельзя забывать того, что приставка «сибирский» появилась значительно позднее, что говорит о разграничении этих терминов не только в географическом, но и в политическом смысле. Скорее всего, впервые она упоминается в титулатуре в 1554 году (Щеглов, 1993, с.25).

Фактически после разгрома Ахмед-хана мы не знаем, чем занимался Ибрахим-хан вплоть до событий конца 1480-х гг. Очевидно, что отсутствие упоминаний о нем в источниках свидетельствует о его отсутствии в качестве активной внешнеполитической фигуры. Можно предположить, что в это время хан в основном занимался решением внутренних проблем улуса. Исходя из источников, можно предположить, что одним из методов внутренней стабилизации юрта для Ибака был поиск политического союза, скрепленного брачным договором, с Тайбугидами, в частности с князем Маром, а, скорее всего, опосредованно с его отцом, лидером Тайбугидов, князем Ходжой. Не вдаваясь в вопросы происхождения и легитимности этой династии, что будет рассмотрено в следующем разделе, попытаемся разобраться в историческом контексте событий. Забегая вперед, отметим ключевой для нас тезис: именно обращение по неким неизвестным для нас причинам Ибак-хана к Тайбугидам стало причиной появления на исторической арене представителей данной династии. Очевидно, что это не может не говорить об их достаточно высоком статусе и роли в истории сибирской государственности, но не является основой для отнесения их к т.н. «изначальным царям Сибири». При этом, на наш взгляд, основной их юрт располагался все же не вокруг Чимги-Туры, а на юге, в бассейне Ишима. При этом в источниках подчеркивается, что Тайбугиды обладали лишь титулом князей (беков), который был по своему значению ниже, чем ханский.

В Есиповской редакции «Сибирских летописей» сообщается, что «князь же Мар был женат на сестре казанского царя Упака» (ПСРЛ, 1987, с.47). Именно Ибак-хан в этом и других подобных сообщениях выступает как «казанский царь Упак». Скорее всего, такое титулование появилось в летописи под влиянием более поздних событий и не отражает реальную ситуацию момента. При датировании этого события резонно предположить, что наиболее сильно поддержка Ибак-хану нужна была именно на первых порах, в частности в ходе распространения власти на бывшие сибирские земли Абу-л-Хайр-хана. В то же время, как видно из описанных выше событий, еще в 1483 г. русские, проходя мимо Тюмени, ни о какой ханской власти здесь даже не упоминают. Аллен Франк также относит описываемые события к началу 1480-х гг. (точнее, к 1481 г.) (Frank, 1994, p.13).

В Лихачевской редакции летописей дополняется, что еще Ходжа женил своего сына на сестре Упака, сам же Ходжа погиб во время похода на бухарского царя (ПСРЛ, 1987, с.118-119). В данном случае летопись отражает некие реалии внешнеполитической обстановки периода реставрации Шибанидов при Кучум-

хане, когда бухарский хан, будучи их покровителем, потенциально мог являться одним из противников Тайбугидов. Хотя весьма привлекательна версия А.Франк о том, что в данном случае может отражаться конфликт Ходжи с Абу-л-Хайр-ханом (Frank, 1994, p.21). В равной степени имеет право на существование предположение о том, что лидер Тайбугидов мог поддержать Ибрахим-хана в столкновениях с Шейбани-ханом.

Однако вскоре, как следует из текста, Ибак-хан убивает своего зятя: «Упак зятя своего уби и градом облада» (ПСРЛ, 1987, с.47). Таким образом, именно после убийства князя Мара Ибак получает в свои руки Чимги-Туру, которая становится столицей Тюменского ханства, причем указывается, что Ибак правил здесь «и владе много лет» (ПСРЛ, 1987, с.47). Убийство потенциального противника, если вспомнить судьбы Шайх-Хайдара или Ахмеда, было одним из принципов политики Ибака, особенного характерным для ранних годов его правления. Судьба сыновей Мара не совсем ясна. Исследователи предполагают, что сыновья Мара Адер и Ябалак бежали в земли татар на Тоболе (Бояршинова, Степанов, 1968, с.364). Однако, скорее всего, их держал при себе в качестве аманатов Ибак-хан «и Маровы дети Одер да Ябулак живяства во граде Чимгидене у казанского царя у Упака», причем отмечается, что умерли они своей смертью (ПСРЛ, 1987, с.47, 118). Кстати, в свете описания религиозной ситуации в Сибири весьма интересна интерпретация ряда личных имен Тайбугидов. Так, в частности, имена князей Мара и Ябалака весьма напоминают религиозный титул «мар» и имя «Ябаллах», которые характерны были для несториан (Марков С., 1976, с.42-45; Ру, 2004, с.197; Костюков, 2003, с.125).

Ситуация вновь коренным образом изменяется в конце 1480-х гг., когда Шейбани-хан и его брат, внуки Великого хана Абу-л-Хайра, стали новыми претендентами на объединение Дешта. Махмуд бен Вали пишет о том, что «... когда в областях Дашт-и Кипчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов ... собралась под сенью знамени могущества царевичей» (Материалы, 1969, с.353). В это же время они разгромили потомков Едигер-хана, в частности Буреке.

Сибирские легенды позволяют предположить, что тогда же был организован поход на Сибирский юрт, замаскированный под цели исламизации территории. В легенде рассказывается, что против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана из Среднего улуса совместно выступили хотаны (татары), ногаи, кара-кыпчаки и остяки, то есть представители наиболее крупных племен юрта. Несмотря на это, война было проиграна, однако привела к началу активной исламизации Сибирского юрта (лишь остяки окончательно бежали в леса и остались язычниками), однако сам Шейбани-хан ушел (Катанов, 1904, с.18-28). К важным последствиям этого похода можно отнести значительное расширение в Тюменском юрте торговых полномочий среднеазиатских купцов, которые, возможно, финансировали поход (Зияев, 183, с.17). Из тех же сибирских легенд известно, что сам Шейбани-хан получил почетный титул Валихан (святой царь), что увеличивало его авторитет в среде мусульман вдобавок к традиционному влиянию рода Чингизидов (Бустанов, электронный вариант).

По всей видимости, Шейбани, не получив поддержки сибиряков и не надеясь более на помощь среднеазиатских городов, вынужден был отступить. По материалам родословной башкир племени табын был сделан вывод, что они также отступили на север из Тоболо-Иртышского междуречья после борьбы Ибак-хана с Шейбани-ханом (Исхаков, 2002-б, с.177-178). Впрочем, это не единственная версия, объясняющая уход этого племени. В шеджере говорится о том, что потомки основателя клана табын Асади-бий и Шикарли-бий «очутились под властью хана Шейбанида - Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала» (Усманов, 1982, с.81). Очевидно, что данное столкновение между двумя Шибанидами привело к внутренней напряженности в Тюменском юрте, разрешение которой было найдено с помощью внутреннего террора. Определенные внутренние проблемы могут быть подтверждены и еще одним фактом: «И с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммад Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» (Материалы, 1969, с.26). Активный уход людей от Ибака в 1480-е гг. может быть связан с тем, что в это время хан в основном занимался внутренними делами и не мог обеспечить всех союзников стабильной добычей от внешних походов. Однако в дальнейшем Шейбани не обращал больше внимания на северные дела, занимаясь укреплением собственного улуса в Средней Азии. Нельзя не отметить того факта, что ни в одном из многочисленных трудов среднеазиатской шибанидской историографии, подробно описывающих жизнь Шейбани и его брата, нет прямого указания на этот северный поход, события которого в основном реконструируются по данным сибирских легенд. Возможно, в данном случае в рамках одной позднесредневековой легенды видны отголоски нескольких событий, в том числе реального столкновения Шейбани и Ибака, произошедшего гораздо раньше. Нельзя не отметить и того, что сам Ибак-хан был к этому времени мусульманином, что отражается как в его титуловании в грамоте «яз - бесерменский государь» (Посольские, 1995, с.20), так и в самом имени - Ибрахим. Очевидно, что и само население Западной Сибири также было частично ислаимизировано к этому времени (Костюков, 2003, с.120-130; Маслюженко, 2006-б, с.90-93).

Возвращение Ибак-хана на международную арену связано с событиями вокруг казанского престола. Причем, на наш взгляд, нет резона говорить о том, что в основе длительного отсутствия Ибрахима лежит его размолвка с ногайскими мирзами из-за фигуры беклярибека, в качестве которого был поставлен брат Ибака Мамук (Трепавлов, 2002-а, с.115). В основе этого предположения лежит сохранившееся в «Литовской метрике» письмо крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV о событиях 1481 г.: «Генваря месяца у двадцать первы пришед цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришед, Ахматову орду потоптали, Ахмата царя умертвили...» (Сборник, 1866. с.29). По предположениям, в этой грамоте на втором месте указан брат Ибака Мамук, к которому приписан титул князя, что может рассматриваться как назначение его на пост беклярибека. Однако, на наш взгляд, здесь все не так просто. Во-первых, титул «князя» во всех известных случаях

подчеркивал нечингизидское происхождение соответствующего лица (Горский, 2005, с.81). Наделение таковым представителя правящей династии может считаться делом исключительным. Во-вторых, титул беклярибека в известных источниках, как правило, пишется как «князь князей» (ПСРЛ, 1965-б, с.250). В данном случае существующая оговорка связана, скорее всего, с незнанием литовскими переписчиками неких степных реалий. При этом постанова в тексте на второе место брата правящего хана не является чем-то исключительным, поскольку Ибак и Мамук в большинстве документов упоминаются совместно, и к тому же любой чингизид по своему происхождению и статусу был бы выше ногайского мурзы, что весьма актуально для средневековой деловой переписки. Кроме того, если согласится с предположением В.В.Трепавлова о том, что в данном письме допущены переписчиками ряд неточностей (Трепавлов, 2002-а, с.115), то резонно предположить, что титулы располагались следующим образом: Ибак назван шибанским царем, Мамук - султаном, то есть не правящим членом царского рода, а следующий за ним Обат (т.е. Аббас) - князем. При этом следует учитывать, что на тот момент Аббас на самом деле был лидером ногайского объединения.

Поводом к указанному возвращению был поход русских войск на Казань в 1487 году и ссылка правившего там хана Али (Худяков, 1991, с.47-48). Вмешательство Москвы в дела одного из крупнейших наследников Золотой Орды серьезно затрагивало интересы всех его соседей, в частности разрывало единство торговых путей, необходимых для нормального функционирования большинства кочевых коллективов. Кроме того, лидеры ногаев считали это вторжением в непосредственную зону интересов, учитывая существование многочисленной проногайской партии в этом городе. По сути, для Тюменского ханства все эти факторы также были важны. Например, нам известно, что в Казани были Тюменские ворота, свидетельствующие о важности этого направления в торговле (ПСРЛ, 1965-в, с.205). Западное направление в торговле было чрезвычайно важным для Тюменского ханства, что, в частности, может быть подтверждено отрывочными сведениями о том, что еще в 1475 году устюжские торговые люди посещали Чимги-Туру, составляя конкуренцию казанцам (Батраков, 1958, с.12).

Рассмотрим подробнее сохранившиеся документы данного этапа русско-ногайско-тюменской переписки. Первое письмо от Ибак-хана пришло в Москву в ноябре 1489 года, вместе с грамотами от Мусы и Ямгурчя. В одном из изданий оно получило название «... о продолжении дружбы и союза» (СГГД, 1894, с.6), что говорит о наличии такового в предыдущее время, в частности в 1487 г. (Файзрахманов, 2002, с.133). В нем говорится: «От Бреима царя великому князю, брату моему, поклон. Яз - бесерменский государь, ты - христианский государь, от сех мест меж бы нас добродетель бы наша была» (Посольская, 1984, с.18). Подобная титулатура подчеркивает равноправный статус Ибака и Ивана, который характерен для всего последующего периода. Далее в письме излагается просьба вернуть еще одного «брата» (в данном случае это выражение также отражает именно политический статус) казанского хана Алегамы, причем в пись-

ме есть элемент угрозы: «впрок братом захочешь бытии, мне моего брата ко мне отпусти» (Посольская, 1984, с.18). Несмотря на это, Иван III отвечает, что Алегам нарушил братство с русским царем, за что его и покарали. Кроме того, в ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» (Посольская, 1984, с.21). Причем указывается, что и Ивак (так в письме) с мирзами и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством. Кроме того, предлагается для продолжения союза все награбленное вернуть (Памятники, 1884, с.83-84). Также Иван III требует казнить всех беглых казанцев. В письме указывается, что, если «Ивак царь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магмед-Амином царем (ставленник Москвы на казанском престоле. -Д.М.), и мы с ним дружбы и братства хотим», то же самое говорится и в отношении ногайских мирз (Посольская, 1984, с.22).

Таким образом, первый виток переговоров сохранил тот «статус кво», который образовался после вмешательства Москвы в казанские дела. Однако, было очевидно, что выход из ситуации продолжат искать как сибирские, так и ногайские дипломаты. Уже осенью 1490 г. Иван III дает согласие на брак дочери ногайского бека Мусы с казанским ханом Махмет-Амином, что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей хана Ахмада (Памятники, 1884, с.89). Практически в то же время, в октябре 1490 г., в Москву приезжает новое посольство, причем в нем были представители тех же Мусы и Ямгурчя, но вместо Ибак-хана «Абелек Аминек царя», то есть потомков Едигер-хана. В грамоте Ямгурчя говорилось, что «еще Алгазыя просишь: Алгазыя я не видал, с Ибраимом с царем к Тюмени поехал, от тех мест у Ибреима царя в Тюмени живет» (Посольская, 1984, с.33-34). Исходя из этого сообщения, ясно, что Ибак-хан кочует отдельно от ногаев у Тюмени вместе с частью казанцев. В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в части летописей как «казанского царя» (Трепавлов, 2007-а, с.101).

Все это может свидетельствовать о некотором охлаждении ногайско-тюменских отношений, возможно, по причине того, что ногайские мирзы готовы были идти на уступки, в частности вернуть полон. Это проявилось и в упомянутых выше брачных переговорах о заключении брака между казанским ханом и дочерью ногайского бека Мусы. В этом отношении Ногайская орда, территория которой была расположена ближе к русским границам, потенциально находилась в более сложной ситуации, чем далекое Сибирское ханство. Отметим, что до 1490 г. явных следов раскола в ногайско-сибирском союзе мы не находим. В данном случае фигура нового царя из династии Шибанидов (из потомков Едигер-хана) выглядит компромиссом между Аббасом и Мусой (Трепавлов, 2002-а, с.116-117).

Но уже в 1491 году ситуация, судя по материалам переписки, вновь измени-

лась. По сообщениям слободских татар, посланных Иваном III к Мусе, Опаск-князь (Аббас, дядя Мусы) и Ямгурчей с мирзой Мусой «не в миру». В результате первые «... послали в Тюмень по Ивака по царя, и зовут его к себе... Ногаи кочуют под Тюмень против Ивака. А Ивак... идет к ним по их речем» (Посольская, 1984, с.46). Видимо, размолвка между ногайскими лидерами была связана с разными подходами к решению казанской проблемы. В этот же период Москва вновь требует вернуть все награбленное в Казани, к тому же привлекает к переговорам представителей крымского хана Менгли-Гирея (Памятники, 1884, с.128). По мнению В.В.Трепавлова, вскоре после этих событий Аббас-князь умер, и Муса вновь вернулся в Орду, но теперь уже в качестве старейшего из всех потомков Едигея. Он вновь обратился к Ибак-хану. В результате он, не желая ссоры с Москвой, сумел остановить совместный ногайско-сибирский поход на Казань, который был организован Ямгурчи и Ибаком при посредничестве казанских беглецов (Посольские, 1995, с.47; Трепавлов, 2002-а, с.118).

Видимо, после этих событий на некоторое время переписка была прервана. Однако в 1493 году степи, занимаемые Ногайской Ордой, пережили тяжелую зиму, в результате которой умерло много людей (Памятники, 1884, с.180). В том же году из Крыма в Москву сообщили, что «нагаи Муса и Ямгурчей мурзы Ивака да Мамука цари учинити идут, к Астрахани было пошли, и как слышавши назад к Тюмени покочевали...» (Памятники, 1884, с.168). Причины этого похода могли быть связаны как со стремлением ногаев поставить столицу Большой Орды под свой контроль, сменив там правителей, так и с окончательным уничтожением наследников хана Ахмада и желанием Ибак-хана взять в свои руки большую часть улуса Джучи (Зайцев, 2004, с.48-49).

Таким образом, ногаи и сибирские Шибаниды вновь попытались организовать совместный поход с целью повторить успех периода разгрома Большой Орды, причем Ибак-хан здесь выступает совместно со своим братом Мамуком, который в цитируемом документе, в отличие от других источников, имеет такой же титул, как и сам Ибак. В то же время, в грамоте, датированной ноябрем 1493 г., от Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею указывается: «...царь Ивак и брат его Мамук и все князи пошли на орду» (Памятники, 1884, с.206), то есть на момент похода царем был только Ибак. Существует предположение о том, что войска повернули от владений потомков Ахмад-хана, поскольку к ним не подошли на помощь крымчаки (Трепавлов, 2002-а, с.118). Такая причина не лишена своей внутренней логики, поскольку еще в 1491 году ногайские лидеры Муса и Ямгурчи пытались договориться с крымским ханом Менгли-Гиреем о союзе против наследников Ахмада (СГГД, 1894, с.14). Однако реальная причина отступления нам неизвестна, поскольку сомнительно, чтобы ногаи, обладавшие на тот момент весомыми силами, нуждались в крымской помощи для взятия города. Возможно, что это событие увязывается с малоизученными аспектами отношений постзолотоордынских государств Поволжья с Крымом и Османской империей как представителей единого пространства мира ислама.

Несмотря на провал этого похода, в том же году от Ибак-хана в Москву при-

шло еще одно письмо: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Саинский... стул взял... на отцов юрт к Волге пришед стою», и, кроме того, содержалась просьба опять вернуть Алегаму (СГГД, 1894, с.14). В данном случае в письме, на наш взгляд, отражаются скорее события 1481 года, о которых Ибак-хан напоминает русскому царю, чем реальные результаты астраханского похода, которые могли быть представлены в Москве в невыгодном свете. По всей видимости, в том же году хан пытался восстановить и московский выход в пользу Орды, но получил лишь одномоментную, хотя и крупную теш (Нестеров, 1988, с.140). Впрочем, после этих событий имя Ибака больше не упоминается в русско-ногайской переписке, что косвенно может свидетельствовать об отказе ногаев поддерживать политику Ибака, ориентированную на обострение отношений с Москвой.

Из-за постоянных неудач во внешней политике, в родном улусе, включившем в свой состав и часть северной лесостепи на границах с тайгой, в 80-90-х гг. XIV века Ибак-хан испытывал ряд проблем, часть которых в отношении башкир мы уже упоминали. Постоянные неудачи вели к разочарованию местной знати в его политике, а забвение внутренней политики - к увеличению ее самостоятельности, что напрямую связано с дискуссионным вопросом о роли Тайбугидов в истории сибирской государственности. Неудачи во внешней политике повлекли за собой организацию заговора местной знати во главе с Тайбугидами. В результате переворота Ибак-хан был убит сыном Адера Маметом или Мухаммадбеком: «князь Мамет воста после смерти отца своего з ближними своими на казанскаго царя Упака» (ПСРЛ, 1987, с.118). Традиционно убийство принято датировать 1495 г., однако еще исследователи XIX в. сомневались в этом (Оксенов, 1888-б, с.15), ведь последнее упоминание Ибак-хана в посольских документах относится к 1493 году. В результате этого в некоторых работах убийство Ибак-хана относится именно к этой дате (Frank, 1994, p.14).

2.3. Сибирские Шибаниды и Сибирское княжество Тайбугидов: «между молотом и наковальней» (конец XV- середина XVI вв.)

Убийство Тайбугидом Маметом Ибака, с нашей точки зрения, не означало гибели Тюменского ханства и появления на его месте Сибирского княжества Тайбугидов. Так, еще А.Оксенов, сомневаясь в правильности подобного рода предположений, писал: «Мамет... чувствуя себя достаточно могущественным, чтобы отделиться от Сибирского ханства, он ушел из города Чингидима на р.Иртыш, где и основал княжество, если не совершенно независимое, то только номинально признававшее верховенство ханского Ибакова рода» (Оксенов, 1888-б, с.15). Как показали дальнейшие события, в территориальном плане Шибаниды потеряли лишь ту территорию, которая была присоединена при Ибаке на севере юрта. Гораздо более ощутимой стала потеря авторитета и окончательный переход на положение «марионеточных» ногайских ханов, что определяло и новые тенденции их политики. По предположению исследователей, при наследнике

Ибака Мамук-хане Сибирские Шибаниды потеряли значительную часть территории и пытались захватить новый юрт в степях Казахстана (Бояршинова, Степанов, 1968, с.364). Скорее всего, лесостепь Западной Сибири была поделена на две части между Шибанидами и Тайбугидами. В ином случае не совсем понятен первый поступок князя Мамета. Летописи сообщают, что «по сем... Мамет... град свой Чингиден разруши» (ПСРЛ, 1987, с.47), хотя здесь, скорее, следовало бы говорить не столько о разрушении, сколько о забвении старого центра со стороны Тайбугидов. Кроме того, в его правление пресекаются и владения на Ишиме с центром в Кызыл-Туре (ПСРЛ, 1987, с.108). Первое было сделано для того, чтобы дистанцироваться от ханских владений Шибанидов и союзных им ногайских земель, а второе могло быть вызвано расширением казахской территории. Мамет уходит вглубь сибирской земли, где поставил град Сибирь (ПСРЛ, 1987, с.47), также известный как Искер или Кашлык (последнее название может быть близко к «кишлак» - зимняя стоянка). В любом случае территория Сибирского княжества была не велика по размеру по причине присутствия многочисленных внешних врагов. Причем, по данным раскопок, их автором был сделан вывод о том, что Искер был построен в конце XV века, и до этого на его месте других городищ не было (Зыков, 1998, с.22-24). Тем самым Тайбугиды старались дистанцироваться от сложившихся в Сибири чингизидских традиций, в рамках которых ведущим городом считалась Чимги-Тура.

Практически в то же время в Сибирском юрте начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с Мамук-ханом. По мнению В.В.Трепавлова, он был провозглашен ханом сразу же после смерти Ибака (Трепавлов, 1997, с.183). Необходимо заметить, что при подготовке подобного похода Мамук должен был знать о стабильности тыла, а следовательно, на тот момент столкновений с Тайбугидами просто не было. Военные действия во многом были спровоцированы казанскими князьями Кальметом и Ураком (Летописец, 1850, с.9), ведь и до того лидеры восточной партии это ханства неоднократно пользовались поддержкой Ибак-хана. В результате похода Казань была взята в 1496 году. Об этом сообщает и «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1495) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» (ПСРЛ, 1965-в, с.242-243). Однако выбор претендента был весьма неудачен, царевич не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, полностью отличных от специфики сибирских политических объединений. В результате царевич бежал в Сибирь с частью оппозиционеров во главе с казанским князем, одним из лидеров восточной партии, Ураком (Худяков, 1991, с.53-54). Считается, что по возвращению в родной юрт Мамук возглавил Сибирских Шибанидов (Бояршинова, Степанов, 1968, с.364; Нестеров, 1988, с.15). Однако на самом деле о его деятельности более ничего не известно, и после провала похода в источниках он не упоминается. В этом отношении интересно замечание Е.Ю.Молявиной, которая обнаружила в «Июсафовской летописи» информацию, отсутствующую в

остальных источниках подобного рода, о том, что хан Мамук «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» (Молявина, 2006, с.68). Тем самым реальное отсутствие следов его деятельности в более поздних источниках вполне может быть объяснено фактом его смерти на обратном пути из Казани.

Очевидно, что поход на Казань был следствием внутринагайских разногласий. В частности, Муса, как это следует из его письма к Великому князю московскому, пытался остановить своего брата Ямгурчи, бывшего инициатором похода (Посольские, 1995, с.47). Провал похода не только означал победу прорусской партии в Казани и Ногайской Орде, но и на некоторое время разрывал сложившуюся традицию ногайско-сибирских связей (Трепавлов, 1997, с.183). Самим фактом похода был недоволен и могущественный крымский хан Менгли-Гирей и его жена царица Нурсултан, чей сын Махмед-Амин был ханом казанским. Так, в своем письме от 1497 г. великому князю Ивану III они пишут о Мамуке: «Ино то нам лихое имя, а тебе брату моему великая истома», а далее называют его «недругом» (Памятники, 1884, с.236). Таким образом, вмешательством Мамука в казанские дела оказались недовольны большинство наиболее сильных тогда объединений, среди которых особо выделялось Московское государство, Ногайская Орда и Крымское ханство.

Отсутствие данных о деятельности Сибирских Шибанидов в самом конце XV века позволяет нам обратиться к вопросу о сущности власти Тайбугидов в Сибири. Как мы уже говорили ранее, династия возводится к некоему Он-Сом-хану, который правил в эпоху Чингис-хана. После его смерти его наследнику Тайбуге Чингис-хан дал отряд, с которым он сумел захватить значительные территории по Иртышу и Оби. Летописи сообщают, что «... Тайбуга основал Чингиден на Туре (т.е. Чинги-Туру. -Д.М.). По нем же княжил сын его Ходжа, по сем Ходжин сын Мар» (ПСРЛ, 1987, с.46-47). Считается, что в летописях не сохранилось всей родословной данного рода. А.Г. Нестеров указывает, что остались лишь имена основателей рода Он-сом-хана и Тайбуги, а также его последних представителей (Нестеров, 1999, с.56). Существует предположение, что Тайбугиды правили в Сибири несколько столетий и их права там пользовались большой поддержкой (Файзрахманов, 2002, с.138). Однако, на наш взгляд, поиск этих потерянных поколений бесперспективен, поскольку личности основателей рода были во многом мифологизированы, а реальное начало независимой династии следует искать в описанных нами событиях середины XV века. При этом отметим, что история династии в ряде летописей, в том числе Забелинской редакции Сибирских летописей, связывается с Ишимом, но одновременно подчеркивается тот факт, что Тюмень также была основана ими (ПСРЛ, 1987, с.118).

Поясним свою точку зрения. По своему статусу, зависевшему от титула владетеля, новое политическое объединение был всего лишь княжеством, что уравнивало его с Ногайской Ордой, но ставило, особенно во внешней политике, ниже ханств и иных объединений Чингизидов. Большинство сибирских политий этого периода имели такой же статус, как, например Обдорское или Кодское княжества. Причем этого было вполне достаточно для региональной деятельности или

в переговорах с Москвой в конце XV века. Однако Тайбугиды, придя к власти в результате переворота и находясь на границах со степью, оказывались в принципиально иной обстановке и окружении, где большинство их соседей являлись наследниками Чингизидской (ханской) традиции государственности. Естественно, что для Тайбугидов необходимо было этот статус уравнять, что особенно характерно для середины XVI века, когда сибирские князья начали активную внешнеполитическую деятельность, в частности переписку с Москвой. Русские дипломаты, особенно внимательные к титулатуре руководителей кочевых политий, позднее, намекая на неравноправие статусов, в переписке царя Федора I с Кучум-ханом указывали: «... после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князь Табучи на роду Магмет князь, а после него Кадый князь...» (Грамота, 1998, с. 11). Кстати, отметим, что данное письмо, датированное 1598 г., является первым упоминанием родословной Тайбугидов, в том ее виде, в котором она в дальнейшем известна из различных редакций «Сибирских летописей». В этом отношении XVI век - это период легимизации Российского государства, а конец указанного столетия - период политического кризиса, приведшего к Смутному времени, и это время обостренного внимания местной аристократии к собственным генеалогиям.

Для того чтобы уравнять свой статус с соседями, Тайбугидским бекам необходимо было предпринять ряд идеологических маневров. Заметим, что в этом отношении они были не одиноки. Вопреки всем обычаям, в соседней с Сибирским княжеством Ногайской Орде сумели утвердиться не-Джучиды, а потомки золотоордынского военачальника беклярибека Эдиге из племени мангытов. Естественно, что он не мог быть признан соседними государствами Джучидов равновеликим государем. Выход был найден за счет составления фантастической версии происхождения Эдиге от халифа Абу Бекра, тестя и преемника Пророка, через святого проповедника Ходжа - Ахмеда Баба - Туклеса. В мусульманском обществе, каковым в то время было значительное большинство населения постзолотоордынских государств, такое обоснование легитимности власти могло быть вполне приемлемым (Трепавлов, 2001-а, 177). Права Чингизидов на власть в степях Евразии были настолько непререкаемы, что даже в надписи на надгробном камне Тимура, сына барласского эмира Тарагая и разрушителя Золотой Орды, появляется подложная генеалогия, сближающая его с генеалогической линией Чингис-хана (Якубовский, 1992, с. 12).

Однако для того, чтобы понять смысл легитимации власти в древних обществах, обратимся к политологам. Они утверждают, что «развитие убедительной формы легитимации исключительно важно для установления более сложных форм лидерства», но при этом «легитимность лидера в первую очередь базируется на вере его людей» (Классен, 2006, с. 78). Другой специалист по этим проблемам Р.Л. Карнейро считает, что «идеология играет роль в провозглашении и поддержании авторитета верховного вождя после того, как его власть была установлена силой оружия... такая идеология может со временем проникнуть так глубоко в традиции вождества, что скроет и исказит его истинные черты» (Карнейро, 2006, с. 222).

Таким образом, легитимация власти явно была важным признаком существования любой политики, по крайней мере, на догосударственной стадии. Отметим, что фактически все династии средневековья начинали с узурпации власти. В этом случае они сталкивались с необходимостью обосновать свое право на завоеванные властные полномочия, в частности через родословную, часто специально фальсифицированную. В кочевых обществах средневековья одной из главных ценностей всегда выступала принадлежность к определенному роду, его происхождение и знатность. Часто именно это определяло право того или иного рода на власть, которая утверждалась, таким образом, не только реальной силой семейного объединения, но и определенными методами влияния на духовную сферу общества. Знание своей и чужой генеалогии было для кочевников обязательным условием жизни, о чем упоминает и автор «Сокровенного сказания» от лица Чингис-хана (Козин, 1941, с. 161). Человеку «без рода» сложно было рассчитывать на высокое положение в степи.

Подобной традиции была не чужда и монгольская имперская идеология. В частности, интересно, что сам Темуджин (будущий Чингис-хан), по всей видимости, не имел прав на высшую ханскую власть, ибо его отец и дед носили лишь титул бахадура. Е.И. Кычанов, подробно рассмотрев генеалогию Темуджина как «природного хана», отмечает, что он «был не из самых знатных по происхождению...» (Кычанов, 1995, с. 84). Чтобы легализовать его права, было предложено родословие о происхождении его отца от последнего монгольского кагана Хутули-кагана (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 176). Скорее всего, это в целом соответствовало истине, но нужно было учитывать, что Темуджин принадлежал лишь к боковой ветви рода, которая никогда не носила высшего ханского титула. В целях сакрализации власти вводилась и легенда о Алан-Гоа, матери Бодончара, предка Чингиза, которая родила сыновей от светло-русого человека с неба (бога Тенгри) (Козин, 1941, с. 80). Кроме того, сравнительный анализ «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина позволил С.В. Дмитриеву сделать любопытный вывод. Автор считает, что в конце XII века за верховный ханский престол в монгольской степи в основном боролись представители кераитской династии, к которой Темуджин не принадлежал, хотя реально обладал гораздо большей силой и властью. В результате разумной политики он был усыновлен главой кераитов Ван-ханом, кроме того, была сделана и попытка заключения династийного брака Чжочи с кераитской принцессой Чаур-Беки. Однако даже после этого основным его соперником оставался сын Ван-хана Сангун, лишь гибель которого позволила Темуджину официально «короноваться». Даже после этого в летописях некоторое время упоминается личное благословение Ван-хана на это (Дмитриев, 1998, с. 25-27). Таким образом, в генеалогии самого Темуджина, оказавшего значительное влияние на изменение образа жизни средневековых кочевых обществ, изначально оказались переплетены все три случая фальсификации. Вполне естественно, что они были необходимы ему лишь на ранних этапах борьбы за власть, позднее же никем уже не оспаривались.

Анке фон Кюгельген выделяет шесть способов легитимации власти в коче-

вых объединениях: божественная; генеалогическая; электоральная; посредством ориентации на образец для подражания; посредством превосходящей силы или сохранения норм (Кюгельген, 2004, с.54-55). При желании количество этих способов можно увеличить и конкретизировать (см. например, Хазанов, 2006, с.484-485) Однако не все эти способы в равной степени были применимы для Тайбугидов, хотя достаточно длительное, по меркам средневековья, существование говорит о наличии божественной харизмы у правящих князей.

По всей видимости, специфика прихода новой династии к власти в результате убийства Ибак-хана не позволяла им легитимировать свою власть традиционным путем через беклярибекство при хане-Чингизиде, к которому обращались многие кочевые лидеры, например ногаи, до этого, хотя из некоторых оговорок в летописях можно сделать вывод о том, что именно к такому решению вопроса стремились уже упомянутый выше бек Ходжа Тайбугид, когда женил своего сына Мара на сестре хана Ибака. Подобным образом несколько позднее поступили и ногайские беки Муса и Ямгурчи. При этом нам неизвестно, проводились ли какие-либо выборы, как это отмечается, например, для Абу-л-Хайр-хана. Не могли они также обратиться к превосходящей военной силе, помощи престижной экономики и раздачи добычи внутри племенного союза. Последнее могло быть достигнуто с помощью удачных войн, что вряд ли было возможно при могуществе соседней Ногайской Орды и без помощи походов в Приуральскую часть России. Северные угорские княжества подвергались разорению, что отразилось и в фольклоре, но не были слишком богаты и не могли обеспечить достаточной добычей всех (Головнев, 1995, с.98). Очевидно, что для них способ повышения статуса оставался единственный: обоснование достойной генеалогии, дававшей право на самостоятельную политическую власть.

Именно сложности внутреннего управления приводили к поиску иных способов легитимации своей власти. Относительно удачными в этом направлении можно считать попытки Тайбугидов сфальсифицировать генеалогию. По крайней мере, население Тайбугина юрта в нее поверила, что и отразилось позднее в материалах татарских легенд, возможно, легших в основу сибирских летописей. На наш взгляд, фальсификация основывалась на устных народных преданиях, сохранивших реальные события степной истории XII-XIII вв., описанных нами выше, и включала в себя несколько уровней, на первом из которых основное значение имела фигура предка-основателя рода, который, кстати, единственный в династии упоминается с титулом хана. Обратим внимание на то, что эта генеалогия дошла до нас только в русских источниках, где впервые Тайбугиды упоминаются в связи с посольством князя Едигера в Москву в 1555 г.

Г.Ф. Миллер пишет: «На реке Ишима ... жил много лет тому назад один татарский князь или хан ногайского происхождения по имени Он, которому были подчинены не только живущие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные вогулы и остяки. Против него восстал один из его подданных по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны». Сын убитого хана Тайбуга спасся, а в дальней-

шем получил от Чинги покровительство и собственный двор на реке Туре (Миллер, 1937, с.189). Интересно, что в целом эта версия совпадает с общепринятой в русских, грузинских и армянских летописях XIII-XV веков, по которым Чингис считался лишь «генералом», поднявшим бунт (Дмитриев, 1998. с.28). Чрезвычайно схожая легенда излагается Роджером Бэконом в «Великом сочинении» XIII века. Он пишет, что у найманского царя и несторианского пресвитера Иоанна, часто встречающегося в европейских документах этого времени, был брат Унк. Он господствовал в г.Каракорум и пытался захватить «земли моалов». Когда Иоанн умер, то его брат стал именоваться Унк-хамом. «Среди моалов... был некий кузнец Цингис, который похищал и уводил скот этого Унк-хама». Он объединил вокруг себя всех монголов (моал в источнике), разбил хама, «и взял дочь Унка, и отдал ее сыну своему в жены», а после этого стал величаться Цингисхам. У сына вскоре родился сын, которого назвали Мэнгу, и он стал наследником Цингиса (Матузова, 1979, с.216-217). В целом схожесть приведенной легенды во многих регионах говорит о том, что Тайбугиды здесь вполне могли опираться на схожие версии событий пришествия Темуджина к власти.

Исходя из подобной легенды, Тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по своему происхождению, но даже имели преимущество над потомками Чингиса. Сам Чингис признавался разбойником, выступившим против своего хана, то есть узурпатором власти. В таком отношении борьба Тайбугидов могла быть признана восстановлением утраченных прав.

Если откинуть такие модернизации как ногайское происхождение хана и изменение территории, то в монгольской истории известно чрезвычайно похожее на приведенную легенду событие. В 1170-х гг. Темуджин обратился за помощью к керайтскому хану Тогрулу, который когда-то был другом и покровителем его отца Есугая, а также часто использовал военную силу монголов в своих интересах. Тогрул-хан признал себя названным отцом Темуджина и обещал ему помощь, то есть Темуджин был, по сути, в вассальных отношениях с Тогрул-ханом. В дальнейшем они неоднократно вместе выступали против врагов, в частности за совместную помощь цзиньскому правительству против татар Тогрул получил титул Ван-хана, под которым и известен в дальнейшем. Однако вскоре после этого союзники поссорились, в 1203 году армия Ван-хана (Он-хана по «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина) была разбита войсками Темуджина, получившего к тому времени признанный многими татарскими племенами титул Чингисхана. Ван-хан бежал и был убит (Гумилев, 1994, с.214).

Атрибутация Он-сом хана и Ван-хана уже рассматривалась в литературе (Г.Ф. Миллер, Л.Н. Гумилев, С.В. Бахрушин, В.Д. Пузанов). Однако при этом никем, кроме В.Д. Пузанова и Аллена Франка, не поднимался вопрос: в чем был смысл привлечения настолько далеких событий в собственную шеджере (Пузанов, 1997, с.72-73; Frank, 1994, p.20). Приведенные сюжеты настолько схожи, что напрашивается вывод, что Тайбугиды специально заимствовали данные события для обоснования своих прав на власть в Сибири. Скорее всего, само родство

с Ван-ханом для Тайбугидов было полностью фиктивным. Причем, судя по всему, подобные легенды были широко распространены в степи и должны были быть знакомы, например, найманам или уйгурам, которые составляли часть населения южной лесостепи Западной Сибири. Напомним, что в самой Чимгитуре еще при Абу-л-Хайр-хане находились потомки людей из непосредственного окружения Ван-хана кераитского. Некоторые исследователи предполагали, что сибирские татары могли адаптировать эту легенду под влиянием казахских племен, среди которых выделялся род керейтов (Frank, 1994, p.8).

Однако приведенная здесь фальсификация несколько сложнее по своей структуре и отнюдь не прямолинейна. В качестве дополнительной версии в тех же легендах говорилось о том, что сам Чингис-хан «воздал ему (т.е. Тайбуге. - Д.М.) почести. Он получил от Чингиса войско и захватил много чуди по Иртышу и Оби» (ПСРЛ, 1987, с.47). Суть в том, что в этой части информация говорит о том, что сам основатель Монгольской империи дал права на управление сибирскими землями Тайбуге, то есть идет обращение к чингизидской традиции в степной идеологии. Любопытно, что в Есиповской редакции, которую исследователи считают одним из ранних вариантов сибирских летописей, говорится о том, что по возвращению Тайбуги из сибирского похода Чингис не только доверил ему земли в управление, но «и дочь свою даде за него в жену» (ПСРЛ, 1987, с.118). В результате Тайбуга становился гургеном, то есть членом ханского рода по женской линии. В данном случае Тайбугиды отсылали к вполне реальной политической традиции, принятой еще Чингис-ханом, родства через брак. Причем, по предположению П.О.Рыкина, важен был сам факт обмена, который также подразумевал дальнейшую лояльность правителя по отношению к Монгольской империи (Рыкин, электронный вариант).

Далее следует еще более любопытная фраза: «и царь Чингис умер бездетне, только имел единую дочь. И по смерти своей царь приказал все свое имение зятю и дочери» (ПСРЛ, 1987, с.118). Тем самым еще раз идет отсылка к тому, что земля эта была завещана Тайбугидам по указу Чингис-хана, причем в данном случае подразумевается, что это был его единственный родственник по мужской линии. На наш взгляд, близка к этому сюжету легенда, приведенная в «Подлинном родослове Глинских князей», записанном в Москве в начале 1520-х годов. Согласно этому документу, род киятов был перебит Чингис-ханом, однако позднее он выдал свою дочь за одного из последних его представителей, а сам умер бездетным. Отсюда произошел Мамай и его далекие потомки князя Глинские, а следовательно, по женской линии Иван IV. Хотя наша трактовка сюжета отличается от позиции В.В. Трепавлова, но основной материал был взят из его статьи (Трепавлов, 2007-в, с.319 и далее).

Напомним, что мы уже указывали на то, что все эти события, по данным летописца, произошли непосредственно после захвата монголами Бухары. В этом отношении весьма любопытно было бы сравнить эти материалы с еще одной легендой, согласно которой в Сибири около 1523-1524 гг. действовала бухарская мусульманская религиозная миссия, в результате которой местное население

подняло восстание и ушло в верховья Иртыша. Не менее любопытно, что вторую такую миссию возглавил некий Тай-буга-бий, который был сыном бухарского хана (Дмитриева, Муратов, 1975, с.40-41). Отношение к этому сообщению двойственное, в частности потому, что большая часть информации не поддается проверке каким-либо среднеазиатским источником. В то же время в рамках нашей версии о специальной фальсификации генеалогии сибирского княжеского рода она могла бы рассматриваться в качестве третьего уровня, где местные идеологи обращаются уже к исламским традициям. Кстати говоря, здесь мы вновь, как и в отношении Ходжи, находим упоминание бухарского хана. Нам кажется, что сюжет о связях Бухары и Тайбугидов еще не нашел своего исследователя и не все в нем объяснено на должном уровне, особняком здесь стоит информация о воспитании последнего представителя сибирской княжеской династии Сейдяка также в Бухаре, в доме некоего сейида.

Таким образом, на наш взгляд, упоминание в качестве основателей династии Он-сом-хана и Тайбуги несло под собой не реальные знания генеалогии, а было идеологической попыткой различными способами обосновать законность власти сибирских князей, пришедших к власти в качестве законного хана, в Искере. Предложенная схема может казаться чрезвычайно громоздкой, однако руководители средневековых политий стремились подобрать как можно больше аргументов в подобных известных нам случаях, даже несколько перенасытив создававшиеся по их заказу хроники (подробнее сам.: Кюгельген, 2004).

В целом, еще раз отметим, что нет резона искать какие-либо потерянные поколения между основателями династии Он-Сом-ханом и Тайбугой и реальными политическими деятелями второй половины XV века, вставшими во главе Сибирского княжества. Обратим внимание на тот факт, что Тайбугиды были не одиноки в своих начинаниях. Фактически в то же время (около 1480 г.) архиепископ Вассиан пишет послание Ивану III, в котором объявляет хана Большой Орды Ахмата самозванным царем, но не по причине его самозванства (как это можно было делать, например, с фигурой темника Мамай), а по причине не царского рода самого Бату и его деда Чингис-хана. В данном случае в ханском достоинстве отказывают всем Чингизидам (Горский, 2001, с.146-147). Недаром же и в «Сибирских летописях» Чингис чаще всего упоминается без своего ханского титула. В целом мы сталкиваемся с блоком весьма схожих представлений, распространенных в идеологии ряда народов Евразии. В завершение этой темы отметим, что и европейские правители не чуждались иметь в арсенале своих методов борьбы за власть значимых для страны предков (например, Александр Македонский возводил род к Гераклу, а Генрих Тюдор - к королю Артуру) (Барг, 1979, с.109; Молчанов, 1991, с.139). Один из исследователей проблем генеалогии средневековых династий пишет, что мотив пришествия правящей династии извне особо подчеркивал их «инаковость» и становился одной из основ и оправданий их власти (Пчелов, 2001, с.56).

Однако вернемся к историческому контексту рассматриваемых событий. В целом для конца XV-начала XVI в. можно говорить о существовании в Сибири

одновременно двух политий: Тюменского ханства Шибанидов и Сибирского (Искерского) княжества Тайбугидов. Д.М.Исхаков в этом отношении высказывает вполне разумные сомнения в том, что до событий 1505-1511 гг. последнее объединение могло быть полностью независимым (Исхаков, 2004, с.20).

По всей видимости, княжество представляло собой непрочный конгломерат владений татарской и угорской знати типа сложного вожества. Хотя у нас нет данных об его административном устройстве, можно предположить, что оно мало отличалось от традиционного для постзолотоордынских государств пути. Скорее всего, Мамету как верховному правителю была подчинена сравнительно небольшая территория по верхнему Тоболу и Иртышу, где позднее обитал т.н. «Тайбугин юрт» (Трепавлов, 2002-а, с.325). В целом княжество состояло из отдельных улусов беков и мирз, где власть князя - Тайбугида была сравнительно невелика. Причем их улусы часто были гораздо более значительными и сильными, чем самого князя, что могло привести к внутренней независимости подобных территорий. Такая ситуация, как будет видно далее, сохранялась и при Кучум-хане. При этом нельзя забывать, что население улуса было полиэтничным, и, скорее всего, бывшие вожди племен сохраняли свои территории, находясь лишь в формальной зависимости от столицы и делегируя Тайбугидам право внешнеполитической деятельности, о которой нам почти ничего не известно.

Коренным отличием, на наш взгляд, было не столько само устройство княжества, сколько более низкий, в сравнение со временем Шибанидов, статус его верховного владетеля, что потенциально несло в себе угрозу раскола. В этом отношении напомним, что даже Абу-л-Хайр-хан не сумел подчинить племенную элиту, а он принадлежал к Чингизидам, чей авторитет был непререкаем в большинстве государств евразийских степей того времени. Тайбугиды не имели ни материального, ни духовного инструмента подавления, хотя и пытались разработать рассмотренную выше единую идеологию. При этом среди смешанного угорского и татарского населения княжества сохраняются традиции строительства городищ и крепостей, каждая из которых становилась оплотом «вождей» различного уровня, могущих противодействовать политике «центра». Их реальное объединение было возможно лишь при благоприятной внешней обстановке и удачливой политике князей. Все эти внутренние условия, сформировавшиеся при Тайбугидах, оказали позднее значительное влияние на степень устойчивости Сибирского ханства Кучума перед внешней опасностью.

Несмотря на все эти замечания, Тайбугиды не только сумели закрепить за собой престол, но и в течение почти пятидесяти лет передавать власть внутри своего рода. «По князе же Мамете княжил Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Едигер, Бекбулат» (ПСРЛ, 1987, с.48). В Лихачевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми (ПСРЛ, 1987, с.119). Причем очень часто эта информация игнорируется, а ведь она является важным свидетельством значительной внутренней нестабильности внутри Сибирского княжества. Убийство

князя Казыма было проявлением недовольства в той форме, которая в государствах Чингизидов осуществлялась, как правило, при участии равного по происхождению претендента, подчеркивало особенности статуса владельца, его зависимость от местной аристократии и возможность появления противоборствующей партии при складывании удобной для этого ситуации. Жесткая политика новой Казыма позволила Тайбугидам сохранить свою власть.

Почти все время своего правления Тайбугиды пытались укрепить свое положение, как во внешней политике, так и внутри улуса (особенно после истории с князем Казымом). Низкий политический статус княжества не позволял им проводить полноправные политические переговоры с такими соседями, как Казанское и Казахское ханства или Шибанидская Бухара. Более близкая в этом отношении Ногайская Орда имела в Сибири свои интересы, особенно активно поддерживаемые в период сохранения власти Шибанидов в Чимги-Туре, да и в дальнейшем считая данный юрт своим. В период правления ближайших наследников «ногайского царя» Ибак-хана именно они были проводниками ногайских интересов в Сибири, только после провала их политики у лидеров Ногайской Орды появляется интерес к расширению контактов с Тайбугидами. Скорее всего, первым время они ограничивались торговыми связями (Трепавлов, 2002-а, с.208).

На наш взгляд, особое внимание в истории западносибирской лесостепи этого периода следует обратить на роль Ногайской Орды, что связано как с ее постоянным контактом с тюменскими ханами, так и с прямым владением частью земли в упомянутом регионе. При этом обратим внимание, что, несмотря на военные силы ногаев, они вплоть до известных событий середины 1550-х гг. не стремились ликвидировать независимость Сибирского княжества. Косвенно это свидетельствует о незначительной роли данного объединения и отказе от его восприятия в качестве конкурентоспособного относительно ногаев и связанных с ними Шибанидов.

Несомненно, что длительное время внешняя политика ногаев была ориентирована на противодействие русскому влиянию в степи и удержание своей сферы влияния, в которую входила и Казань. Конечно, в этом отношении и на тот момент Сибирское княжество, значительно удаленное в северные леса, представляло малопривлекательную цель. К сожалению, нам достаточно мало известно о деятельности Шибанидов после провала Мамук-хана в Казани.

Однако источники сообщают, что в 1499 был совершен еще один неудачный поход из Тюменского ханства на Казань во главе с младшим братом Ибак-хана и Мамук-хана Агалаком-царевичем. Среди лидеров похода также называют ногайских биев Мусу и Ямгурчи (Трепавлов, 2002-а, с. 137), а также «князя казанских князей» Урака (Летописец, 1850, с. 15). Продержав три недели город в осаде и опасаясь русской армии, ногаи и тюменские татары были вынуждены отступить (ПСРЛ, 1965-б, с249-250). По мнению А.Г. Нестерова, в ответ на это нападение был организован уже упомянутый выше русский поход в Югру 1499 г., после которого угорские княжества разрывают вассальные отношения с Шибанидами (Нестеров, 1988, с. 15). Любопытно, что в среднеазиатских источниках Ага-

лак, как и его старшие братья Ибак и Мамук, упоминается с титулом хана, что было возможно лишь при наличии улуса. Хотя мы не знаем этого точно, но с определенной долей вероятности можно утверждать, что в качестве такого продолжали рассматриваться земли улуса Ибак-хана (Материалы, 1969, с.350). При этом данный титул, видимо, не признавался русскими дипломатами, поскольку Агалак в посольских документах именуется только царевичем и, скорее всего, проживает на территории Ногайской Орды (Посольские, 1995, с.54). Хотя даже в этом комплексе документов иногда встречаются весьма примечательные оговорки, так, например, племянник Агалака Аккурт в одном из писем 1505 г. именуется царем (Посольские, 1995, с.72). После провала очередного казанского похода ногайские лидеры в 1502 г. заключают договор с Москвой о ненападении на Казань (Трепавлов, 2002-а, с.138).

Теперь уже Казань для Шибанидов становится практически недостижимой целью. Особенно ярко это видно из переписки племянника Агалака салтана Аккурта с Василием III, которая датируется периодом между 1505-1508 гг., однако отдельные фразы дают понять, что некоторые темы, характерные для нее, затрагивались и в грамотах к Ивану III, когда Агалак и Аккурт обращались в Москву вместе. Интересно то, что в рассматриваемый нами момент подобных грамот самого Агалака либо не было, либо они не сохранились, а ведь, учитывая его старшинство и более значительный статус, переписку должен был вести именно он. Складывается впечатление, что в это время самого Агалака в живых уже не было, по этой причине и в ответных письмах Василий обращается только к Аккурту. Все письма приходят из Ногайской Орды вместе с подобными документами от мирз и беков. Аккурт вначале предлагает свою и упоминает о дядиной дружбе с Москвой, а также говорит о своем личном желании выехать на московскую службу, что предвещает судьбу ряда представителей сибирских Шибанидов. На это Василий отвечает, чтобы тот «к нам поехал не мотчаа, а мы ему место в своей земле дадим и истому его подоимем». Причем в продолжение к этому Великий князь дает согласие на то, чтобы отпустить неких попавших к нему в руки людей Аккурта. К сожалению, у нас нет данных о том, как люди тюменского салтана оказались в плену в Москве. В дальнейших письмах, написанных в 1506-1507 гг., появляется сюжет об отказе Аккурту в Казанском юрте, который якобы был ранее обещан. Поэтому царевич пишет, что он согласен «коли пожалуешь ис тех, из двух юртов меня». Однако, несмотря на фактическое согласие Москвы, Аккурту выехать из Ногаев не удалось из-за начала «межи князя и мурз заворошни», в результате в Москву был отправлен его сын АкДевлет (скорее всего, около 1507/8 гг.). Из позднейшего ответа Василия можно понять, что под «двумя юртами» Аккурт имел в виду либо вновь Казань, либо Мещерский городок (т.е. Касимовское ханство), также обсуждался вопрос о выделении «Андреева городка каменного» (Посольские, 1995, с.54-56, 59, 72-77). Однако все эти владения были уже разделены среди союзников московского князя, и по этой причине переписка прервалась. Таким образом, еще в начале XVI века мечта получить Казанский престол была велика среди Шибанидов, но ис-

полнить они ее могли только при условии получения в качестве держания от Москвы, что подчеркивало изменение расстановки сил в степях. Частично это было воплощено в 1542 г. внуком Аккурта царевичем Ших-Алеем Шибанским, который за помощь Ивану IV против крымского хана получил титул хана Касимовского (Летописец, 1850, с.41-47).

Скорее всего, уже в 1505 г. на престол Сибирского ханства в Чимги-Туре взошел Кутлук-хан, старший сын Ибак-хана (Валиханов, 1984, с.231). Тесная привязка большинства событий в Ногайской Орде и Сибири позволяет нам предположить, что ханским юртом в рамках Ногайской Орды оставалась Тюмень. Сомнительно чтобы при живом Агалак-хане там одновременно мог править кто-либо еще из его родственников. По этой причине мы предлагаем датировать воцарение Кутлука указанным годом. Летописец пишет, что «Лета 7014 пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.264). Организованный им поход в Приуралье в 1505-6 гг. к значительным результатам не привел (Оборин, 1990, с.82; Нестеров, 1999, с.57). В результате этого сибирские Шибаниды и поддерживающие их племена начинают уходить к родственникам в среде среднеазиатских узбеков или в ногайский Западный Казахстан (Нестеров, 2002-а, с.206). По некоторым предположениям они полностью утрачивают свои сибирские владения (Файзрахманов, 2002, с.140), хотя В.В. Похлебкин и предполагает правление Кутлук-хана в Сибири вплоть до 1530 г. (Похлебкин, 2000, с.152). На самом деле, рассматривая этот вопрос, необходимо более подробно остановиться на роли ногайского фактора в становлении сибирских объединений, в частности возможность перехода здесь фактической власти от утративших авторитет Шибанидов к ногайским бекам, а не к Тайбугидам.

Все указанные нами события происходили на фоне значительных изменений в соседних казахстанских степях. В 1499-1500 гг. под руководством Шейбани-хана и его брата сформировалась большая армия, включившая в свой состав часть ногаев и тюменских татар. В результате они начали восстанавливать государство их деда Абу-л-Хайр-хана в Средней Азии (Материалы, 1969, с.49; Давидович, 1999, с.120), что совпало с очередными междоусобицами Тимуридов и привело к падению столицы их государства в 1501 году. Однако сформировавшееся среднеазиатское объединение Шейбанидов оказалось раздроблено на многочисленные улусы родственников и племенных вождей, что отнюдь не способствовало его усилению (Давидович, 1999, с.120). Поход Шейбани-хана стал только началом длительной череды войн за Среднюю Азию, в результате которых она была подчинена различным ветвям Шибанидов. Затухание деятельности Сибирских Шибанидов напрямую может быть связано с тем, что значительная часть степных кочевников участвуют в завоевании территории государства Тимуридов в Средней Азии, которая явно представляла собой более значимый объект грабежа. По мнению Т.И.Султанова, в конце 1500-х гг. в поход под руководством Шейбани-хана ушло до 360 тыс. кочевников (Султанов, 1982, с.20-21).

К началу XVI века мангыты находились в состоянии кризиса, немаловажной

причиной которого, как и во всех кочевых государствах, было непомерное разрастание правящей фамилии. Способствовали усилению кризиса неудачи во внешней политике, особенно против усиливающейся Москвы, на фоне успехов Шейбани-хана. Политика возведения подставных ханов была непопулярна, поскольку сами фигуры были весьма незначительны. Помимо того, начинала сказываться неустойчивость климата с большими половодьями, с одной стороны, и новой степной засухой, с другой, которая привела к наступлению пустынь (Клиге и др., 1998, с.318). Все это подрывало хозяйственную основу кочевых государств, оказывающихся неспособными к сопротивлению оседлым соседям, особенно учитывая начавшиеся изменения в военном деле и массовое использование огнестрельного оружия. Уже в 1503-1504 гг. Ямгурчи-бий вместе с другими представителями ногайской знати обращались к русскому царю с просьбами о дружбе и союзе, называя при этом Ивана «дядей», что подчеркивало приниженный статус ногаев по отношению к Москве (см. например, Памятники, 1884, с.503, 536-538).

Немаловажную роль в степных изменениях и связанном с ними кризисом Тюменского юрта сыграли события 1510-1511 гг. В 1510 г. был разбит Шейбанихан, а спустя год новая волна кочевников Дешта, сплоченных Шибанидами из числа детей Буреке-султана б. Едигер-хана Ильбарс-султаном и Бильбарс-султаном, захлестывает Среднюю Азию. Число ушедших узбеков было очень значительным, в их числе и большая часть тюменских шибанских татар (Кляшторный, Султанов, 2000, с.210-211). Именно те среднеазиатские объединения, которые появились после завоеваний Ильбарса и Бильбарса, стали в дальнейшем основой для образования Бухарского и Хивинского ханств Шибанидов. При этом потомки Абу-л-Хайр-хана в основном правили в первом, а Едигера - во втором.

Последние поражения тюменских ханов в Казани и Приуралье не позволяли им удержать под своей властью значительные по силам улусы. Резонно предположить, что уход значительных масс номадов не мог не ослабить власть тюменских ханов и соответственно развязать руки Тайбугидам. В тот же период ногаи потерпели поражение от крымцев и казахов, что также привело к утере части восточных владений и ослаблению влияния в северных делах (Исин, 1985, с.42). Считается, что в период 1512-1520 гг. казахи включили в состав территории своего ханства все земли вплоть до Урала. Сомнительно, что с учетом казахской опасности и ухода ногаев Кутлук-хан мог удержать земли в Тюменском юрте. По всей видимости, на этот период линия наследственности ханов здесь прервалась, что не означало перехода земель под власть Тайбугидов.

Только к 1520-м гг. ногаям, пережившим внутренний кризис и внешнюю экспансию крымских и казахских войск, удалось вновь стать хаканами Дешта. Этому благоприятствовали внутренние неурядицы в казахском ханстве после смерти Касыма и начало формирования антиказахского узбекско-могульско-ногайского союза (Исин, 1985, с.44-48; Кляшторный, Султанов, 1992, с.280), хотя, как видно из документов, конфликт с казахами еще будет продолжаться в 1530-е гг. (Летописец вкратце, 1791, с.245). Для этого периода практически полностью отсутствует информация о положении дел в Сибири, особенно если не брать в

расчет отдельные слухи, попавшие в записки и доклады иностранных послов и купцов. Большинство из них передавались посредством русских дипломатов, которые иногда специально смещали акценты, а иногда просто не знали о каких-либо изменениях. Ведь фактически после поражения Кутлук-хана сибирские дела перестают упоминаться в русских летописях и, скорее всего, традиции русско-сибирских переговоров оказались прерваны.

Одним из первых подобная информация стала доступна Альберту Кампензе, который в письме к папе Клименту VII указывает: «За Печоранами и Вогуличами, по берегу Северного Океана, живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. Все они находятся под властью Московитян, но доселе еще коснеют в идолопоклонстве» (Кампензе, электронный вариант). Можно предположить, что на самом деле он указывает не реальную ситуацию, а ту, что сложилась после похода 1499 г., и которая была пересказана автору с учетом требований и желаний русских дипломатов. Здесь особенно любопытно упоминание зауральских башкир, которые якобы находятся в русском подданстве, что представляет явное искажение реальной ситуации. Большая часть башкирских кочевий была расположена на территории Ногайской Орды, как это будет видно из дальнейших событий.

Практически в то же время (около 1525 г.) Москву посетил еще один папский посол - Павел Иовий, часть данных которого было скомпилирована позднее Марко Фоскарино (1537 г.). Иовий пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников они указывают только югру и вогулов (Иовий, электронный вариант; Фоскарино, электронный вариант). Присутствие здесь в качестве этнонима «шибанских татар» говорит в пользу сохранения в Сибири отдельных улусов, связанных с ханской династией. Причем недаром отмечается, что эти народы сильны. Одновременно с этим отсутствует какое-либо упоминание Сибирского княжества, что говорит о его расположении еще дальше на север, за пределами досягаемости русской политики.

Однако наиболее полная информация на этот счет содержится у дипломата на службе Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию дважды: в 1517 и 1526 гг. С одной стороны, две поездки позволили ему собрать более объективную информацию, хотя и полученную в основном из рук русских администраторов. Но при этом мы не знаем, отражает ли то или иное сообщение ситуацию характерную или сложившуюся на конкретный год. Как и некоторые иные авторы, Герберштейн отделяет Тюмень от Сибири.

Относительно первой он пишет: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» (Герберштейн, 1998, с.157). Однако в то же время он делает замечание, что государь царства Тюмень татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» (Герберштейн, 1998, с.161). Возможно, под последней информацией следует понимать отголоски приуральского набега Кутлук-хана, поскольку сомнительно, что спу-

стя столь продолжительный промежуток времени был смысл вспоминать «казанские дела». Столь противоречивые точки зрения могут трактоваться двояко: либо следует допустить, что информаторы Герберштейна сами не владели достоверной информацией, либо Тюмень на протяжении некоторого времени переходила из рук в руки. В последнем случае первое сообщение, скорее всего, связано с последним приездом Герберштейна в Россию. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу Туру воевать» (Посольская, 1995, с.155).

Далее рассматриваемый автор уточняет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай» (Герберштейн, 1998, с.164). При этом территория Ногайской Орды была разделена между тремя братьями, из них Шидак (Саид-Ахмед) владел городом Сарайчиком и страной, прилегающей к реке Яик, а Ших-Мамай, третий брат, - частью Сибирской области и всей окрест лежащей землей (Герберштейн, 1998, с.179). При этом Сибирь была населена тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами, первые жили в лесах и не составляли более десяти тысяч (Герберштейн, 1998, с.181). В этническом плане значительную часть населения Южного Зауралья до Тобола составляли также различные группы башкир (Кузеев, 1968, с.280), подчиненные ногаям. Можно предположить, что в период 1520-х гг. власть над Сибирью в ее средневековом понимании переходит к ногаям в лице одного из лидеров Орды Шейх-Мамая, при этом Тюмень была утеряна, хотя в лесостепи сохранилось значительное количество лояльных к ханской власти людей. Скорее всего, последним ханом там был Кутлук, который правил не позднее 1510 г. Отметим, что утеря Шибанидами власти в этих местах была связана как с уходом большинства лидеров в более перспективную в этом отношении Среднюю Азию, так и, видимо, с отсутствием должных талантов у потомков Ибак-хана. Нельзя при этом забывать того, что ногайский бек Шейх-Мамай в некотором отношении является родственником тюменской правящей династии по женской линии, поскольку был сыном дочери Ибака от ногайского бия Мусы (Трепавлов, 2002-а, с.145). При отсутствии иных сильных наследников подобное родство могло рассматриваться как основа для прав на территорию юрта, с чем связаны и попытки вернуть Чимги-Туру.

Таким образом, большая часть исследуемой территории, несмотря на поражения наследников Ибак-хана, оказалась не в руках Тайбугидов, а перешла к их бывшим союзникам из числа ногаев. Лишь на самом севере было Сибирское княжество Тайбугидов, в этой связи сомнительно, чтобы в его состав включались полностью территории Тюмени, Барабы, Зауралья и Северного Казахстана (Демин, 1995, с.48), которые были разделены между ногаями и казахами. Несомненно, что Тайбугиды могли бороться за это, особенно при Едигере и Бекбулате, но не обладали реальными силами для удержания столь многочисленных земель. В этой связи тем более следует учитывать информацию из письма Сеид-

Ахмата 1536 г.: «Княжое слово неправому верою Ивану ... Слава Богу, Темир Кутлуевы цареvy дети нам повинилися, Иваков царев сын (кто здесь имеется в виду не ясно, возможно - Кутлук б. Ибак. - Д.М.) и тот нам повинился со всеми своими товарищами и слугами. Казатцкий царь Хозя Махмет царь с пятьюнаццатью сыньми у нас живет» (Посольская, 1995, с.130-131).

Очевидно, что Тюмень, несмотря на устремления Тайбугидов, так и оставалась независимой, даже после ухода отсюда ханов. Так, в середине XVI века к власти в Казани приходят Гирейи, пользовавшиеся поддержкой турецкого султана. В результате они начинают угрожать Москве и в этом их поддерживают тюменские князья (ПСРЛ, 1965-в, с.202). В 1547 году казанский хан Сафа-Гирей склонил некоего «сибирского салтана» к союзу и тот совершил набег на Пермь Великую (Миненко, 2000, электронный вариант). В силу дальнейших событий, а также чувствительности источников того времени к титулатуре, невозможно говорить об участии в этой политике сибирских князей. Можно предположить, что под «сибирским салтаном» имеется в виду кто-то из Шибанидов, а последующие события свидетельствуют в пользу интерпретации его как сына Мамука Муртазы. Одновременно с этим автор «Казанской истории» сообщает о том, что одна из жен Сафа-Гирей-хана была дочерью сибирского хана, хотя при этом не уточняется имя последнего (Казанская история, 1954, с.83), а другая была дочерью ногайского бия Шейх-Мамаея (Худяков, 1991, с.82).

Забегая вперед, отметим, что личность Муртазы незаслуженно забыта в истории Сибирского ханства. В большинстве источников и позднейших исследованиях он упоминается лишь в качестве отца последнего сибирского хана Кучума. В тоже время Ч.Ч.Валиханов со ссылкой на «Джами ат-таварих» указывает, что Муртаза действительно был независимым ханом (Валиханов, 1984, с.231). У исследователей относительно правления Муртазы также не сложилось однозначной точки зрения. Так, например, М.Абдиров считает, что Муртаза правил в Сибири, в частности в Чимги-Туре, до Кучума, откуда ушел в хадж в Мекку, по возвращению из которого остался в Бухаре (Абдиров, 1996, с.40). Г. Файзрахманов указывает, что Муртаза, признанный в Бухаре, стал ханом в Кызыл-Туре (Файзрахманов, 2002, с.142). Можно предположить, что некоторое основание первое сообщение находит в одном из документов русско-ногайской переписки, который имеет неоднозначную трактовку в связи с уже указанной нечеткой дифференциацией Тюмени в Сибири и на Тереке. В упомянутом письме, датированном еще 1515 г., говорится: «... и в Тюмени Муртоза царь да и тюменские салтаны Хозяка посадили на царство... А говорил им Муртоза то, что он стар, держати ему царство не мочно, а за них хочет бога молить» (Памятники, 1895, с.145). Однако, исходя из контекста письма, в частности упоминания Тюмени вместе с Крымским ханством, в данном случае можно предположить, что речь идет о Тюмени на Тереке и правлении там потомков Ахмад-хана, одного из которых звали Муртаза. Впрочем, в преданиях сибирских татар также говорится о том, что Муртаза владел уделом на территории Бухарского ханства (Миллер, 1937, с. 196), хотя мы не знаем, когда именно он там оказался. Резонно предполо-

жить, что в 1530-1540-е гг. Муртаза находился в Ногайской орде у своих родственников, и мог, в частности, рассматриваться как «сибирский салтан», каковым являлся по происхождению.

Недаром именно в это время при дворе Шейх-Мамай воспитывались сибирские султаны Ахмед-Гирей и Кучум, сыновья Муртазы, а также казахский царевич Хакк-Назар б. Касим (с конца 1530-х гг. казахский хан). Причем, на основании фольклорных данных, существует предположение, что старшей женой Шейх-Мамай была дочь бывшего завоевателя Ногайской Орды казахского хана Касима (Трепавлов, 2002-а, с.199). Сам ногайский лидер руководствовался здесь вполне прагматичными соображениями. В частности, можно предположить, что он хотел посадить в соседних ханствах лояльных правителей и одновременно с этим заручиться их поддержкой в получении титула беклярибека от одного из Чингизидов, тем самым укрепив свой авторитет не только в рамках своего улуса, но и во всей орде. В любом случае на рубеже 1530-1540-х гг. в результате переворота Шейх-Мамай стал бием Ногайской орды, хотя его власть не всеми признавалась (Трепавлов, 2002-а, 199-201). Причем за это звание он боролся с середины 1530-х гг., о чем неоднократно сообщается в русско-ногайской переписке (Летописец вкратце, 1791, с.276, 286). Все три упомянутых выше царевича были в разное время наместниками Башкирии, власть их распространялась, в том числе, и на Южное Зауралье, что могло, в частности, рассматриваться в качестве своеобразной политической подготовки (Трепавлов, 2002-а, с.210). Память об их власти над этим регионом сохранялась еще длительное время. Так, в 1709 г. в отписке казанского губернатора П.М.Апраксина мы встречаем упоминание спора башкир с приблудниками о налогах. В ходе него башкиры ссылались на то, что «деды и отцы нынешнего государя обещали сохранить ясак и веру башкир, как то было при тобольском Кучуме царе и казанском Шигалее царе», в подданстве которых они находились до прихода русских. В другом месте этого же документа говорится о том, что Уфа входила в юрт Гарая царя, который упоминается опять же вместе с Шигалеем (Материалы, 1936, с.259, 265). Относительно датировки их правления можно предположить, что она синхронна последнему восхождению на казанский престол хана Ших-Алея в начале 1550-х гг., да и в более позднее время эта территория уже вошла в состав Русского государства.

По сути, возвращение Муртазы, Ахмед-Гирея и Кучума в качестве ногайских ставленников означало начало реставрации власти ханской династии в Сибири, единственный действительный перерыв во власти которой относится к малоисследованным 1510-м годам. Ведь и выделенные им башкирские улусы, по сути, частично располагались на той же территории, где правили их деды Ибак-хан и Мамук-хан.

2.4. Гибель Сибирского княжества и реставрация власти Шибанидов в Сибири при Кучум-хане

В 1549 г. Шейх-Мамай умирает, новым бием стал старший из оставшихся

сыновей Мусы Юсуф. Причем уже спустя 6 лет, в конце 1554 года, он был убит своим братом Исмаилом (Трепавлов, 2002-а, с. 234, 274). На протяжении всего этого времени Ногайскую орду разрывала смута, одной из активнейших сторон которой были потомки Шейх-Мамая, зачастую проводившие абсолютно самостоятельную политику, не прислушиваясь к мнению биев.

По мнению Н.М.Рогожина, «Сибирские книги», содержавшие все материалы переписки за исследуемый период, были полностью утрачены, и реконструируются лишь отдельные данные по летописным указаниям (Рогожин, 1990, с.18). Исходя из этого, известно, что в 1555 году сибирские князья из рода Тайбугидов вступают в активную переписку с Москвой. Традиционно считается, что поводом для этих переговоров послужило начало похода Шибанидов с целью реставрации своей власти над Сибирью. Для нас здесь важно понять два момента: во-первых, соответствует ли такая точка зрения действительности, а во-вторых, кто был заинтересован в этом походе на его начальном этапе - ногаи или часто упоминаемая в этом контексте Бухара, поскольку можно предположить, что «отвоевание» сибирских земель было не столько собственным желанием Шибанидов, сколько требованиями их покровителей, связанными со спецификой экономического развития степной зоны в это время, приведшей к голоду, и усилением давления России на эту территорию после взятия Казани и Астрахани. Кроме того, со стороны Шихмамаевичей данное действие могло рассматриваться, как мы увидим дальше, и в качестве удара по их противнику бию Исмаилу.

В январе 1555 года от Едигера прибыло посольство в Москву к Ивану IV с поздравлениями в связи с покорением Казанского и Астраханского царств. Летопись рассказывает об этом событии следующим образом: «послы... от Сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской Тягриул да Пантьяда; и здоровали государю царю и великому князю на царствах на Казанском и на Астраханском да били челом государю... чтобы... взял за себя по свое имя, и от сторон от всех заступил, и дань на них свою положил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать... со всякого черного человека по соболу да дороге государеву... по белке с человека по сибирской (всего идет речь о 30700 черных людях. - Д.М.)... И царь... послал... посла своего и дорогою им своим жалованным ярлыком Дмитрия Курова сына Шепейцына и велел Дмитрию князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять и з дорожною пошлиною» (Летописец, 1895, с.27-28). Посольство, по восточному обычаю, в виде подарка привезло белок и соболей (ПСРЛ, 1965-в, с.285). Однако этот подарок в Москве был воспринят как дань (Небольсин, 1849, с.33).

В летописи указывается достаточно точное число сибирских людей, подвластных Едигеру. Основания приводимой цифры численности населения не совсем ясны. При подобных подсчетах, как правило, учитывались лишь взрослые мужчины, в таком случае население всего княжества тогда могло насчитывать около 150-180 тысяч (Нестеров, 1999, с.58-59), что является явным преувеличением. Для сравнения: число всех ясачных вогулов и остяков по обеим сторонам Урала в начале XVII века составляло не более 2700 человек (Бахрушин, 1935, с.8).

В тот же период тобольских татар насчитывалось чуть более 4500 человек, а туменско-туринских вообще около 3000 (Томилов, 1980, с.47, 83). Даже с учетом военных потерь этого периода и уходом части татар с Кучумом сложно представить столь значительное уменьшение населения на исследуемой территории. Возможно, Едигер тем самым целенаправленно преувеличивал свои силы, что было одним из признанных дипломатических приемов в то время.

Обращает на себя внимание, что посольство приходит в Москву практически в то же время, когда у ногаев бием становится Исмаил, и при этом с некоторым запозданием по отношению к реальному факту покорения (например, в отношении Казани на три года). По предположению В.В. Вельяминова-Зернова, на самом деле помощь в организации переговоров Тайбугидам мог оказать ногайский бий Исмаил, который считался одним из степных сторонников Москвы. Связано это было с тем, что Едигер был женат на его дочери (Вельяминов-Зернов, 1864, с.396-397) или, по мнению В.В.Трепавлова, дочь Едигера была племянницей Исмаила (Трепавлов, 2002-а, с.310).

В летописях никак не отразился факт того, что Тайбугиды обратились за помощью к Москве из-за некоего нападения. Скорее всего, данное посольство следует рассматривать как своеобразную инерцию вслед ногайской дипломатии. Одновременно с этим существует точка зрения, которая трактует данное посольство в рамках золотоордынских традиций как необходимость обновления ярлыка на правления в связи со сменой сюзерена, а в данном случае в связи с переходом властных полномочий от Казани к Москве (Трепавлов, 2007-а, с.101). Такая точка зрения, например, подтверждается текстом проекта ответа посла в Литву С.Турпеева. В нем говорится, что «Сибирская земля по ряду с Казанскою землею; и как государь наш... взял Казань, и Сибирской князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирские земли держал за собою, и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил» (Преображенский, 1964, с.384). В этом проекте напрямую увязываются Сибирь и Казань, однако остается неясным, почему же Тайбугиды ожидали более двух лет, не отправляя посольства. К тому же в подобных документах высказывалась, прежде всего, та информация и ее интерпретация, которая была выгодна для официальной государственной идеологии. Авторы XIX столетия трактовали этот вопрос следующим образом: «Последняя (т.е. Сибирское княжество. - Д.М.), по прежним отношениям своим к казанским ханам, которым они были долго подчинены при хане Упаке, уже должны были считать себя в некоторой зависимости от нового повелителя Казани» (Юшков, 1861, с.277). Выше мы уже писали о том, что казанский хан Упак был на самом деле сибирским ханом Ибаком. Несомненно то, что захват Казани был важен для русской идеологии. В частности, в массовом сознании царское достоинство Ивана Грозного связывалось именно с покорением этого ханства, а в средневековой литературе было распространено представление о том, что можно стать царем только в результате завоевания царства (Горский, 2001, с.147).

Однако у нас нет данных о действительной связи и тем более подданстве

Сибири правителям Казани. Еще раз укажем, что, на наш взгляд, гораздо уместнее говорить именно о ногайском влиянии на формирование первого посольства, ведь послы от нового бия Исмаила также прибыли в Москву в январе 1555 года. Обращает на себя внимание то, что, как мы ранее указывали, добавление «сибирский» появляется в официальном титуле русского царя за год до этого, в 1554 года. С большой долей вероятности можно допустить, что уже в это время Исмаил обращался в Москву с целью организации посольства от сибирского князя, как это позднее он делал для хана Кучума (ПДРВ, 1801, с.22). В целом увязка Казанского и Сибирского престола, а также перечисление побед над крымским ханом, объективно были выгоднее именно русским дипломатам и идеологам (Хорошкевич, 2003, с.165), но никак не затрагивали интересы собственно сибиряков. В частности, В.В.Трепавлов видит в этом продолжение золотоордынской традиции выдачи ярлыков (Трепавлов, 2007-б, с.82). Подобную политику Москва использовала именно в отношениях с кочевыми объединениями пост-золотоордынского мира, опираясь на привычную им идеологию и практику (Gammer, 2005, p.492).

В ноябре 1557 (7065) г. Сибири прибыл Дмитрий Куров «и с ним пришел от Едигера, князя Сибирского, посол Боянда, а привез царю великому князю дань семьсот соболей. В оправдание этому Едигер писал, «что их воевал Шибанский царевич и людей поимал многих» (ПСРЛ, 1965-в, с.276). Таким образом, первая информация о нападении на Сибирь некоего царевича поступает в Москву только спустя два года после начала дипломатических отношений. Скорее всего, речь идет о нападении, которое состоялось весной-летом 1556 году. В это время Исмаил пошел на открытый разрыв с ранее активно поддерживающими его Шихмамаевичами, потомками бия Шейх-Мамая, чьи кочевья располагались на восточной окраине Орды. В результате состоявшегося столкновения они перешли к казахскому хану Хакк-Назару (Трепавлов, 2002-а, с.281-282). Можно предположить, что находившиеся в той же среде сибирские султаны могли одновременно ударить по союзнику Исмаила Едигеру, чтобы, воспользовавшись неразберихой, вернуть свой юрт. Однако нам неизвестно, о ком именно из царевичей идет речь в письме.

В то же время «Митька Куров сказывал, что им было возможно сполна дань прислати, да не похотели» (Патриаршая, 1965, т.13, с.276). По всей видимости, русский посол весьма скептически отнесся к реальным последствиям нападения Шибанского царевича. Нельзя в этом отношении не привести одну мысль из работы В.И.Огородникова, в которой может содержаться рациональное зерно, отражающее некие тенденции сибирской политики. Исследователь пишет о том, что решительные действия царя Ивана IV по приведению в подданство сибирских татар сильно не понравились Едигеру, который, обманувшись в своих ожиданиях, решил постепенно освободиться от уплаты дани (Огородников, 1920, с.230-231). В ответ на это сибирский посол был посажен в тюрьму, а к Едигеру отправили служилого татарина с грамотой, «чтобы ся в всем перед ним, государем, исправили» (ПСРЛ, 1965-в, с.276).

Уже в сентябре 1558 (7066) года «прибыли из Сибири царя и великого князя служивые татаровы... С ними Едигера, князя Сибирского, посланники Ивтемир с товарищами, а привезли дань... сполна» (ПСРЛ, 1965-в, с.285). Помимо дани, послы привезли «грамоту шертную» об учинении князя в холопстве. В летописи обращает на себя внимание, что под «данью сполна» понимается 1000 соболей, дорожная пошлина 100 белок и 60 соболей. Как видно, это число гораздо меньше тех договоренностей, которые существовали между Москвой и Сибирью. По всей видимости, для последней изменение условий не было неожиданностью, поскольку посла Боянду сразу же отпустили, а с ним отправили татар за следующей данью (Летописец, 1895, с.77). В ноябре следующего 1559 года служилый татарин Собаня Резанов и сибирский посол вновь привезли дань и обещали «з давнюю данью на зиме будут» (ПСРЛ, 1965-в, с.313). Затем по непонятной причине отношения были прерваны. Большинство исследователей предполагают, что разрыв отношений был связан с разочарованием сибирских князей в возможности получения московской помощи, которую они просили против Шибанидов (Нестеров, 2002-б, с.22). Следует отметить, что в целом в этот период соседям явно было не до Сибири. В 1558 году Россия вступила в затяжную Ливонскую войну, и на некоторое время ее основные внешнеполитические интересы оказались сконцентрированы на западе. На это же время в степях, особенно в Ногайской орде, приходится пик голода и засухи, предвестники которой были видны еще в 1555 году. Энтони Дженкинсон сообщает, что голод у ногаев в 1558 году, совпав с усобицами и мором, достиг такого размаха, что «померло до 100 тысяч человек... Ногайская земля... остается теперь не населенной» (Дженкинсон, электронный вариант). Судя по посольским документам, в 1559 году продолжалось противостояние между бием Исмаилом и Шихмамаевичами, причем последние ушли на восток ногайских владений, за Яик (Посольские, 2006, с.294). Таким образом, Сибирское княжество оказалось отрезано от своего покровителя Исмаила. В результате причины разрыва отношений могла стать не только специфика отношений Москвы к своему вассалу, но и реальный отрыв от прорусской партии в Ногайской Орде.

По всей видимости, следующее посольство в Москву прибывает только в 1563 году, его возглавлял Чигибень (в иных документах Чибичень князь), который привез дань и челобитную (ПСРЛ, 1965-в, с.370). О возобновлении дани еще в 1565 году писал и Рафаэль Барберини (Барберини, 1843, с.41-42). П.Небольсин приводит данные о том, что вместе с князьими прибыли послы от сибирских царевичей Шибанидов Муртазы и Ахмед-Гирея (Небольсин, 1849, с.34). Данные о последнем посольстве могут быть косвенно подтверждены следующей записью: «Столпик Сибирской 7072 году (1563-64 гг.), привозу к Москве сибирского Муртазы царя татарина Ташкина» (Исхаков, 2007, с.47). Одновременно с этим в письме Ивана Васильевича к князю Исмаилу от 22 сентября 1563 года сообщается, что Ташкин «... пришел к нам из Сибири в посольстве от Ахмет Кирея царевича» (ПДРВ, 1795, с.323). Любопытно, что один из более поздних европейских авторов Александр Гваньини еще в 1570-х гг., отражая более раннюю в хронологи-

ческом плане ситуацию середины XVI века, писал о том, что царство Тюмень подчинено татарскому князю (?), а в отличие от нее провинция Сибирь выплачивает дань беличьими шкурками русскому царю (Гваньини, электронный вариант).

Тем самым обращает на себя внимание тот факт, что одновременно с Тайбугидами переговоры вели представители Сибирских Шибанидов в лице Муртазы и его старшего сына Ахмед-Гирея. Предположительно это может свидетельствовать в пользу принадлежности им части Сибири, в понимании этого названия в XVI веке, еще до смерти Едигера. Скорее всего, следует говорить о землях западнее Тобола, которые контролировали ногаи и подвластные им башкиры, территория кочевий которых в этот период начинает расширяться (Томашевская, 2002, с.80). Напомним, что именно так трактовал Сибирь и Сигизмунд Герберштейн, описывая владения Шейх-Мамая.

При этом складывается впечатление, что Москва не видела особой разницы между княжескими и ханскими посланниками. По крайней мере, в 1563 г. в московской тюрьме сидели одновременно послы Муртазы, Ахмед-Гирея и Едигера (Небольсин, 1849, с.35). Всем им в вину ставилась неуплата дани, что может косвенно свидетельствовать о признании Москвой прав Шибанидов на сибирские земли, в частности и на управление территорией Тайбугина юрта. Однако при этом русские дипломаты настаивали на необходимости получения разрешения на это от царя, то есть получении своеобразного ярлыка на правление. Возможно предположить, что в период 1559-1563 гг. Тайбугиды пытались найти новых покровителей, но активизация политики сибирских царевичей привела к возврату промосковской ориентации. Недаром на момент сентября 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «... зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити» (ПДРВ, 1795, с.323). Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступаетея и просит отпустить обоих сибирских послов Чибиченя и Ташкина (ПДРВ, 1795, с.303; ПДРВ, 1801, с.22). Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири (Небольсин, 1849, с.35), что подчеркивает его главенствующее положение в политике Шибанидов.

Первый из послов уже осенью 1563 года был отпущен в связи со смертью сибирского бека (Небольсин, 1849, с.35). Остальных же послов не отпустили, несмотря на длительное заступничество ногайского преемника Исмаила Дин-Ахмата за Мамин-шаха и Ташкын-баатыра (ПДРВ, 1801, с.103), и вскоре последовавшие намеки на возможность заключения договора с сибирским царем (Словцов, 1886, с.XVIII). Грамоты с просьбой об отпуске сибирского посла Ташкина-баатыра продолжали поступать и в 1564 году от мирзы Уруса (ПДРВ, 1801, с.123).

Судя по всему, возвращение Шибанидов к власти произошло в период конца лета-начала осени 1563 года, поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем (ПДРВ, 1801, с.22), впрочем, подробнее об этом позднее. Об этом же свидетельствует как сама специфици-

ка текста ответа царя Исмаилу от 22 сентября 1563 года, так и отпуск посла Чигибеня. Таким образом, возвращение престола относится еще ко времени жизни покровителя Тайбугидов Исмаила, и теоретически может интерпретироваться как попытка наладить отношения с воинственными наследниками Шейх-Мамая, которые были покровителями Сибирских Шибанидов. Шихмамаевичи в этот период продолжали находиться частью на территории северо-западных кочевий казахов, а частью, видимо, - в Бухаре (Исин, 2002, с.87-88).

Можно предположить, что, уже зная о свершившейся реставрации, русское правительство хотело оставить за собой «последнее слово» на этом этапе сибирской политики. С этим можно связать следующую информацию из письма Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за Сибирским князем, и сына ее а твоего внука к тебе не отпустили... и внуком твоим промыслити, чтоб он вперед на том юрте был» (ПДРВ, 1795, с.323). Кстати, данный факт вполне укладывается в политику Москвы по установлению марионеточных правителей на территории соседних ханств, что наиболее хорошо было отработано в Казани. Впрочем, более источники об этом представителе Тайбугидов ничего не сообщают. Также нам неизвестно то, как наследник княжеского престола и титула Едигера оказался в Москве.

Таким образом, во время предшествующих свержению князей событий в Сибири уже на равных действовали как Тайбугиды, так и Шибаниды. При этом «Сибирские летописи» практически дословно трактуют поход Кучума как военный конфликт: «... прииде степью ис Казачьи Орды царь Кучум Муртазеев со многими воинскими людьми, и град Сибирь взят, и князей поби» (ПСРЛ, 1987, с.32, 48, 81). О том же пишет С.У. Ремезов в «Истории сибирской»: «Царь Кучум прииде от казачьи орды со многими вои, и побив царя и князя Етигера и Бекбулата и прославшася Сибирской царь и дани со многих низовых языке взял» (Ремезов, 1989, с.552). Однако следует учитывать, что в основе этих летописных известий лежат устные и письменные источники татарского происхождения (Солодкин, 2002, с.234-235; Исхаков, 2006, с.123-124). Судя по характеру подобных сообщений, их авторами были люди именно из окружения Тайбугидов.

В то же время в русских, например Патриаршей, летописях содержится иная информация, которая не позволяет свержение сибирских князей однозначно трактовать как военный конфликт. Так, в упомянутой летописи указывается, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича» (ПСРЛ, 1965-в, с.370). Г.Ф.Миллер считал, что это могло быть связано с отсутствием или малолетством наследника сибирских князей (Миллер, 2005, с.192), при этом нельзя забывать о некоем сыне Едигера, находившемся в Москве. В данном случае говорится о факте приглашения царевича из династии Шибанидов на сибирский престол, причем это событие связано как с нежеланием платить русскую дань, так и с несогласием сибирских татар по вопросу о престолонаследии. Видимо, именно проблемы в западной политике Тайбугидов одновременно с усилением ногайской власти в Сибири и привели к отходу людей «Тайбугина юрта». Причем в дальнейшем именно этот юрт стал основой для Сибирского ханства.

Обращают на себя внимание еще ряд фраз из сообщений «Сибирских летописей» о приходе Кучума. Прежде всего, следует отметить, что до этого этот хан не упоминается в контексте сибирской политики Шибанидов, напротив, активную роль играют его отец Муртаза и старший брат Ахмед-Гирей. Скорее всего, Кучум здесь был лишь своеобразным исполнителем идей своих родственников. Во-вторых, в большинстве редакций говорится о том, что он пришел из «Казачьей орды», что в данном случае можно рассматривать как Казахское ханство. Резонно предположить связь между этим названием и тем, что т.н. «Алтыулы» (ранее известные как Шихмамаевичи) до начала правления Дин-Ахмета кочевали вместе с казахами Хакк-Назара (Трепавлов, 2001-б, с.35-37). Влияние же Бухарского ханства в этот момент на сибирские вопросы было, скорее всего, опосредованным, через ногаев. Косвенно в пользу этого может свидетельствовать факт проживания части потомков Шейх-Мамая в средней Азии, где они породнились с бухарским ханом (Трепавлов, 2002-а, с.269, 309).

Преобладание ногаев на раннем этапе подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф.Катановым: «Пока он (т.е. Кучум. - Д.М.) рос, народом его управлял султан Ногай» (Катанов, 2004, с.148). О пребывании ногаев непосредственно на Иртыше в предшествующее время говорится в другой легенде (Катанов, 1904, с.19). Недаром и главный полководец Кучума в ходе войны с Ермаком Маметкул, которого летописи называют то сыном, то братом хана, попавший в плен, в русских разрядных книгах писался как Маметкул Алтыулович (Миллер, 2005, с.249). В данном случае под «Алтыулом» следует понимать не имя отца, а наименование юрта Шихмамаевичей, который располагался в непосредственной близости от Бухары на территории Приаралья (Небольсин, 1849, с.37).

В-третьих, в Лихачевской редакции «Сибирских летописей» факт убийства князей описан отлично от иных редакций: «Прииде же в то время степью из Казачьей орды царь Кучум Муртазеев сын со многими воинскими людьми и доиде до града Сибири, и град Сибирь взял, а князя Етигера жива взял, а брата Бекбулата убил» (ПСРЛ, 1987, с.119). При этом сын Бекбулата Сейдяк был спасен от убийства и доставлен в Бухару (Миллер, 2005, с.192). Возникает резонный вопрос: почему Шибаниды отпустили своего прямого конкурента? Ответа здесь может быть два: либо они чувствовали себя стабильно на сибирском престоле и соответственно не видели в Сейдяке конкурента, либо это было связано с ногайско-бухарской политикой, схожей с описанным выше случаем пребывания наследника Едигера в Москве. Очевидно, что судьба Сибирского княжества была предрешена всем комплексом существовавших в это время в степях международных отношений, на фоне которых в 1564 году бухарский хан Абдулла обращается в Москву с просьбой о свободном проезде по территории Российского государства его торговым людям (Хорошкевич, 2003, с.403). Княжество Тайбугидов оказалось той «разменной монетой», которая на момент событий первой половины 1560-х гг. оказалась без серьезных союзников, способных поддержать ее жизнеспособность.

Нельзя не отметить того факта, что все наши данные о хронологии сибирского похода, руководителем которого был не только Кучум, но и его отец Муртаза и старший брат Ахмет-Гирей, являются реконструкцией, построенной лишь на логике исторического процесса. Более точных привязок во времени источники не дают. Еще Хади Атласи в этом отношении отмечал: «Хотя в старых русских книгах по истории не уточняется, когда именно власть над Сибирью перешла к Кучуму, в исследованиях более позднего времени такая дата появилась - 1563 год» (Атласи, 2005, с.47). Причем только теперь ханство действительно могло называться Сибирским, в отличие от ранее существовавших Ишимского, Узбекского и Тюменского ханств Шибанидов.

После столь активной политики внезапное исчезновение упоминаний о Кучуме и его родственниках после 1563 года весьма своеобразно истолковывается исследователями. Так, В.А.Могильников пишет о том, что в течение следующих семи лет хан подчиняет себе татарскую знать от Зауралья до Барабы (Могильников, 1998, с.151). Сложность подчинения Сибири и восприятие сибирскими татарами Кучума в качестве завоевателя подчеркивается достаточно часто (Бояршинова, Степанов, 1968, с.366; Абдиров, 1996, с.42; Кызласов, 2005, с.51), хотя это противоречит как упомянутому выше приглашению Кучума самими сибиряками, так и фразой, которая неоднократно повторяется авторами летописей: «Царь же Кучум царствова в Сибири лета довольна во изобилии, радости и веселии, дани и оброки со многих язык имаше» (см., например: ПСРЛ, 1987, с.48). Скорее, это удобная позиция для того, чтобы не признавать сложность реальной ситуации в первые годы существования Сибирского ханства, а также для объяснения логичных причин поражения Кучума от русских войск (Маслюженко, Меншиков, 2005, с.62-65). Обращает на себя внимание и тот факт, что после убийства Едигера и Бекбулата «Тайбугин юрт» оставался основой ханских владений (Трепавлов, 2002-а, 324-325). Отметим, что в исторической перспективе правление Кучума во многом оставалось идеальным для многих групп сибирского населения, что, в частности, видно из трактовки остяцкого восстания в 1612 году: «... что б им быть себе царством, как было при Кучуме царе» (Мартынова, 2002, с.295).

На наш взгляд, в источниках невозможно найти следы некоего длительного и кровопролитного процесса перехода власти в Сибири к Шибанидам. Исключением здесь может быть описанное у П.А.Словцова притеснение русских данников Муртазой в 1565 году, а также смутное упоминание о неких волнениях в грамоте от Кучума к Ивану IV 1570 г.: «...и ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое..» (СГГД, 1819, с.64). Слабые связи хана с местным населением и его уход от искерского владетеля после русского нападения свидетельствуют, по нашему мнению, не о непопулярности или незаконности Кучума, а о специфике внутреннего устройства Сибирского ханства как позднесредневекового кочевого государства. Так, Г.Ф.Миллер, анализируя отношение различных групп местного населения к Кучуму, пришел к выводу, что большинство татарских князей, чьи улусы были расположены на юге Западной Сибири, признавали власть сибирского хана. В то же время к северу от Тобола его владения

вряд ли распространялись далее Туры, то же касается северных групп угорского населения, которые только подвергались периодическому грабежу татарскими военными отрядами (Миллер, 2005, с.193-194). Этот грабеж, а точнее административный аппарат для извлечения стабильной прибыли от внешних походов, являлись одними из немногих реальных инструментов сплочения сибирского кочевого и полукочевого социума вокруг фигуры искерского хана. Провал в этом направлении, проявившийся в невозможности остановить Ермака, и привел к отходу от Кучума значительных групп населения. Впрочем, видимо, грабеж в ходе походов угорского населения как массовое явление характеризует либо ранний этап функционирования Сибирского ханства, либо отношения с наиболее удаленными группами, в иных случаях Искер предпочитал устанавливать более стабильные отношения «дани и службы» (Мартынова, 2002, с.294-295). Причем даже на территории ханского юрта владельцы отдельных улусов оставались в значительной степени независимыми во внутренних делах, их связи с ханским двором в Искере выражалась в выплате ясака, размер которого неизвестен, и отправке военных отрядов. Более территориально удаленные князья вообще могли рассматриваться не в качестве подданных, а как союзники, заключившие шерть (Бахрушин, 1955, с.156-158). В прямой зависимости от хана находились только те люди, которые пришли с ним в Сибирь из Бухары или ногаев. В этом отношении вполне понятно желание хана увеличить численность своего юрта, что и могло позднее отразиться в известии «Ремезовской летописи» о некоей легендарной поездке хана в Казань в 1565 году и привозе оттуда «многих чуваш и абыз, и русаго полна людей» (Ремезов, 1989, с.552). По мнению Д.М.Исхакова, в XV-XVI вв. под «чувашами» понимали ясачное (возможно, земледельческое) население Казанского ханства (Исхаков, 2001, с.104-105). С другой стороны, с целью освобождения центральных земель юрта для пришедших с ним людей Кучум изгнал некоторые группы автохтонного населения на окраины ханства (Томилев, 1980, с.75).

Дальнейшие события показывают, что Сибирское ханство одновременно зависело как от Ногайской Орды, так и от Бухарского ханства. Однако эта зависимость при кажущейся схожести была различной. Так, по отношению к ногаям Сибирские Шибаниды продолжали считаться «старшими», хотя в отличие от деда, ни Кучум, ни Ахмед-Гирей не являлись «ногайскими царями». Скорее всего, следует говорить о том, что стабильность нового сибирского объединения обуславливалась необходимостью использования военной помощи своих бывших вассалов. С Бухарой отношения были не менее сложными, в частности, можно предположить, что сибирские ханы не стали по традиции ногайскими не только по причине исчерпания идеи марионеточных правителей, но и потому что они были вассалами Бухарских Шибанидов (Трепавлов, 2002-а, с.372). Сама Сибирь могла рассматриваться в не только качестве независимого объединения, но и как часть более крупного азиатского государства. На особые связи Муртазы с Бухарой мы уже неоднократно указывали, хотя, кроме нахождения принадлежащего ему улуса на территории этого государства, ничего более точно уста-

новить не представляется возможным. Следует также отметить, что непосредственно в годы реставрации Шибанидов в Сибири нет упоминаний об участии в ней представителей Бухары. Нам кажется, что интересы бухарского хана в этом регионе в явной степени проявляются только в конце 1560-начале 1570-х годов. Можно предположить, что в реальности речь идет не столько о Бухаре, сколько о тех же Алтыулах, то есть ногаях из рода Шихмамаевичей, чьи владения располагались на границе с Бухарой. Возможно, здесь же и располагались владения Муртазы (Атласи, 205, с.55), что в дальнейшем в источниках воспринималось как владение в Бухарском ханстве.

Однако прежде чем разбираться в особенностях внешней политики Сибирского ханства, необходимо рассмотреть последовательность правления Шибанидов Муртазы, Ахмед-Гирея и Кучума в Сибири. Еще в конце 1550-х гг., исходя из приведенных выше известий о русско-сибирской переписке, можно предположить, что на протяжении длительного периода в качестве равноправных соправителей могли рассматриваться вначале Муртаза и его старший сын Ахмед-Гирей, а позднее и средний сын Кучум. Причем последний впервые упоминается только в контексте военного похода и свержения Тайбугидов в 1563 году (Маслюженко, 2007-б, с.56-57). Скорее всего, такая ситуация сохранялась и после захвата Искера, поскольку еще в 1565 году сибирский царевич Муртаза наделал много обид русским данщикам в Сибири (Словцов, 1886, с.ХІХ). Видимо, только после этого Муртаза и Ахмед-Гирей уходят в Бухару, а Кучум становится самостоятельным сибирским правителем, хотя позднее ситуация соправления двух ханов в Сибири еще раз повторится. По мнению Т.И.Султанова, такое положение двух или нескольких султанов, носивших титул хана одновременно, достаточно часто складывалась в Средней Азии, например, таковыми были основатели Казахского ханства Керей и Джанибек (Султанов, 2001, с.148).

Во второй половине 1560-х гг. Сибирское ханство стало активной стороной внешнеполитических отношений в восточных степях. Так, Т.И. Султанов считает, что резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, а также его союзником Шигай-султаном (Султанов, 2001, с.190-191). Несмотря на то, что ранее первый из них воспитывался у Ших-Мамая, в этот период казахи под его руководством начинают активную борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В частности, в 1569 г. Хакк-Назар и Шигай совершили крупный поход на Ногайскую Орду (Исин, 2002, с.88). Следует отметить, что среди ногаев значительные потери от их активизации понесли именно Шихмамаевичи, которые до того рассматривались в качестве союзников (Трепавлов, 2001-б, с.34-35).

М.Х.Абусейтова считает, что казахи изнуряли башкир поборами и грабежом (Абусейтова, 1985, с.52), а, по мнению П.И.Рычкова, на протяжении 1570-х гг. собирали дань с сибирских ногайцев и татар (Исин, 2002, с.100). Учитывая, что до того башкирские улусы во главе с будущими сибирскими ханами были частью Ногайской Орды, вопрос о них был принципиален для Кучума. Впрочем, это столкновение было связано не только с борьбой за башкирские улусы, но и с

более широким конфликтом между Ногайской Ордой, в частности ее восточным крылом во главе с Шихмамаевичами, и Казахским ханством на фоне растущего кризиса в отношениях Османской Порты и России (Исин, 2000, с.95-96).

Появление первых дипломатических документов переписки между Кучумом и Иваном IV также связано с этими событиями, хотя до того, как следует из жалованной грамоты Строгановым 1564 года, в Москве ждали сибирских послов, возможно, как раз тех, о которых перед смертью договаривался Исмаил. Вместо этого в грамоте указывается, что «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны ити в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город дважды имывали...» (Дополнения, 1846, с.170). Возможно, в последнем случае речь идет именно об активности Муртазы, которая приходится на 1563 год. Впрочем, ни послов, ни нападения на Пермь Москва так и не дождалась.

Однако основная переписка с Москвой началась, видимо, в 1569 году. В письме говорилось: «Кучуму царю Сибирскому слово наше то: преж сего Сибирской Едигер Князь на нас смотрел, и с Сибирские земли со всей, на всяк год, дань к нам присылал» (СГГД, 1819, с. 63). Тем самым Москва первой решила напомнить о бывших обязательствах Сибири перед Российским государством. С этим письмом в Сибирь был отправлен выпущенный из тюрьмы татарин Аиса, который ехал в Сибирь через Пермь.

Уже весной 1570 (7078) г. в Москву через Пермь была доставлена грамота от сибирского царя Кучума, а также сообщения от управлявшего пермскими землями князя Ромодановского. Указывается, что в это время никакого разору от сибирских людей Перми не было. В Пермь было передано письмо из Сибири, сообщавшее о ситуации 1569 г.: «Ныне де дань собираю, господарю Вашему царю и Великому князю послов пошлю; а нынче деи мне война с Казацким царем и одолее меня царь казацкой и сидеть на Сибири, ино и тот господарю дань учнет не давати» (Акты, 1841-а, с.540-541). Это письмо по своему тону удивительно схоже с подобной грамотой ногаев в Крым, где также видно предостережение от контактов с Хакк-Назаром (Трепавлов, с.369). Очевидно, что инициатива отправки посольства принадлежала Боярской Думе, в связи с этим царь спрашивал у бояр совета в том, стоит ли с сибирским царем вести об этом разговоры, то есть выражались сомнения в правильности сбора дани с юридически независимого государства (Акты, 1841-а, с.541).

В 1570 г. в Москву пришло письмо от Кучума с предложением прекратить взаимную неприязнь и быть в дружбе, а также отпустить кого-нибудь из пленников. В письме говорится, что сибирский хан не присылал грамоты, поскольку был связан войной, теперь же «...мы того недруга своего взяли», что, скорее всего, указывает на одержанную, в том числе с помощи русских, победу над казахами. Однако хан оговаривается: «...ныне похощь миру, и мы помиримся, а похощь воеватися, и мы воюемся» (СГГД, 1819, с.52). В целом, за исключением указанной фразы, письмо имеет подчеркнуто миролюбивый характер и затрагивает вопрос дальнейшего продолжения обмена посольствами, одновременно с этим указывая на равноправный статус Сибирского и Русского государств.

Резонно предположить, что переписка была не столько личным деянием Кучума, сколько продолжением ногайско-русских отношений, направленных, с одной стороны, на предотвращение союза ногаев с Крымом и их включение в османский союз. С другой стороны, оно может рассматриваться как благодарность за помощь Москвы против Казахского ханства и попытка воспрепятствовать усилению русской дипломатии в среде казахов. Однако ответ Москвы на это письмо нам неизвестен (Небольсин, 1849, с.39).

В результате была продолжена переписка в стиле письма 1569 года о восстановлении дани. Кучум отправил посольство с Томасом и Аисой с грамотой: «Кучум богатырь Царь, слово наше, да послал в том, чтобы его Царь и великий Князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю» (СГГД, 1819, с.63). Дань была определена в тысячу соболей и сборщику дани тысячу белок. В Сибирь с этими грамотами в 1571 г. был отправлен Третьяк Чубуков для приведения Кучума к шерти. Вскоре в Москву была доставлена первая дань, и Кучум подтвердил шерть (СГГД, 1819, с.64).

Однако ситуация в степи менялась гораздо быстрее, чем ее могли предсказать русские дипломаты в условиях последних лет опричнины и разгрома московских войск крымским ханом в 1571-2 гг., в составе отрядов которого были и ногаи. Уже в 1572 году ситуация была абсолютно иной, причем первоначально это изменение прослеживается лишь по некоторым оговоркам. Так, Генрих Штаден пишет о том, что в это время «некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя» (Штаден, электронный вариант). Можно было бы списать это на случайность в связи с внутренней неразберихой в Москве, поскольку тогда же были ограблены английские купцы. Но ведь в том же году была отправлена грамота Строгановым о посылке ратных людей для приведения в покорность черемисов, башкир, остяков, вогулич и ногаев, грабивших торговцев по Каме (Дополнения к актам, 1846, с.175). В целом складывается впечатление, что на тот момент у русских дипломатов отсутствовала единая концепция сибирской и ногайской политики, несмотря на то, что намечалось охлаждение крымско-ногайских отношений (Исин, 2000, с.102), связанное с недовольством ногаев реальными результатами московских походов.

В 1573 году Кучум отказывается от ранее выплачиваемой дани (Щеглов, 1993, с.29), что связано с последствиями крымского похода на Москву и приводит к охлаждению отношений между Сибирским ханством и Россией. Одновременно с этим Москва, заключая ряд договоров с Хакк-Назаром, искала не только улучшения торговли, но и союзников против Кучума (Абусейтова, 1985, с.54-55). В частности, Иван IV отправил к казахам по просьбе Строгановых уже знакомого нам Третьяка Чубукова, который был схвачен племянником Кучума Маметкулом в июле 1573 г. на реке Чусовой (Строгановская, 1996, с.58). Причем, по мнению Г.Файзрахманова, Чубуков также вез грамоту с признанием Кучумом своей зависимости от России (Файзрахманов, 2002, с.145), хотя нам и не удалось найти этому подтверждения в источниках. Поход Маметкула в данном случае хорошо вписывается в обострение сибирско-русских отношений. Ведь недаром

в жалованной грамоте Строгановым от 1574 года указывалось, что Маметкул пограбил многих остяков, как до того собирал дань с остяков, вогуличей и югры, ранее плативших ясак в Москву, увел черемис, а на Пермь лишь дорогу спрашивал (Миллер, 2005, с.332-333). Впрочем, ожидаемого похода на Пермь со стороны сибиряков так и не состоялось. На наш взгляд, в данном случае действия Маметкула следует рассматривать не как стремление к прямому столкновению с Москвой, а как продолжение политики по обложению данью сибирского населения, которая, как уже об этом говорилось ранее, являлась неотъемлемой частью государственной идеологии Сибирского ханства. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой в свою пользу, не был столь очевиден для Искера.

В ответ на эту политику Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данников от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью». Предлагалось также освободить всех насельников этих земель на 20 лет от податей, а также разрешить бухарцам и казахам торговать беспошлинно (Миллер, 2005, с.332-334). Последнее было чрезвычайно важно с учетом расширения здесь бухарской торговли (Зияев, 1983, с.19).

По сути, передавая эти земли, царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а Кучум рассматривался как незаконный с точки зрения русских правитель. К тому же в русском понимании эти земли вполне подходили под пустые: «на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не стаивали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» (Дополнения, 1846, с.168). Таким образом, обострение отношений на этом этапе привело только к тому, что часть бывших русских данщиков, в частности черемисов, стали платить дань в Искер, а в ответ царь ограничился лишь расширением полномочий Строгановых, которые не имели к этому никаких возможностей.

Активизация внешней политики Сибирского ханства сопровождалась и некоторыми изменениями внутри данного объединения, в частности, связанными с политикой исламизации. Как было показано выше, отдельные попытки по приведению сибирского населения в мусульманскую веру проводились и ранее. Однако, по предположению М.А.Усманова, в ситуации обострения отношений с христианскими государствами укрепление внутренних позиций ислама является логичным продолжением ханской политики (Усманов, 1985, с.179-182). Возникает резонный вопрос: мог ли ислам в таком случае быть одним из подходов в политике по объединению улуса или, по крайней мере, воспринимался ли таковым самим ханом? Ведь, по некоторым данным, даже в результате реформ Узбе-

ка ислам приняла лишь политическая элита, причем, скорее всего, только ее отдельные группы, непосредственно связанные с азиатской торговлей (Кульпин, 2006, с.41-42).

По мнению Г.Ф.Миллера, при Кучуме в Сибири впервые была введена магометанская вера, хотя с позиций современных исследований сибирской истории очевидно, что подобные попытки проводились Чингизидами на этой территории и в предыдущее время. При этом подчеркивается, что проповедники ислама приходили и до этого, но «многие из них кончили за то свою жизнь мученической смертью». Кучум также при проведении исламизации столкнулся с большими трудностями, поскольку подданные готовы были платить дань, но не достаточно было отдать приказ о смене веры. По этой причине Муртаза, отец Кучума, отправил ему в помощь старшего брата Ахмед-Гирея с войском и мусульманскими священниками различного уровня. Исламизация проводилась насильственно, «а некоторые упорно сопротивлявшиеся заплатили даже за это свою жизнь» (Миллер, 1937, с.198-199). Предполагается, что исламизация была необходима для усиления контроля над территорией Сибирского ханства (Нестеров, 1988, с.17), хотя, как уже было отмечено выше, в высшей степени сомнительно, чтобы этот способ срабатывал в кочевой среде.

В результате в более поздних источниках встречается информация о том, что некоторые татарские роды, а также остяки, жившие далеко от столицы, так и остались идолопоклонниками. Такие сообщения, в частности, предшествуют летописному рассказу о начале похода Ермака в Сибирь, то есть относятся к концу правления Кучума в Искере, хотя, возможно, отражают ситуацию и более позднего времени. Указывается, что «тотар(ов)я закон Моаметов держат», однако в отношении других групп населения говорится о том, что их религия не ясна, или, как в отношении остяков и самоедов: «...идолам поклоняются и жертвы приносят...» (ПСРЛ, 1987, с.45). Так, Г.Ф.Миллер сообщает, что даже в его время «многие... были язычниками; те же, которые уже давно признали магометанскую веру, только несколько лет назад приняли обрезание, и то лишь после того, как к ним тайно прибыл посланный магометанского духовного главы из Томска и Тары и под угрозой наказания за непослушание принудил их согласиться» (Миллер, 1937, с.199). Хотя влияние ислама на сибирских татар по Иртышу, Тоболу и Ишиму именно в эти годы значительно усиливается, но широкое распространение мусульманских идей в регионе началось только в XVII - начале XVIII вв. (Ярзуткина, 2002, с.504).

Источники не содержат однозначных данных о результатах работы мусульманских миссий в этот период, однако для нас особенно интересен вопрос о намеченных в источниках закономерностях взаимоотношений между Кучумом и Ахмед-Гиреем. У Н.Ф.Катанова идет речь о том, что в Искер было подготовлено две мусульманские миссии в 1572 и 1574 годах. Причина первой скрывалась в желании Кучума получить для наставления в вере потомков сеида и шейха, в том числе и в связи со смертью предыдущего главы мусульман в Сибири. При этом, послы Кучума обратились непосредственно в Бухару, но миссия собиралась в Ургенче, входившем в состав Хивинского ханства, что само по себе весь-

ма странно, учитывая сложные отношения между лидерами этих объединений (Бартольд, 1968-а, с.555). Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат хана Ахмед-Гирей-султан, который, впрочем, здесь пробыл не более года, возможно, по причине необходимости принять юрт из рук умершего отца (Миллер, 2005, с.195). Судя по всему, основное место деятельности миссии располагалось не на Тоболе, а гораздо южнее, в Саргатской волости на Ишиме. Спустя два года Ярым-сеид, назначенный хакимом, умер, а Шербати-шейх вернулся в Ургенч. В рассматриваемом нами источнике не идет речи о массовом сопротивлении татар исламизации, а следовательно, о насильственной смерти кого-либо из миссионеров. Однако факт возврата Шербати-шейха наводит на мысль о том, что первые результаты были отнюдь не удовлетворительными.

В результате этого Кучум обратился в 1574 году в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжой, родственником умершего ярым-сеида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем. Кстати, он все еще оставался султаном, хотя его средний брат был уже ханом. Очевидно, что к этому времени Ахмед-Гирей, который, видимо, был связан со среднеазиатскими ногаями, испытывал определенные притеснения от казахов и не надеялся получить юрт. По приходу в Сибирь Кучум уступил своему брату престол, на котором последний находился вплоть до своей смерти спустя четыре года в 1578 г., когда престол вновь занял Кучум (Катанов, 1897, с.51-60). Впрочем, и в дальнейшем именно бухарцы играли основную роль в распространении ислама в Сибири (Ядринцев, 2000, с.37-38). По предположению М.Абдирова, Дин-Али-ходжа был постоянным послом бухарского хана Абдуллы в Сибири, в результате одна из дочерей Кучума была выдана замуж за ходжу (Абдиров, 1996, с.51, 57).

Хотя в родословной Дин-Али-ходжи в смерти Ахмед-Гирея нет ничего странного, иные легенды сибирских татар позволяют взглянуть на это событие по-другому, в частности увязывая ее с той внешнеполитической ситуацией, которая возникла в степях в правление казахского хана Хак-Назара. Ведь недаром вину за смерть хана возлагают как на бухарцев, так и на ногайского бека Ших-Мамаю, активно вмешивавшегося в сибирские дела (Трепалов, 2002, с.209-210). В этих источниках говорится, что Ахмед-Гирей-хан был предположительно убит своим тестем Ших-Мамаем, и его место занял Кучум, который и перевел свой юрт на Тобол (Катанов, 2004, с.148). Однако в казахских источниках убийство Ахмед-Гирея связывают не с Ших-Мамаем, к тому времени уже давно умершим, а с Шигай-ханом, союзником и будущим наследником Хакк-Назара (Кляшторный, Султанов, 1992, с.292-293). Значительные интересы этого хана в Сибири подчеркиваются Кадыр-Али-беком, который сообщает о том, что жена Шигай-хана также была из Сибири и видимо происходила из чатских татар, которые в начале 1550-х гг. уничтожили другого казахского хана Тугума (Атыгаев, 2007, с.58-59).

Конкретные причины убийства Шигаем Ахмед-Гирея были, скорее всего,

связаны с противостоянием именно в эти годы Сибирского ханства казахам, хотя легенды говорят о более «романтической» версии, связанной с мстостью за дочь (Абдиров, 1996, с.58). «Керей соединил свою собственную жену с одним купленным рабом. Услышавши об этом, тесть Керей-хана рассердился на него, напоил допьяна и привязал к его к хвосту лошади», но при этом на убийство подбивал не сам тесть, а его сын, говоривший «...не отпускай его, - он сделался большим богатырем; если освободишь его, то он уничтожит твой собственный народ» (Катанов, 2004, с.148). Кстати, Кучум также был женат на дочери Шигай-хана (Катанов, 1897, с.60).

Таким образом, есть резон говорить о том, что в период с 1572 по 1578 г. Кучум и Ахмед-Гирей правили либо совместно, либо поочередно. Исходя из контекста дальнейших событий, можно предположить, что Ахмед-Гирей отвечал за азиатское направление внешней политики, а Кучум - за российское, что потенциально приводило к неизвестности ханов за пределами их деятельности. Только после убийства старшего брата Кучум-хан стал править единолично.

В 1576-1577 гг. в документах вновь отмечается активизация деятельности Кучум-хана, в частности на ногайском направлении. В.В.Трепавлов пишет, что в 1576 к нему на службу пришел мирза Каракул, сын умершего бия начала XVI века Агиша (Трепавлов, 1997, с.182). Кстати, в начале 1580-х гг. тот же мирза оказался в окружении прорусски настроенного Ураз-Мухаммеда, старшего сына бия Дин-Ахмеда (Трепавлов, 2002-а, с.324). Известно, что посольство из Сибири в 1577 г. дошло и до Крымского ханства (Копылов, 1974, с.35).

В июле 1577 года в Москву приходит отчет от детей боярских о поездке к ногаям, который, видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к Ак-мирзе, который являлся лидером Шихмамевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за Ак-мирзу. При этом Таилак встречался с Лачиновым и говорил, что «государь его Кучюм хочет вперед государю Царю и Великому Князю в дружбе бытии, и вперед от Государя не отстаточну быть, и хочет... в том и правду дати по своей вере» (ПДРВ, 1801, с.189). Другим послом Семеном Мальцовым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмеда (ПДРВ, 1801, с.193). Недаром летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучюмом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...» (ПДРВ, 1801, с.222). По подсчетам В.В.Трепавлова, «по меньшей мере четверо... ногайских мирз женились на дочерях Кучума, а сам он взял за себя ногайскую «княжну» (Трепавлов, 2002-а, с.373.)

В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмеду из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной

грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» (ПДРВ, 1801, с.281). Видимо, этот даруга и в реальности собрал дань (Исин, 2002, с.105).

В то же время, не все в отношениях с ногаями было так хорошо. Незадолго до упомянутого выше ответа Дин-Ахмеду в Москву приходит письмо от Хан-мирзы, сына Уруса, который занимал в Ногайской Орде на тот момент второй по значимости после бия пост нурадина. В нем с намеком на верность России против Крыма мирза пишет: «Да бью челом, с Тюменским и с Сибирским ратным учинился есмя, чтоб еси рати пожаловал. А болши Сибирского недруга у нас нет. А у меня своих воинских людей двадцать тысяч, чтоб еси пожаловал десять тысяч людей рати дал, Сибирь воевати. А мне до отца своего до Уруса дела нет, и до дяди своего до князя дел нет же» (ПДРВ, 1801, с.268-269). Иван IV ответил не напрямую Хан-Мирзе, статус которого во внешней политике был невысок, а самому Дин-Ахмеду. Причем ответ был достаточно жесткий, намекающий на то, что бию необходимо самому разбираться в своих делах: «И мы рати ему не дали и ему отказали, чтоб он вперед так с молодости без Урусова ведома не писал к нам в своих грамотах» (ПДРВ, 1801, с.281). В то же время, хотя в грамотах везде и указывается непричастность Уруса, следует учитывать, что сами бий Дин-Ахмед и нурадин Урус в это время находились в конфликте, который разрешился только в связи со смертью первого в мае 1578 года (Трепавлов, 2002-а, с.318-319). Однако сам тон ответа и отказ в поддержке военного вмешательства в сибирские дела однозначно может свидетельствовать о нежелании русского правительства начинать в конце 1570-х гг. конфликт с Кучумом.

В 1579 году бухарский хан Абдулла II, будучи лидером антиказахского союза, идет на сближение с Хакк-Назаром, и в результате уже следующий хан этого объединения знакомый нами Шигай был ставленником Бухары (Абусейтова, 1985, с.55). Данное событие привело к окончательному превращению степного мира в единое пространство, где наибольшим лидером выступал бухарский хан, а военную силу контролировали ногаи. На этот момент основным объектом грабежа выступали казахи, но никто не желал обострения отношений с могущественным русским царем, несмотря на попытки ногаев несколько ужесточить русскую политику. В этом отношении Кучум как еще одна сторона степной политики выступал сторонником подобных действий, что, в частности, подтверждается расширением его связей с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммедом, который вскоре женился на дочери Кучума Карамыш и получил ссуду в пять тысяч алтын. В ногайской среде именно этот представитель правящей династии был наиболее промосковски настроен (Трепавлов, 2002-а, с.322-323, 372-373). Тем самым замирение на южных границах не привело к открытому столкновению с Москвой, поскольку в этот период в нем не был заинтересован никто из союзников Кучума. Автор вполне согласен с точкой зрения Е.А.Рябининой, высказанной ей в подготовляемой к защите кандидатской диссертации, о немотивированной агрессии Строгановых против Сибирского ханства, выразившейся в частном по своему характеру грабительском походе Ермака.

В этой связи возникает вопрос о характере русской политики Сибирского

ханства и ее связи с походом Ермака, приведшим к падению этого объединения. Летом 1581 года пельымский князь совершил нападение на строгановские владения: «приходил деи войною Пельымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне ... стоит около Чюсовского острогу» (Миллер, 2005, с. 335). Данная информация подтверждается Строгановской летописью, где уточняется, что походом руководил вогульский мирза Бегбелия Агтаков, причем подчеркивается, что это был уже второй приход вогулов на Пермь (Строгановская, 1907, с.9).

Осенью 1582 года, уже после ухода Ермака в сибирский поход, был совершен набег на пермские городки и Чердынь: «Пельымской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей поболи, и многие убытки нашим людям починили» (Миллер, 2005, с. 335). Следует учитывать, что авторы Строгановской летописи, в отличие от иных источников, уже строительство крепостей в 1558 году, как и в более позднее время, мотивировали постоянной агрессией ногаев и сибиряков (Строгановская, 1907, с.2 и далее). Тем самым подводилось идеологическое обоснование под возможную войну с ханством.

В Строгановской летописи говорится о том, что пельымский князь напал вместе с отрядом из татар, остяков, вогулов, вотяков и башкир. В то же время, в отношении рассматриваемого события впервые уточняется, что в походе участвовали «мурзы и уланы Сибирской земли» (Строгановская, 1996, с.62; Усманов, 1982, с.163). Однако сама фраза о том, что поход возглавлял пельымский князь, отрицает возможность подчинения ему более значимых по своему статусу огланов, то есть царевичей, из рода Кучума. К тому же Пельымское княжество в это время было независимым от ханства Кучума и проводило самостоятельную политику. Р.Г.Скрынников вообще пишет о том, что в ходе этого похода «лучших сибирских людей» возглавлял старший сын Кучума Алей (Скрынников, 1986, с.216-218). Однако, на наш взгляд, эта, казалось бы, логичная версия не находит подтверждения в источниках.

Имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста агрессивности сибирского хана в начале 1580-х гг. как возможной причины для нападения отряда Ермака. Напротив, подчеркивается, что нападения остяков и вогулов были связаны с деятельностью промышленников Строгановых, занимавшихся открытым грабежом местного населения (Скрынников, 1986, с. 126). В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в 1582 году: «... и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пельинцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» (Миллер, 2005, с. 335).

Таким образом, поход Ермака в 1582 году мог рассматриваться как необоснованная агрессия против независимого ханства и не укладывался в общую концепцию геополитических устремлений России, в частности, в восточное направление политики, в рамках которого с татарскими объединениями пытались искать мира и дружбы. К этому времени Москва уже достигла потенциально

необходимых для целостности государства границ по Уралу и Сибири и, как складывается впечатление, не была готова к выходу на обширные сибирские земли. К тому же, по мнению В.В.Пестерева, «к началу 80-х годов XVI века внешнеполитические неудачи Русского государства и внутренняя нестабильность сильно отразились на способности государства к адекватной оценке собственных возможностей», а также прослеживается боязнь действий, которые могли бы это положение еще более ухудшить (Пестерев, 2005, с.51). В данном случае поход был инициативой конкретных людей, которые обладали значительным иммунитетом от государственной политики. Не вдаваясь в подробности самого похода и его конкретные результаты, отметим, что, на наш взгляд, именно это событие стало той гранью, которая отделила Сибирь средневековую от Сибири нового времени. Конечно, борьба Кучума и его потомков за реставрацию Сибирского ханства, а в конечном итоге за собственное выживание, продолжалась еще на протяжении почти столетия. Если взглянуть на эти события с точки зрения Кучумовичей, то они продолжали себя считать независимыми правителями, что подчеркивалось и в титулатуре, и в самой церемонии въезда пленных представителей этой династии в Москву, что могло рассматриваться как форма выражения «имперского триумфа» (Акты, 1841-б, с.8 и далее). Однако обозначившаяся русская доминанта и переход сибирского вопроса из сферы внешней во внутриполитическую говорит в пользу того, что дальнейшие события должны уже рассматриваться с иной точки зрения и в другом историческом контексте.

Само же поражение Кучума было предрешиено эволюционными особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами. Кризис ханства стал одним из звеньев постепенного расширения власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. Причины поражения следует искать не в слабости сибирского войска и тем более не в нежелании оборонять якобы незаконного хана, а в том, что татары, вооруженные в контексте степных достижений, привыкли к традиционным войнам и были не готовы к иной тактике (Худяков, 2000, с.268-271; Герасимов, Шлюшинский, 2006, с.138). Не менее важным было то, что сибирские лидеры не смогли предложить единой идеологии, которая смогла бы всех сплотить, а само ханство представляло разношерстный по своим характеристикам и статусу набор улусов. Хан Кучум и его потомки, несмотря на почти вековое сопротивление, были обречены в контексте начавшегося общего кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В средневековой истории лесостепного Притоболья может быть выделено три этапа, отличающихся друг от друга особенностями функционирования и внешних связей местных коллективов.

На первом этапе, который в целом можно широко датировать V-XII вв., происходит оформление т.н. «бакальской археологической культуры», которая выступает на территории лесостепи, с одной стороны, как наследник культур раннего железного века, а с другой - в качестве структурной единицы единого угорского мира. По всей видимости, ее судьба была тесно связана с миграциями на территории региона протомадьярских коллективов, для которых бакальское население выступало в качестве стабильных партнеров, что позволяет предположить участие отдельных групп мадьяр в формировании этой культуры. Рефреном всей истории «бакальцев», расположенных на границе со степью, были постоянные конфликты с кочевыми объединениями, которые и привели к необходимости строительства сети укрепленных городищ на северных берегах притоков реки Тобол. В то же время, южная опасность влекла за собой не только военизацию быта бакальцев, но и, видимо, частично принятие культуры доминирующих степных этносов и политий. По отношению к этому процессу принято употреблять термин «тюркизация», хотя его внутреннее содержание еще не устоялось. Под ним можно понимать как принятие отдельных черт тюркской культуры, так и в целом изменение этнической карты региона. Хотя население бакальской культуры известно нам только по данным археологии, схожесть ее материальной культуры с таежными образцами свидетельствует в пользу возможности достижения более высокой стадии политического развития. Все это потенциально могло привести к формированию в лесостепном Притоболье в более поздний период отдельного угорского объединения, схожего по своей структуре с Пелымским или Кодским княжествами.

Однако в начале XIII века расширение Монгольской империи приостановило это закономерное внутреннее развитие, что привело к началу второго этапа средневековой истории. Еще в правление Чигис-хана территория лесостепного Притоболья становится частью его государства и выделяется в улус старшего сына и наследника Джучи. Наиболее значительные изменения были связаны с усилением степного давления групп номадов, которые бежали от монголов на кочевую периферию. Большинство бакальских городищ было заброшено, а сама культура в значительной степени трансформировалась, что стало основой для начала этногенеза отдельных групп сибирских татар. С этого времени значительное влияние на местные группы оказывает не только тюркская культура, но и монгольская, что особенно явно заметно в сфере политики.

Проблема принадлежности этой территории к определенному улусу наследников Джучи, по всей видимости, не имеет однозначного решения. Скорее всего, она была разделена между его сыновьями Ордой-Иченом и Шибаном. На протяжении следующих двух столетий владения Шибанидов здесь стабильно

увеличивались, что было связано с их лояльностью по отношению к сарайскому правительству и одновременно с этим с конфликтами с потомками Орды. Во второй половине XIV века Шибаниды приняли активное участие в борьбе за сарайский престол, а позднее поддержали Тохтамыша. Активная внешнеполитическая деятельность этой династии значительно увеличила территорию улуса, в частности в северном направлении. К началу XV века потомки Шибана часто стали выступать в качестве степных лидеров.

По всей видимости, все это в совокупности с установлением контактов с формирующейся Ногайской Ордой приводит к оформлению шибанидских владений непосредственно на территории региона и третьему этапу в средневековой истории. Истоки местной государственности надо искать в юрте Хаджи-Мухаммад-хана, который в 1420-х гг. считался одним из могущественных степных ханов. Его владения располагались в междуречье Ишима и Тобола. Однако его войска были разбиты представителем той же династии Абу-л-Хайром в битве на р. Тобол, и в результате лесостепное Притоболье стало частью Узбекского ханства. Однако уже в конце жизни этого хана и особенно после его смерти вновь наметились центробежные тенденции, в результате которых на первое место в степной политике при поддержке Ногайской Орды выходит внук Хаджи-Мухаммада Ибрахим-хан. В его правление не просто сформировалось Тюменское ханство, но и произошло оформление основных концепций его внешнеполитического развития. Сущность этой политики заключалась в том, что тюменские ханы претендовали на роль наследников Бату как основателя Золотой Орды. Этим были обусловлены столкновения с лидером Большой орды Ахмад-ханом, а также походы на Казань и Астрахань. В период его правления, особенно в 1470-80-е годы, активизировалась дипломатическая переписка с московскими князьями, также активно участвовавшими в степной политике.

Однако внешняя политика для Ибрахима не принесла ожидаемых результатов. С целью внутренней стабилизации ханства он был вынужден заключить договор с князьями из местной династии Тайбугидов. Около 1493 года они совершили переворот, и Ибрахим был убит, что привело к образованию Сибирского княжества. При этом, на наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что после этого события Шибаниды покидают Сибирь. Внимательное прочтение источников позволяет предположить, что Тайбугиды заняли только крайние восточные земли юрта и перенесли столицу в Искер. При этом на западе сохранялась власть Шибанидских ханов, хотя с этого времени, особенно при Шейх-Мамае и его потомках, они в большей степени выступают как марионетки ногайских биев. Власть Тайбугидов также не отличалась стабильностью, что привело к необходимости признания ими вассалитета от Русского государства, а также легитимации правления с помощью фальсификации своей генеалогии. В середине 1550-х гг. посольства Тайбугидов и Шибанидов постоянно приезжают в Москву, что хорошо вписывалось и в основные закономерности дипломатии ногайских лидеров, которые оказывали доминирующее влияние в регионе. Внешнеполитические неурядицы привели к реставрации власти Шибанидов в Сибири в 1563 году. На

наш взгляд, нет резона говорить об этом событии как о завоевании, поскольку русские летописи сообщают о том, что представители этой династии заняли престол по приглашению местной знати, причем на этапе переговоров наибольшей активностью отличался не сам Кучум, а его отец Муртаза и старший брат Ахмед-Гирей. Их влияние на сибирские дела сохранялось и в более поздние годы, что, в частности, видно из соправления братьев в 1570-е годы.

Занятие Кучумом престола в Искере свидетельствует о необходимости наименования этой политики Сибирским ханством. О первых годах его правления источники практически ничего не сообщают, однако отсутствие известий не должно трактоваться как подчинение территории военным путем ханом-узурпатором и подавление им восстаний местных племен. Однако структура нового ханства действительно была весьма размытой при значительной независимости улусов местных аристократов. В конце 1560-х гг. Кучум вновь вступает в переписку с Москвой. Очевидно, что его к этому подтолкнула внешняя напряженность и начало военных действий против казахов во главе с Хакк-Назаром. К этому его подталкивал не только захват казахами части Южного Зауралья, но и необходимость поддержать политику Ногайской Орды и, в частности, Шихмамаевичей, которые первыми приняли на себя удар. Дальнейшие переговоры в целом схожи с внешнеполитической концепцией Ибрахим-хана. В начале 1570-х гг. на территории Сибирского ханства расширяется деятельность мусульманских миссий, что может быть связано как с необходимостью создания единой идеологии, так и с влиянием могущественного Бухарского ханства. Именно с этого времени Бухара выступает в качестве второго центра влияния, помимо ногаев. К тому же в этот период сами ногаи были тесно связаны с бухарской политикой, в частности против Казахского ханства.

Наиболее сложно интерпретировать походы сибирских войск под руководством представителя Шихмамаевичей при Искерском дворе Маметкула на территорию, подвластную Москве. Обращает на себя внимание то, что в ходе этих нападений опасности подвергались не столько русские, сколько их вассалы в Югре и Перми. Очевидно, что расширение числа данников было жизненно необходимо для сибирского правителя, так как его власть как кочевого лидера основывалась на возможности извлечения материальных ценностей из соседних народов. С этой точки зрения, решение вопроса о том, кому платить ясак населению северных регионов, не мог быть решен так однозначно, как это казалось Москве. Ряд нападений этого времени, в частности непосредственно перед походом Ермака, вообще не связаны с политикой Кучума, поскольку являлись инициативой независимых пелымских князей. Очевидно, что как Москва, так и Искер стремились избежать прямого конфликта, к которому привела политика Строгановых. Падение Сибирского ханства было полной неожиданностью для всех сторон внешней политики этого периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдиров М.* - Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996.
- Абрамцев, 1904.* - Абрамцев А. Ермак и Царство Сибирское (историко-критический очерк). Новочеркасск, 1904.
- Абулгази, 1768.* - Абулгази Баядур-хан. Родословная история о татарах. Т.П. СПб., 1768.
- Абулгази, 1906.* - Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-гази, хивинского хана, с примечаниями Н.О.Катанова. Казань, 1906.
- Абусейтова, 1985.* - Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.
- Адамов, 2002.* - Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
- Акты, 1841-а.* - Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1334-1598 гг. Т.1. СПб., 1842.
- Акты, 1841-б.* - Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.2. СПб., 1842.
- Аникович, 1981.* - Аникович М.В. О содержании понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
- Аннинский, 1940.* - Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Вып. III. М.-Л., 1940.
- Антонов, 2000.* - Антонов И.В. Этнокультурная история Волго-Уральского региона в XIII - начале XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.
- Антонов, 2001.* - Антонов И.В. О времени и характере «кыпчакской» миграции в Среднее Поволжье и Приуралье // В центре Евразии. Вып. 1. Стерлитамак, 2001.
- Антонов, электронный вариант.* - Антонов И.В. Башкиры и Башкортостан в письменных источниках XIII-XIV вв. // <http://kraeved.opck.org/biblioteka/bashkortostan/index.php>
- Археологическая карта, 1995.* - Археологическая карта Курганской области / сост. Н.Б. Виноградов. Курган, 1995.
- Атласи, 2005.* - Атласи Х. История Сибири. Казань, 2005.
- Атыгаев, 2007.* - Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV-середина XVI в.) // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007
- Ахинжанов, 1983.* - Ахинжанов С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983.
- Ахмедов, 1965.* - Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Байпаков, 1994. - Байпаво К.М. Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Барберини, 1843. - Барберини Р. Путешествие в Московию // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843.

Барг, 1979. - Барг М.А. Шекспир и история. М., 1979.

Бартольд, 1964-а. - Бартольд В.В. Статьи из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. Т.1 (2). М., 1964.

Бартольд, 1964-б. - Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч.2. М., 1964.

Бартольд, 1964-в. - Бартольд В.В. Еще о христианстве в Средней Азии // Сочинения. Т. II. Ч.2. М., 1964.

Бартольд, 1968. - Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т.5. М., 1968.

Бартольд, 1968-б. - Бартольд В.В. Кучум-хан // Сочинения. Т.5. М., 1968.

Барынина, 2001. - Барынина Т.В. География находок восточного серебра в Приуралье и проблема пути его поступления в регион // В центре Евразии. Вып. 1. Стерлитамак, 2001.

Барынина, Иванов, 1998. - Барынина Т.В., Иванов В.А. Военно-политическая история евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала в I тыс. н.э. // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Батраков, 1958. - Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII в.). Ташкент, 1958.

Бахрушин, 1935. - Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. Л., 1935.

Бахрушин, 1955. - Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3. Ч.2. М., 1955.

Безертинов, 2001. - Безертинов Р.Н. Татары, тюрки - потрясатели Вселенной. История великих империй. Новосибирск, 2001.

Белавин, 1998. - Белавин А.М. Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Челябинск, 1998.

Белавин, 2000. - Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.

Белавин, 2002. - Белавин А.М. Взаимодействие населения Западной Сибири и Предуралья в эпоху средневековья // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург - Ханты-Мансийск, 2002

Белич, 2006. - Белич И.В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г.Тюмени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 7. Тюмень, 2006.

Берг, 1949. - Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.-Л., 1949.

Березин, 1888. - Березин И.Н. Рашид ад-Дин. История монголов. СПб., 1888.

Березкин, 2000. - Березкин Ю.Е. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднemasштабных обществ // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Бисенбаев. - Бисенбаев А. Другая Центральная Азия // www.kyrgyz.ru

Бондаренко и др., 2002. - Бондаренко Д.М., Коротчаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: социальная эволюция, альтернатива и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Борзунов, 2002. - Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3.

Борзунов и др., 1992. - Борзунов В.А., Корякова Л.Н., Федорова Н.В. Семинар по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990) // Российская археология. 1992. № 3.

Борисов, 2004. - Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.

Боталов, 1988. - Боталов С.Г. Культурно-хронологическая принадлежность синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

Боталов, 1994. - Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья (середина II - середина XIV вв.): Автореф. дис. ...канд.ист.наук. Уфа, 1994.

Боталов, 1995. - Боталов С.Г. Тюркские кочевники Урало-Иртышье // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов всероссийской конференции. Самара, 1995.

Боталов, 1996. - Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Боталов, 2000. - Боталов С.Г. Номады. Челябинск, 2000.

Боталов, 2002. - Боталов С.Г. Гунны и ранние тюрки // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002.

Боталов, 2003-а. - Боталов С.Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II-VIII века н.э.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003.

Боталов, 2003-б. - Боталов С.Г. Некоторые аспекты истории зауральских угров // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы конференции. Пермь, 2003.

Бояршинова, 1960. - Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Бояршинова, Степанов, 1968. - Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII-XVI вв. // История Сибири. Т.1. Л., 1968.

Буданова, 2000. - Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Бустанов, электронный вариант. - Бустанов А.К. Западная Сибирь под властью ордынских правителей (династический аспект) // <http://www.archeologia.narod.ru/bustanov.htm>

Валиханов, 1984. - Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений. Т.1. Алма-Ата, 1984.

Варанкин, 1994. - Варанкин Н.В. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Каргапольской оросительной системы за 1984 год // Архив Института археологии РАН (г.Москва).

Варваровский, 1994. - Варваровский Ю.Е. Распад Улуса Джучи в 60-70-е гг. XIV в. (по данным письменных источников и нумизматики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994.

Васильев, Могильников, 1981. - Васильев В.И., Могильников В.А. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Васильев, 2007. - Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Васильев, электронный вариант. - Васильев Д.В. Утверждение ислама как государственной религии в Золотой Орде // <http://archeovas.narod.ru/islam.htm>

Васильев, 1994. - Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М., 1994.

Васютин, 1998. - Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 1998.

Васютин, Бобров, 2002. - Васютин С.А., Бобров В.В. Потестарные и политарные системы тюркоязычных кочевников эпохи раннего средневековья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Вельяминов-Зернов, 1864. - Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2. СПб., 1864.

Вернадский, 2001. - Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М., 2001.

Верхотуров, электронный вариант. - Верхотуров Д. Южная Сибирь при Чингизидах // <http://www.kyrgyz.ru/?page=308>

Викторова, Генинг, Стоянов, 1964. - Викторова В.Д., Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // Археология и этнография Башкирии. Т.П. Уфа, 1964.

Викторова, Морозов, 1993. - Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Виноградов, 1995. - Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган, 1995.

Владимирцов, 2000. - Владимирцов Б.Я. Чингисхан. СПб., 2000.

Вычегодско-Вымская летопись, 1958. - Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Вып.4. Сыктывкар, 1958.

Гарнати, 1971. - Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Цент-

ральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971.

Гарустович, 1991. - Гарустович Г.Н. Отчет об археологических работах в Краснокамском районе Башкирии и в Шатровском районе Курганской области летом 1991 года // Архив Института археологии РАН (г.Москва).

Гарустович, 1998. - Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тыс.н.э.: Автореф. дис. ...канд.ист.наук. Уфа, 1998.

Гваньини, электронный вариант. - Гваньини А. Описание Московии // <http://www.vostlit.info>

Гекенъен, 2001. - Гекенъен Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223-1556 гг. // Источниковедение улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001.

Генинг, Евдокимов, 1969. - Генинг В.Ф. Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI-VII вв.) // Вопросы археологии Урала. Вып.8. Свердловск, 1969.

Генинг, Зданович, 1986. - Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим - памятник потчевашской культуры VI-VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.

Георги, 1776. - Георги И.-Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776.

Герасимов, Шлюшинский, 2006. - Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Комплекс защитного вооружения татар XV-XVII веков (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск - Омск, 2006.

Герберштейн, 1998. - Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1998.

Гете, 1988. - Гете И.В. Западно-Восточный диван. М., 1988.

Головнев, 1995. - Головнев В.А. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Горский, 2001. - Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.

Горский, 2005. - Горский А.А. Москва и Орда. М., 2005.

Государственный архив, 1978. - Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и комментарии А.А.Зиминой; под ред. А.В.Черепнина. М., 1978.

Грамота, 1998. - Грамота царя Федора Иоанновича к сибирскому царю Кучуму о прекращении его преследования и о позволении ему приехать в Россию для получения замены за потерянное Сибирское царство (1597 г. мая 20) // Тобольский хронограф. Вып. 2. Екатеринбург, 1998.

Греков, Якубовский, 1952. - Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1952.

Григорьев, 1985. - Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. Филологические исследования. Л., 1985.

Григорьев, 2007. - Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов их наименования // Тюркологический сборник-2006. М., 2007.

- Григорьев, Фролова, 2002.* - Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Грум-Гржимайло, 1994.* - Грум-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая Орда // «Арабски» Истории. Мир Льва Гумилева. М., 1994.
- Груссе, 2000.* - Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. М., 2000.
- Груссе, 2005.* - Груссе Р. Империя степей. Атилга, Чингисхан, Тамерлан. Ч. 1-2. Алматы, 2005.
- Гумилев, 1993.* - Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Гумилев, 1994.* - Гумилев Л.Н. История вымышленного царства. М., 1994.
- Гумилев, электронный вариант.* - Гумилев Л.Н. Несторианство и Древняя Русь // Всесоюзное географическое общество. Доклады отделения этнографии. 1967. Вып. 5. // <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article48.html>
- Гуревич, 1992.* - Гуревич А.Я. Послесловие // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Давидович, 1999.* - Давидович Е.А. Средняя Азия при Шейбанидах (XIV в.) // История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. М., 1999.
- Данзан, 1973.* - Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973.
- Демин, 1995.* - Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.-Барнаул, 1995.
- Дженкинсон, электронный вариант.* - Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию // <http://www.vostlit.info>
- Джувейни, 2004.* - Джувейни. История завоевателя мира. М., 2004.
- Дмитриев, 1894.* - Дмитриев А. Покорение угорских земель и Сибири // Пермская старина. Вып. V. Пермь, 1894.
- Дмитриев, 1998.* - Дмитриев С.В. Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан // Mongolica - IV. СПб., 1998.
- Дмитриева, Муратов, 1975.* - Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2. М., 1975.
- Дополнения, 1846.* - Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб., 1846.
- Егоров Л., 1985.* - Егоров Л.В. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
- Егоров Н., 1987.* - Егоров Н.И. К вопросу о месте и времени древних болгаро-угорских контактов // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986.
- Зайцев, 2002.* - Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Зайцев, 2004.* - Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Зияев, 1983.* - Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. Ташкент, 1983.
- Золотая Орда в источниках, 2003.* - Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Зо-

лотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена / Сост. Р.П.Храпачевский. М., 2003.

Зуев, 1981. - Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.

Зыков, 1998. - Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реалии // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума. Омск, 1998.

Зыков, 2002. - Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Иванин, 1992. - Иванин М. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов при Тамерлане // Тамерлан. Эпоха, личность, деяния. М., 1992.

Иванов, 1988. - Иванов В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.

Иванов, 1990. - Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1990.

Иванов, 1991. - Иванов В.А. Научный отчет об археологических раскопках в Шадринском районе Курганской области в 1991 году // Архив Института археологии РАН (г.Москва).

Иванов, 1993. - Иванов В.А. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Поволжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Иванов, 2002. - Иванов В.А. Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Иванов, Сиротин, электронный вариант. - Иванов В.А., Сиротин С.В. Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географических традиций // http://www.sspa.bashtel.ru/facultets/history/his/Sir/page_02.htm

Иовий, электронный вариант. - Иовий Павел. Посольство от Василия Иоанновича в Клименту VII // <http://www.vostlit.info>

Исин, 1985. - Исин А.И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985.

Исин, 2002. - Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI вв. Семипалатинск, 2002.

Истахри, 1973. - Ал-Истахри. Книга путей и государств // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.

История, 2003. - История Золотой Орды: Сборник материалов. СПб., 2003.

История Башкортостана, 1996. - История Башкортостана с древнейших времен до 60х гг. XIX века / Под ред. Х.Ф. Усманова. Уфа, 1996.

История Казахской ССР, 1979. - История Казахской ССР с древнейших вре-

мен до наших дней. Т.2. Алма-Ата, 1979.

История Узбекистана, 1947. - История народов Узбекистана / Под ред. С.В. Бахрушина. Ташкент, 1947.

История Урала, 1989. - История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Исхаков, 2001. - Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV-XX вв. // Татары / Отв.ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. М., 2001.

Исхаков, 2002-а. - Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Исхаков, 2002-б. - Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Исхаков, 2002-в. - Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волгоуральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и поздnezолотоордынский периоды) // Сибирские татары. Казань, 2002.

Исхаков, 2004. - Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. Казань, 2004.

Исхаков, 2006. - Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006.

Исхаков, 2007. - Исхаков Д.М. О титуле «сибирский князь» // X Сулеймановские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007.

Кадырбаев, 1989. - Кадырбаев А.Ш. Тюрки в Монгольской империи Чингисхана и его преемников XIII-XIV века: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.

Калинина, 1988. - Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.

Казаков, 1987. - Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987.

Казаков, 2001. - Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов международной конференции. Оренбург, 2001.

Казаков, 2002. - Казаков Е.П. К проблеме тюркизации Урало-Поволжья в эпоху средневековья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Казаков, 2007-а. - Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Казаков, 2007-б. - Казаков Е.П. Волжские болгары и кочевое население Урало-Поволжья VIII-X вв.: проблемы взаимодействия // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.1. Казань, 2007.

Казаков, электронный вариант. - Казаков Е.П. О художественном металле

угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // <http://tataroved.ru/institut/archeolog/pbl/1>

Казанская история, 1954. - Казанская история. М.-Л., 1954.

Кайдалов и др., 2006. - Кайдалов А.И., Гайдученко Л.Л., Сечко Е.А. Средневековое население городища Усть-Утяк-1 // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной конференции. Курган, 2006.

Кампензе, электронный вариант. - Кампензе А. Письмо к папе Клименту VII о делах Московии // <http://www.vostlit.info>

Карамзин, 1995. - Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. М., 1995.

Каргалов, 1980. - Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980.

Карнейро, 2000. - Карнейро Р. Процесс или стадия: дихотомия в исследованиях истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Карнейро, 2006. - Карнейро Р.Л. Было ли вожество сгустком идей? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / Под ред. Л.Е.Григина и др. Волгоград, 2006.

Катанов, 1897. - Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.8. Тобольск, 1897.

Катанов, 1904. - Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань, 1904.

Катанов, 2004. - Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург, 2004.

Класен, 2006. - Класен Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под ред. Л.Е.Григина и др. Волгоград, 2006.

Клиге и др., 1998. - Клиге Р.К., Данилов И.Д., Конищев В.Н. История гидросферы. М., 1998.

Кляшторный, 2002. - Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков и ее наследники // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Кляшторный, Султанов, 1992. - Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000. - Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Ковригин, Шарапова, 1998. - Ковригин А.А., Шарапова С.В. Проблемы изучения кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем. Ч.1. Екатеринбург, 1998.

Козин, 1941. - Козин С.А. Сокровенное сказание. Т.1. М.-Л., 1941.

Кокшаров, Зыков, 1995. - Кокшаров С.Ф., Зыков А.П. Железный век тайги // Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

Кони́ков, 1991. - Кони́ков Б.А. О периодизировании средневековой истории Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов всероссийской конференции Барнаул, 1991.

Кононов, 1958. - Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л., 1958.

Копылов, 1974. - Копылов Д.И. Ермак. Свердловск, 1974.

Корякова, 1993. - Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993.

Корякова, Сергеев, 1987. - Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 18. Свердловск, 1987.

Косарев, 2007. - Косарев М.Ф. Страна Сибирь - далекая и близкая // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Сб статей к 70-летию Т.М.Потемкиной. Курган, 2007.

Костюков, 1995. - Костюков В.П. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII-XIV вв.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тезисы докладов Всероссийской конференции. Ч. V. Кн. 2. Челябинск, 1995.

Костюков, 1996. - Костюков В.П. К вопросу об улусе Шибана (XIII-XIV вв.) // XIII Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Уфа, 1996.

Костюков, 1997. - Костюков В.В. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997.

Костюков, 1998. - Костюков В.П. Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.-Магнитогорск, 1998.

Костюков, 1999. - Костюков В.П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Челябинск, 1999.

Костюков, 2002. - Костюков В.П. «Там пребывает Шибан, брат Бату...» // Челябинск неизвестный. Вып. 3. Челябинск, 2002.

Костюков, 2003. - Костюков В.П. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003.

Костюков, 2004. - Костюков В.П. По страницам «Путешествия в Восточные страны» (юбилейные записки) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004.

Костюков, 2006-а. - Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник - 2005: Тюркские народы России и Великой степи. СПб., 2006.

Костюков, 2006-б. - Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Костюков, 2007. - Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма //

Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2007.

Костюков, Гуцалов, 2003. - Костюков В.П., Гуцалов С.Ю. Замечания о роли «пастбищно-кочевых систем» в истории кочевников Казахстана // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы конференции. Пермь, 2003.

Кочекаев, 1988. - Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1988.

Крадин, 1992. - Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток, 1992.

Крадин, 2000. - Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империя и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Крадин, 2002-а. - Крадин Н.Н. Империя хунну. М, 2002.

Крадин, 2002-б. - Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2002.

Крадин, Скрынникова, 2006. - Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Кузеев, 1968. - Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце 1 - начале 2 тыс. н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968.

Кузеев, 1971. - Кузеев Р.Г. Урало-аральские этнические связи в конце 1 тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.

Кузеев и др., 1982. - Кузеев Р.Г., Рафиков Х.С., Юмагужина Н.Х. Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир // Советская этнография. 1982. №4.

Кульпин, 2006. - Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2006.

Культура, 1997. - Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Под общей ред. Л.Н.Коряковой и М.-И.Дэйр. Екатеринбург, 1997.

Кумеков, 1972. - Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата: Наука, 1972.

Кумеков, 1987. - Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XIV вв. Алма-Ата, 1987.

Кутаков, Старков, 1997. - Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.

Кызласов, 1993. - Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993.

Кызласов, 2001. - Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // Древности Алтая. № 6. Горно-Алтайск, 2001.

Кызласов, 2005. - Кызласов Л.Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // Вестник Московского государственного университета. Серия 8 «История». 2005. № 2.

Кычанов, 1995. - Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир.

Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995.

Кычанов, 1997. - Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кычанов, 2001. - Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» (Юань Ши) о Золотой Орде // Источниковедение улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001.

Кюгельген, 2004. - фон Кюгельген А. Легитимизация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). Алматы, 2004.

Лебедев, 1995. - Лебедев А.И. Новые средневековые памятники на северо-востоке Башкирии // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995.

Лебедев, 2005. - Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Левицкий, 1978. - Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

Летописец, 1850. - Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Вестник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850.

Летописец, 1895. - Летописец русский (Московская летопись 1552-1562 гг. по рукописи, принадлежащей А.Н.Лебедеву) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн.3. М. 1895.

Летописец вкратце, 1791. - Летописец вкратце (из архива Московской коллегии иностранных дел) // Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791.

Ломанов, электронный вариант. - Ломанов А.В. Раннехристианская проповедь в Китае // <http://www.chinese.orthodoxy.ru/RUSSIAN/kb1/History1.htm>

Лэнь-Пуль, 2004. - Лэнь-Пуль С. Мусульманские династии. М., 2004.

Магидович, Магидович, 2003. - Магидович В., Магидович И. Очерки по истории географических открытий. Открытия древних народов. М., 2003.

Мажитов, 1977. - Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.

Мажитов, 1981-а. - Мажитов Н.А. Южный Урал в VI - VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Мажитов, 1981-б. - Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. М., 1981.

Мажитов, 1981-в. - Мажитов Н.А. К изучению общественного строя Южного Урала эпохи средневековья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Мажитов, 2007. - Мажитов Н.А. Еще раз о башкиро-мадьярских связях (мысли после доклада) // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.2. Казань, 2007.

Максуди, 2002. - Максуди Арсал Садри. Тюркская история и право. Казань, 2002.

Малиновский, 2004. - Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе

- дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004.
- Марков, 1976.* - Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Марков С., 1976.* - Марков С. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1976.
- Мартынова, 2002.* - Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV-XVII вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
- Маслюженко, 2002.* - Маслюженко Д.Н. Генеалогические легенды как фактор захвата власти (к проблеме ценности рода в кочевых обществах монгольского времени) // Система ценностей человека как социокультурная реальность. Курган, 2002.
- Маслюженко, 2003.* - Маслюженко Д.Н. Генеалогия кочевых обществ как способ преодоления кризисных ситуаций // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: Седьмые всероссийские историко-педагогические чтения. Ч. 1. Екатеринбург, 2003.
- Маслюженко, 2005.* - Маслюженко Д.Н. Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (попытка неархеологического взгляда на археологическую проблему) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII ЗСАЭК. Томск, 2005.
- Маслюженко, 2006-а.* - Маслюженко Д.Н. Проникновение христианства на территорию Южного Зауралья в позднее средневековье // Емельяновские чтения. Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. Курган, 2006.
- Маслюженко, 2006-б.* - Маслюженко Д.Н. Исламизация Сибирского улуса: к вопросу хронологии // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы III межрегиональной научно-практической конференции, посвященной М.И.Рижскому. Новосибирск, 2006.
- Маслюженко, 2007-а.* - Маслюженко Д.Н. Некоторые замечания об уровне внутренней интеграции позднекочевых объединений Джучидов // Теоретико-методологические проблемы современного социогуманитарного знания. Курган, 2007.
- Маслюженко, 2007-б.* - Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы соправления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства // Сулеймановские чтения: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007.
- Маслюженко, Кайдалов, 2002.* - Маслюженко Д.Н., Кайдалов А.И. Средневековые городища Тоболо-Исетского междуречья и их роль в освоении края // История сел и деревень Зауралья. Курган, 2002.
- Маслюженко, Меншиков, 2005.* - Маслюженко Д.Н., Меншиков В.В. Этнополитические условия падения Сибирского ханства Кучума и начало освоения Сибири русскими // Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 1. Курган, 2005. № 3.

Маслюженко, Шилов, 2005. - Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н. Новые погребальные памятники эпохи средневековья на территории лесостепного Притоболья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005.

Маслюженко, Рябинина, 2007. - Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Сб. статей к 70-летию Т.М.Потемкиной. Курган, 2007.

Массон, 1996. - Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.

Матвеев, 2007. - Матвеев А.В. Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.1. Казань, 2007.

Матвеева Г., 2007. - Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.2. Казань, 2007.

Матвеева, 1995. - Матвеева Н.П. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т.1. Курган, 1995.

Матвеева, 1997. - Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Матвеева, 2007. - Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Ab origin. Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007.

Матвеева, электронный вариант. - Матвеева Н.П. Новые данные о культурогенезе периода раннего средневековья в Зауралье // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск, 2006. // http://northcongress.ural.ru/index/ru/arh1/public1?r_id=885

Матвеева и др., 2007. - Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // Ab origin. Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007.

Матвеева, Рафикова, 2007. - Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. К вопросу о тюркизации населения Зауралья (по археологическим данным) // Сулеймановские чтения-2006: Материалы IX межрегиональной конференции. Тюмень, 2006.

Материалы, 1936. - Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII в. М.-Л., 1936.

Материалы, 1969. - Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.

Матузова, 1979. - Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII в. Тексты, перевод, комментарии. М., 1979.

Мельникова, 1996. - Мельникова О.М. Проблема взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья: поиск путей решения // Историческое познание: традиции и новации. Материалы международной теоретической конференции. Ч.1. Ижевск, 1996.

Меховский, 1936. - Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.

Миллер, 1937. - Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937.

Миллер, 2005. - Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., 2005.

Мингулов, 1981. - Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.

Миненко, 2000. - Миненко Н. Хожение за «Камень» // Родина, 2000. № 5 // <http://www.istrodina.com/rodina.php3>

Миргалеев, 2003. - Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.

Могильников, 1971. - Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце 1 тыс. до н.э. - 1 тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.

Могильников, 1981. - Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Могильников, 1987. - Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Могильников, 1990. - Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Дис. ...д-ра ист. наук // Архив Института археологии РАН (г.Москва).

Могильников, 1992. - Могильников В.А. Керамика из тюркских памятников юга Западной Сибири // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992.

Могильников, 1993. - Могильников В. К проблеме исходной территории миграции протомадьяр // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Могильников, 1995. - Могильников В.А. Особенности развития процесса тюркизации в степи и лесостепи Западной Сибири // Культура степей Евразии 1 тысячелетия н.э. Тезисы докладов всероссийской конференции. Самара, 1995.

Могильников, 1996. - Могильников В.А. Миграции кочевников Центральной Азии и формирование этнического состава населения лесостепи Западной Сибири // XIII Уральское археологическое совещание. Ч.2. Тезисы докладов. Уфа: Восточный университет, 1996.

Могильников, 1998. - Могильников В.А. Первые русские в Сибири // Тобольский хронограф. Вып. III. Екатеринбург, 1998.

Молчанов, 2001. - Молчанов А.А. Персеиды - Гераклиды - Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XIII. Генезис как форма исторической памяти. М., 2001.

Молявина, 2006. - Молявина Е.Ю. К вопросу о необходимости анализа и сопоставления летописных известий о сибирских Шибанидах (2 пол. XV - нач.

XVI вв.)// Сулеймановские чтения-2006: Материалы IX межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2006.

Молявина, 2007. - Молявина Е.Ю. Современные подходы к изучению истории Сибирского юрта // Историк и его эпоха: Материалы всероссийской конференции. Тюмень, 2007.

Морозов, 2003. - Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конференции. Пермь, 2003.

Морозов, Боталов, 2001. - Морозов В.М., Боталов С.Г. К вопросу о бакальской культуре // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I-II. Пермь, 2001.

Морозов, Ковригин, 1999. - Морозов В.М., Ковригин А.А. Средневековый комплекс Прыговского городища // III Берсовские чтения. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999.

Мухаметов, 2000. - Мухаметов Ф.Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII-XIV вв.). Челябинск, 2000.

Мэн, 2006. - Мэн Дж. Чингисхан. М., 2006.

На стыке, 1996. - На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах / Отв.ред. Н.А.Миненко. Ч. I. Екатеринбург, 1996.

Напольских, 1997. - Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

Насонов, 1940. - Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.Л., 1940.

Небольсин, 1849. - Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849.

Нестеров, 1988. - Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1988.

Нестеров, 1993. - Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Вопросы археологии Урала. Вып. 22. Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.

Нестеров, 1999. - Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв.: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999.

Нестеров, 2002-а. - Нестеров А.Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Нестеров, 2002-б. - Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002.

Оборин, 1990. - Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII вв. Иркутск, 1990.

Овчинникова, 1986. - Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сылвенс-

кой этнокультурной общности конца I - начала II тысячелетия н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.

Овчинникова, 1990. - Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI - X веках. Свердловск, 1990.

Овсянников, 1997. - Овсянников В.В. Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V-XIV вв.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Уфа, 1997.

Огородников, 1920. - Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. I. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920.

Ожерезов, 2002. - Ожерезов Ю.И. Гидроним Кенга в системе тюркоязычной топонимики // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Оксенов, 1888-а. - Оксенов А. Торговые сношения русских с обитателями Северо-западной Азии до эпохи Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. № 10.

Оксенов, 1888-б. - Оксенов А. Сибирское царство до Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. № 14.

Памятники, 1884. - Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. СПб., 1884.

Памятники, 1895. - Сборник Русского исторического общества. Т.95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т.2. 1508-1521 гг. СПб., 1895.

Пастушенко, 2004. - Пастушенко И.Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Патканов, 1999. - Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям // Патканов С.К. Очерк колонизации Сибири. Т.2. Тюмень, 1999.

Пачкалов, 2003. - Пачкалов А.В. Время возникновения города Сарайчука: нумизматические и археологические материалы, письменные источники // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конференции. Пермь, 2003.

ПДРВ, 1795. - Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.Х. СПб., 1795.

ПДРВ, 1801. - Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.ХI. СПб., 1801.

Пестерев, 2005. - Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве (очерки истории колонизации Зауралья конца XVI - середины XVIII вв.). Курган, 2005.

Пигнатти, 1915. - Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915.

Письмо, 1997. - Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду // Гасырлар авызы - Эхо веков. 1997. № 3-4.

Пищулина, 1981. - Пищулина К.А. Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шейбанидами в последней трети XV века // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.

Плано Карпини, 1997. - Дель Плано Карпини Дж. История Монголов // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.

Плетнева, 1990. - Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Плигузов, 1995. - Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.-Нью-арк, 1995.

Подосинов, 1999. - Подосинов А. В. Ex oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Поло, 1997. - Поло Марко. О разнообразии мира // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.

Посольская, 1984. - Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. М., 1984.

Посольские, 1995. - Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995.

Посольские, 2006. - Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань, 2006.

Потемкина, 1964. - Потемкина Т.М. Большое Бакальское городище // Археология и этнография Башкирии. Т.2. Уфа, 1964.

Потемкина, Матвеева, 1997. - Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.

Похлебкин, 2000. - Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 (от битвы на р.Сить до покорения Сибири): Справочник. М., 2000.

Почекаев, 2006. - Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

Почекаев, электронный вариант. - Почекаев Р.Ю. Правовое положение Улуса Джучи в Монгольской империи 1224-1269 гг. // <http://www.kyrgyz.ru>

Преображенский, 1964. - Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению: Сборник статей, посвященных 75-летию С.Н.Валка. М.-Л., 1964.

ПСРЛ, 1949. - Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949.

ПСРЛ, 1950. - Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжский летописный свод. М., 1950.

ПСРЛ, 1959. - Полное собрание русских летописей. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959.

ПСРЛ, 1963. - Полное собрание русских грамот. Т.18. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л., 1963.

ПСРЛ, 1965-а. - Полное собрание русских летописей. Т.9-10. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 1965-б. - Полное собрание русских летописей. Т.11-12. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 1965-в. - Полное собрание русских летописей. Т.13. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 1982. - Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л., 1982.

ПСРЛ, 1987. - Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М., 1987.

Пузанов, 1997. - Пузанов В.Д. Условия формирования военно-административной системы в Зауралье // Итоги и задачи регионального краеведения: Материалы Всероссийской конференции. Ч.1. Курган, 1997.

Пчелов, 2001. - Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX - начала XI в. М., 2001.

Расторопов, 1993. - Расторопов А.В. Этнокультурная интерпретация археологических памятников лесного и лесостепного Зауралья в раннем железном веке и средневековье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Рафикова, 2007. - Рафикова Т.Н. История исследования и историография бакальской культуры // Ab origin. Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007.

Рашид ад-Дин. 1952-а. - Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1952-б. - Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960. - Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.2. М.-Л., 1960.

Рашид ад-Дин, 1987. - Рашид ад-Дин. Огуз-наме // Фазлалах Рашид ад-Дин. Баку, 1987.

Ремезов, 1989. - Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. М., 1989.

Родословные. - Родословные монгольских династий // <http://www.kulichki.ru>

Рогожин, 1990. - Рогожин Н.М. Вступительная статья // Обзор посольских книг из фондов и коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV - начало XVIII в.). М., 1990.

Романив, 2002. - Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Ру, 2004. - Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2004.

Рубрук, 1997. - Де Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.

Рыкин, электронный вариант. - Рыкин П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики культурный контекст // <http://khubilai.narod.ru/business.html>

Рябина, 2007. - Рябина Е.А. Сибирский поход 1483 г.: к проблеме взаи-

моотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007.

Савинов, 1979. - Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

Савинов, 1984. - Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Савинов, 1994. - Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.

Савинов, Бобров, 2007. - Савинов Д.Г., Бобров В.В. О циклическом характере воспроизведения традиций (к обсуждению проблемы) // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы конференции. Екатеринбург, 2007.

Садохин, 2001. - Садохин А.П. Этнология. М., 2001.

Сальников, 1946. - Сальников К.В. Отчет об археологических исследованиях, произведенных экспедицией Уральского государственного университета в 1946 году // Архив Института археологии РАН (г.Москва).

Сальников, 1956. - Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения р. Исети в 1940 г.) // Советская археология. Т. XXV. М., 1956.

Сальников, 1961. - Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // Советская археология. 1961. № 2.

Сафаргалиев, 1996. - Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

Сборник, 1866. - Сборник Муханова (Документы по русской истории). Второе изд., доп. СПб., 1866.

СГГД, 1819. - Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. М., 1819.

СГГД, 1894. - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.5. М., 1894.

Семенов, 1953, электронный вариант. - Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Труды Академии наук Таджикской ССР. Том XII. 1953 // <http://www.kyrgyz.ru>

Сергеев А., 1993. - Сергеев А.С. Отчет о раскопках Прыговского археологического комплекса в Шадринском районе Курганской области летом 1993 года // Архив Курганского областного краеведческого музея.

Сергеев В., 1976. - Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (по восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976.

Сказания. - Сказания сибирских татар // <http://www.vostlit.info>

Скрынников, 1986. - Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.

Скрынникова, 1997. - Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

Словцов, 1886. - Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.

- Соколова, 1982.* - Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982.
- Сокровенное сказание, 2002.* - Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А.Козина. М., 2002.
- Солодкин, 2002.* - Солодкин Я.Г. Тобольские татары и начало сибирского летописания (историографические заметки) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
- Сорогин, 2007.* - Сорогин Е.И. Причины «Великой Замятни» как общего кризиса кочевого общества // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. №2.
- Строгановская, 1907.* - Строгановская летопись (по списку Спасского) // Сибирские летописи. СПб., 1907.
- Строгановская, 1996.* - Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч. I. Екатеринбург, 1996.
- Султанов, 1982.* - Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.
- Султанов, 2001.* - Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана. Алматы, 2001.
- Султанов, 2002.* - Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Султанов, 2006.* - Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Суслова, 2002.* - Суслова С.В. Самодийско-угорский компонент в народной одежде зауральских татар // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002.
- Тадина, 1984.* - Тадина Н.А. Историческое значение Тюркского каганата в этногенезе тюркских народов // Этническая история тюркоязычных народов. Омск, 1984.
- Таиров, 2003.* - Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- Тизенгаузен, 1941.* - Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Тизенгаузен, 1941.* - Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских источников. М.-Л., 1941.
- Титулы, 1996.* - Титулы и чины, звания и должности в Азии, исламском мире и Золотой Орде / Сост. Д.Ю. Шарапов. Волгоград, 1996.
- Тоган, 2001.* - Тоган И. Джучи-хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001.

Томашевская, 2002. - Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: опыт этнической истории башкирского народа в новое время. Уфа, 2002.

Томилов, 1980. - Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI- первой четверти XIX в. Томск, 1980.

Томилов, 1995. - Томилов Н.А. Сибирские татары - кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн.1. Томск, 1995.

Тортика и др., 1994. - Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев В.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. № 1.

Трепавлов, 1992. - Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Medii aevi. VII (1987-1991). Wiesbaden, 1992.

Трепавлов, 1993-а. - Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи в XIII веке. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов, 1993-б. - Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых обществах (очерк историографии) // Mongolica. К 750-летию Сокровенного сказания. М., 1993.

Трепавлов, 1997. - Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV-XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн.2. М.-Иркутск-Тэгү, 1997.

Трепавлов, 2001-а. - Трепавлов В.В. Генеалогические легенды в Дешт-и Кипчак XV-XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001.

Трепавлов, 2001-б. - Трепавлов В.В. Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях // Вестник Евразии. 2001. № 2.

Трепавлов, 2002-а. - Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трепавлов, 2002-б. - Трепавлов В.В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Трепавлов, 2006. - Трепавлов В.В. Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) // Тюркологический сборник - 2005: Тюркские народы России и Великой степи. СПб., 2006.

Трепавлов, 2007-а. - Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // X Сулеймановские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007.

Трепавлов, 2007-б. - Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов, 2007-в. - Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родословие Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007.

Троицкая, 2002. - Троицкая Т.Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума

«Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Угдыжеков, 1995. - Угдыжеков С.А. К оценке политической ситуации в Южной Сибири начала XIII века // Известия лаборатории археологии ГАГУ. Горно-Алтайск, 1995.

Ускенбай, 2003. - Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII - первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алматы, 2003.

Ускенбай, электронный вариант. - Ускенбай К. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник - 2005. Тюркские народы России и Великой степи // <http://www.kyrgyz.ru>

Усманов, 1982. - Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманов, 1972. - Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов, 1985. - Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Утемиш-хаджи, 1992. - Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Ибн Фадлан, 1992. - Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. Казань, 1992.

Файзрахманов, 2002. - Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.

Федоров-Давыдов, 1973. - Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Фодор, 2007. - Фодор И. Евразийская степь и карпатская котловина // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.2. Казань, 2007.

Фоскарينو, электронный вариант. - Фоскарينو М. Донесение о Московии // <http://www.vostlit.info>

Хазанов, 2002. - Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Хазанов, 2006. - Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под ред. Л.Е.Грипина и др. Волгоград, 2006.

Хайдар, 1996. - Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент, 1996.

Халиков, 1994. - Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.

Халикова, 1976. - Халикова Е.А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.

Хара-Даван, 1996. - Хара-Даван Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

Хенниг, 1961. - Хенниг Р. Неведомые земли. Т.2. М., 1961.

Хордадбех, 1986. - Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / комментарии и

- перевод Н.М.Валихановой. М., 1986 // <http://www.vostlit.info>
- Хорошкевич, 2003.* - Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Храпачевский, 2004.* - Храпачевский Р. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Худуд ал-алам, 1973.* - Худуд ал-алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. // <http://www.vostlit.info>
- Худяков, 1991.* - Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Худяков, 2000.* - Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы конференции. Казань, 2000.
- Чернецов, 1957.* - Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. № 58. М., 1957.
- Чимитдоржиев Ш.Б., 1992.* - Чимитдоржиев Ш.Б. Русские летописи как источник по истории средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992.
- Шейбаниада, 1849.* - Шейбаниада, история монголо-тюрок на джагатайском диалекте Казань, 1849 (Библиотека восточных историков, изд. И.Березиным, т. 1).
- Шейбани-хан, 1967.* - Шейбани-хан Мухаммад. Таварих-и Гузида-йи Нусратнаме. Ташкент, 1967.
- Шилов, Маслюженко, 2004.* - Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Этнические взаимодействия на территории лесостепного Притобья в раннее средневековье (по материалам Усть-Суерское-4) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Материалы международной конференции. Барнаул, 2004.
- Шильтбергер, 1984.* - Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.
- Шляхова, 1977.* - Шляхова В.И. Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область) // Советская археология. 1977. № 4.
- Штаден, электронный вариант.* - Штаден Г. Записки о Московии // <http://www.vostlit.info>
- Штаерман, 1989.* - Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2.
- Шушарин, 1971.* - Шушарин В.П. Венгерские племена до прихода в Среднее Подунавье // История Венгрии. Т. I. М., 1971.
- Шушарин, 1997.* - Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
- Щеглов, 1993.* - Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 г.г. Сургут, 1993.
- Юань-ши, 2004.* - Юань-ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Юдин, 1992.* - Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Юрченко, 2002. - Юрченко А.Г. Францисканская миссия 1247 года во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Юшков, 1861. - Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 35. Часть неофициальная.

Яблонский, 2007. - Яблонский Л.Т. Осторожно: этногенетическое исследование в современной России // Средневековая археология евразийских степей. Т.1. Казань, 2007.

Ядринцев, 2000. - Ядринцев Н. Бухарцы в Западной Сибири // Ядринцев Н. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000.

Якимов и др., 2007. - Якимов А.С., Демкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII-XIV вв. н.э.). М., 2007.

Яковлев, 1994. - Яковлев Я.А. Поселения. Традиции и новации в эпоху средневековья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.1. Кн.1. Томск, 1994.

Якубовский, 1992. - Якубовский А. Тимур // Тамерлан: эпоха, личность, деяния. М., 1992.

Яминов, 1995. - Яминов А.Ф. Южный Урал в системе географических представлений XIII-XIV вв. (по материалам письменных источников) // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995.

Ярзуткина, 2002. - Ярзуткина А.А. «Идолопоклонство» сибирских татар: история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

The Cambridge History, 1990. - The Cambridge History of Early Inner Asia / ed. By Denis Sinor. Cambridge, 1990.

Frank, 1994. - Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers of Inner Asia. № 27. Bloomington, Indiana, 1994.

Gammer, 2005. - Gammer M. Russia and the Eurasian Steppe Nomads: an overview // Mongols, Turks and Others Eurasian Nomads and the Sedentary World / ed. by Reuren Amitai and Michal Biran. Brill, Lteden, Boston, 2005.

Jackson, 2001. - Jackson P. From Ulus to Khanate: The making of the Mongol States (1220-1290) // The Mongol Empire and its legacy / ed David O.Morgan. Leiden: Brill, 2001.

Koryakova, 1996. - Koryakova L. The Southern Ugrians Society on the ere of Great Migration of Peoples // Congressus Octarus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII. -Moderatores Javaskyla, 1996.

Macartney , 1930. - Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930.

MacChesney. - MacChesney Robert D. The Legacy of Chingis Khan in Law and politics // <http://www.mongoliantculture.com>

Sela. - Sela R. An Introduction to Timur' s Role In Early Modern Central Asian History // <http://cess.iatp.org.ge>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Предпосылки формирования татарских политических объединений в Сибири (до начала XV века)	8
1.1. Формирование облика населения лесостепи Западной Сибири в эпоху средневековья (на примере бакальской культуры)	8
1.2. Джучи и Джучиды в истории южной лесостепи Западной Сибири 1220-1230-х гг.	29
1.3. Улус Шибана и его функционирование в системе Золотой Орды	43
1.4. Шибаниды и события в Золотой Орде во второй половине XIV в.	62
Глава 2. Формирование и функционирование независимого Сибирского ханства Шибанидов (XV-XVI вв.)	72
2.1. Борьба за независимость Сибирского улуса Шибанидов (первая половина - середина XV в.)	72
2.2. Ибрахим-хан и период независимости Тюменского ханства Шибанидов (конец XV в.)	91
2.3. Сибирские Шибаниды и Сибирское княжество Тайбугидов: «между молотом и наковальней» (конец XV- середина XVI вв.)	101
2.4. Гибель Сибирского княжества и реставрация власти Шибанидов в Сибири при Кучум-хане	118
Заключение	138
Список использованных источников и литературы	141

Научное издание

Маслюженко Денис Николаевич

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Монография

Редактор Н.А. Леготина

Подписано к печати
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 12,5
Тираж 100

Бумага тип.№1
Уч.-изд.л 12,5
Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25
Курганский государственный университет